

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**«СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
ОБЩЕСТВА: ИНФОРМАЦИОННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ, ИННОВАЦИИ
И ТРАДИЦИИ»**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

*Под общей редакцией
кандидата философских наук, доцента Варич В. Н.*

Основан в 2004 г.

Выпуск XIII

Брест 2021

ББК 60.5я43+74.480.46я43
УДК 316.422
С40

Редакционный совет:
кандидат философских наук, доцент,
Брестский государственный технический университет *Варич В. Н.*,
доктор философских наук, профессор,
Белорусский государственный университет *Беляева Е. В.*,
кандидат философских наук, доцент,
Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина *Крузь П. П.*,
кандидат исторических наук, доцент,
Брестский государственный технический университет *Лисовская Т. В.*

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории Беларуси БрГУ имени А. С. Пушкина
В. В. Зданович
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин БрГУ имени А. С. Пушкина
О. Н. Иванчина

С40 Системная трансформация общества: информационные технологии, инновации и традиции : сборник научных трудов / БрГТУ ; под ред. В. Н. Варич [и др.]. – Брест: Издательство БрГТУ, 2021. – 167 с.

ISBN 978-985-493-502-7

В сборнике научных трудов представлены результаты гуманитарных исследований по актуальным проблемам современного общества, связанным с процессами его трансформации. Производится анализ системных социальных изменений и тех преобразований, которые затрагивают конкретные сферы социальной жизнедеятельности и социальные институты, – государство, семью, образование, религию, национальные культуры и особенности их исторического развития.

ББК 60.5я43+74.480.46я43
УДК 316.422

ISBN 978-985-493-502-7

© Издательство БрГТУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

АВСЕЙКОВА Н. И. СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	6
АТДАЕВА О. Г. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ТУРКМЕНИСТАНЕ	9
БЕЛЯЕВА Е. В. ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ	14
БОРЩ В. А. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ИДЕЙ Г. КОНИССКОГО	17
БУРКО О. П. СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	21
ВАРИЧ В. Н. ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ	27
ГАЛИМОВА Г. П. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЛУНИНЕЦКОМ РАЙОНЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ (1950–1990 ГГ.)	31
ГОРУПА Т. А. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АСПЕКТЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА	35
ГРИБОВА С. В. КУЛЬТОВОЕ СООРУЖЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР – МЕЧЕТЬ В НЕКРАШУНЦАХ: ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И РЕЛИГИОЗНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ	40
ГРИГОРОВИЧ Е. Н. ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА	45
ГУДЕЛЬ В. В. К ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	50
ДАНИЛОВ Ю. Д. О ДИСКУССИЯХ ПО ПРОБЛЕМЕ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА	54
ИПАТОВА О. В. ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ СПЛОЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	59
КАВЕЦКИЙ С. Т. АНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ	64

КЛИМОВИЧ А. В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В ВУЗЕ	68
КОВАЛЁВА Н. Н. ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ПРОЦЕССЕ СОВЕТИЗАЦИИ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНО-БЕЛОРУССКОГО РЕГИОНА)	71
КОЗЛОВ А. В. ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА.....	75
КРУСЬ П. П. К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	80
КУДРИЦКАЯ Е. Г. МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ И ЛОЯЛЬНОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ.....	84
КУЗЬМИЧ В. Н. ИНТЕРАКТИВНАЯ ЛЕКЦИЯ КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА УЧЕБНОГО ЗАНЯТИЯ СО СТУДЕНТАМИ И СТАРШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ.....	90
ЛАГОНДА Г. В. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	94
ЛАГУНОЎСКАЯ А. А. КАНФЕСІЙНЫЯ КАШТОЎНАСЦІ ЯК МАРАЛЬНЫЯ РЭГУЛЯТЫВЫ ГРАМАДСКАГА ЖЫЦЦЯ У ГІСТОРЫІ ФАРМІРАВАННЯ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ	98
ЛИСОВСКАЯ Т. В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ	103
ЛОЙКО Н. Н. СТАНОВЛЕНИЕ И СПЕЦИФИКА СЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ	109
МЕДВЕДСКАЯ Е. И. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРИВЫЧКИ ВЗРОСЛЫХ С РАЗНЫМИ РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫМИ СИСТЕМАМИ	113
МЕДИЧЕНКО Л. Е. ДИНАМИКА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРОВАННОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	117
МИЛАЧ Т. М. ТРАНСФОРМАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ЗЕМЕЛЬ ИВАНОВЩИНЫ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	121

НАУМОВА В. И. ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И ПАНДЕМИЯ	126
ПОСОХИНА Г. И. РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СТРАНАХ АЗИИ: ОПЫТ ИНДИИ	129
ПРИМИЧЕВА З. Н. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ОБУЧЕНИИ МАТЕМАТИКЕ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ	134
РОЗЕНБЛАТ Е. С. СОВРЕМЕННОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ	137
САВЧУК Т. П. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	139
СКАКУН Е. В. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	142
СТРЕЛЕЦ М. В. В. И. ДОЛГИХ КАК ПРИМЕР УПРАВЛЕНЦА СО СТРАТЕГИЧЕСКИМ МЫШЛЕНИЕМ	147
СУШКО В. В. НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА	151
ХАВКИН Б. Л. НУЖНА ЛИ «JUDENSAU» ПОСЛЕ АУШВИЦА?	155
ХАРИЧКОВА Л. В. ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА НА ПУТИ К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ	159
ЧУГУНОВА Т. И. К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	162

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

АВСЕЙКОВА Н. И.

*Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова,
г. Могилев, Беларусь*

Ценности – это то, что нужно людям для удовлетворения потребностей и интересов, а также идеи и их побуждения в качестве нормы, цели и идеала.

В. П. Тугаринов

Если проследить историю развития семьи и семейного воспитания, то можно увидеть, что она прошла огромный путь. Из глубины веков и по сегодняшний день актуальны средства народной педагогики: сказки, пословицы, поговорки, легенды, игры, песни. Именно в них и была заложена основа семейной жизни, правила и этика взаимоотношений, уважение и почитание своих родителей, забота о детях и другое. Через различные формы народного творчества мы имеем представление о семье и семейных отношениях, традициях и обычаях, не потерявших своей нравственной ценности и поныне.

Однако современное общество, его постоянное совершенствование и изменение влечет за собой трансформацию семьи и семейных ценностей. В последнее время ученые фиксируют изменения общественного мнения о семейных ценностях (Ш. А. Амоношвили, Ч. Рейч, Е. В. Бондаревская, В. В. Четет, Е. В. Мжельская и др.). На институт семьи в Республике Беларусь влияют многие факторы и, прежде всего, система исторически сложившихся ценностей и норм, политические, культурные и религиозные особенности страны. Появляются новые ценности, взгляды на социально-культурные представления человека. Не всегда эти новшества носят положительный характер, однако в иерархии восьми личностных ценностей молодежи Беларуси второе место занимает семейное благополучие (первое – здоровье, третье – личная свобода, четвертое и пятое – экономическое и материальное благополучие [1, стр.7]).

Система ценностей человека можно назвать «фундаментом» его личности. Через нее формируются взаимоотношения с окружающими людьми, отношения его к миру. Ценностью можно назвать положительную или отрицательную значимость объектов окружающего мира. В основном оценка определяется не столько свойствами предметов самих по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, человеческими интересами, потребностями, социальными отношениями.

Классификация семейных ценностей вытекает из определения семьи. Семейные ценности можно разделить по элементам связи внутри семьи: ценности,

связанные с супружеством; ценности, связанные с родительством и ценности, связанные с родством.

Социологи М. С. Мацковский и Л. И. Савинова среди ценностей семьи выделяют:

– в сфере брачного поведения и выбора брачного партнёра:

- для личности – любовь, влечение, физическая привлекательность, статус в обществе, социокультурные параметры;

- для семьи – ценностные ориентации, связанные с возможностью продолжить род, фамилию, расширить родственные связи, следовать традициям, обычаям и образу жизни родительской семьи;

– в сфере родительства: сострадание, взаимопонимание, готовность прийти на помощь, ответственность друг за друга;

– дети как семейная ценность: наследники, продолжатели рода и фамилии, опора в старости, смысл жизни;

– семейные функции как ценность: хозяйственно-бытовая, досуговая, воспитательная, сексуальная, эмоциональная, социального контроля;

– сфера отношений как семейная ценность: истинные, мнимые, прерывистые, конфликтные, творческие и т. д.;

– выполнение семейной роли – способность к плодотворности, разрушению;

– социализация как семейная ценность: приобщение к культуре, образование, карьера, материальное благополучие [2].

К сожалению, время меняется и семейные ценности меняются. Можно сказать, не в лучшую сторону. Трансформация семейных ценностей находит свое выражение в следующих процессах:

– численность браков уменьшается, а число разводов увеличивается;

– популярны гражданские браки, рождение детей откладывают на более поздний срок, либо не рожают вовсе по собственной воле;

– наблюдается увеличение рождаемости внебрачных детей;

– в некоторых странах становятся популярными однополые браки;

– повышенный уровень стресса у родителей, перегрузки, тревожность – причина снижения качества семейного воспитания.

Социология семьи выделила две основные исследовательские парадигмы:

1) «Прогрессистская» парадигма (представители А. Г. Вишневский, С. И. Голод, М. С. Мацковский и др.) рассматривает процессы в современной семье как позитивные и ведущие к увеличению многообразия семейных форм. А все негативные явления, связанные с невыполнением семьей ее функций, относят к незавершенности процесса перехода от старой к новым семейным формам.

2) «Кризисная» парадигма (А. И. Антонов, В. А. Борисов и др.) видит причину кризиса семьи в невыполнении ею своих функций, кризисом семейных ценностей и общим ценностным кризисом в современном обществе. Семейные ценности, в частности ценность многодетной семьи и стабильного брака, заменяются на ценности, связанные с личными (индивидуальными) устремлениями людей, что приводит к дисбалансу в обществе между потребностью общества в воспроизводстве и социализации новых поколений и выполнением семьей репродуктивной и социализационной функций.

С одной стороны, семья ушла от «патриархальной» модели, не стоит на месте, а идет по направлению формирования равноправия в паре, умению вести

конструктивный диалог, но с другой стороны – семья теряет многие жизненно важные функции. На первом плане у современного человека – его индивидуальность, уникальность и ориентация на самого себя. Индивид должен быть достаточно развит духовно, обладать определенными знаниями, чтобы, не теряя своих личных ценностей, смог создать союз с другим индивидом, уважая его особенности и ценности.

Как результат, сегодня общество как никогда испытывает потребность в восстановлении прежних ценностей, в изучении новых тенденций и процессов, а также в организации практической подготовки подрастающего поколения к семейной жизни. В центре внимания – дети. Именно от того, в какой атмосфере, в каких условиях будет осуществляться их воспитание и образование, зависит будущее не только отдельной личности, гражданина, но и всей страны. К условиям формирования семейных ценностей у детей любого возраста можно отнести: образованность родителей и их профессиональный статус; экономическое благосостояние семьи; состав; микроклимат; уровень культуры; отношение родителей к образованию и воспитанию детей; наличие в семье обычаев и традиций; близкие отношения с родственниками; знание истории своей семьи. Во многих случаях семья не в полном объеме выполняет свою образовательную функцию. Семейное право и порядок нарушается в большей части цивилизованного мира. А будущее каждой отдельной страны зависит от здоровой семейной структуры.

Важнейшей задачей общества является создание единой системы, направленной на укрепление и сохранение семьи как основной микросреды социализации и защиты человека с целью формирования у него истинных общечеловеческих ценностей, которые с изменением исторических условий трансформировались, модифицировались, но вместе с тем, остались признанными всем цивилизованным обществом [3, с. 8].

Система образования обладает рядом преимуществ по сравнению с другими социальными системами: располагает педагогическими кадрами, специальными временными, материальными ресурсами. Именно поэтому она должна занимать в этом процессе основное место. С целью сохранения семьи как важной и ценностной составляющей в жизни индивида необходимо донести значимость исторически сложившихся семейных ценностей и традиций, ориентироваться на преобразования и изменения в обществе на современном этапе, доносить важность семьи, ее ценности на всех уровнях образования (от дошкольного до профессионального) и всем субъектам образования: детям, родителям, педагогам. Сделать это возможно через четко выстроенную систему работы, соблюдая преемственность между социальными институтами. Использование ценностного, системного подхода применительно к жизнедеятельности современной семьи, тандем между социальными институтами и образовательными учреждениями в перспективе может помочь разрешить противоречия, которые имеются между высоким индивидуальным и общественным статусом семьи и наблюдаемыми деструктивными тенденциями в ее развитии.

Таким образом, можно сказать о том, что особую актуальность приобретает проблема сохранения семейных ценностей семьи в контексте происходящих в современном социуме трансформаций. Именно поэтому к ней приковано внимание со стороны ученых, педагогов и психологов, социологов, общества.

Изучение этой проблемы, нахождение путей ее решения способствует лучшему пониманию механизмов формирования системы ценностных ориентаций общества в целом.

Литература

1. Чечет, В. В. Педагогика семьи : учеб. пособие // В. В. Чечет. – Минск : БГПУ, 2015. 176 с.
2. Савинов, Л. И. Семьеведение: учеб. пособие / Л. И. Савинов. – Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2000. – 196 с.
3. Семья XXI века: ценности, ориентиры: материалы II международной конференции (ноябрь 2008 г.) / Под общ. ред. В. Я. Манчева, Л. В. Куриленко. – Самара : Изд-во «Универс-групп», 2008, 304 с.

Ключевые слова: семейное воспитание, современная семья, ценности семьи, семейные ценности, классификация семейных ценностей, семейная педагогика, семья.

Key words: family education, modern family, family values, family values, classification of family values, family pedagogy, family.

В статье описаны основные проблемы современной семьи. Дана классификация семейным ценностям, отражены основные исследовательские парадигмы семейных ценностей. Намечены пути сохранения семейных ценностей в современном обществе.

The article describes the main problems of the modern family. The classification of family values is given, the main research paradigms of family values are reflected. The ways of preserving family values in modern society are outlined.

УДК

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

АТДАЕВА О. Г.

*Туркменский государственный институт экономики и управления,
г. Ашхабад, Туркменистан*

Современный Туркменистан – независимое, нейтральное, динамично развивающееся государство в Центрально-Азиатском регионе, обладающее богатейшим природным, внушительным производственным, инфраструктурным и человеческим потенциалами, имеющее разветвлённую транспортно-коммуникационную систему. В транспортно-коммуникационной отрасли проводится комплексная модернизация и диверсификация инфраструктуры с применением самого передового оборудования, расширятся система связи, цифрового теле- и радиовещания, планомерно внедряется система электронного документооборота. Развитая сеть телефонных станций, включая цифровые, обеспечивает высококачественные услуги связи, а также высокоскоростные каналы для подключения к широкополосному интернету и передачи данных. Сегодня наша страна активно проводит всеобъемлющие реформы и преобразования, способные обеспечить устойчивый рост Туркменистана на долгие годы вперёд.

В стране выдвинуты новые задачи по ускоренному развитию экономики, которые основаны на использовании современной техники и передовых технологий, на создании инновационных производственных структур и стимулировании инвестиционной деятельности [1].

Реализуемая под руководством Президента Туркменистана комплексная стратегия по последовательному укреплению позиций нашей страны в числе развитых мировых государств способствует интенсификации развития всех отраслей национальной экономики, в том числе отечественной сферы связи и коммуникаций на основе инновационных технологий. В результате комплексной модернизации и диверсификации отраслевой структуры информационно-коммуникационных технологий, внедрения наиболее продуктивных образцов оборудования и инноваций в нашей стране налажена эффективная работа развёрнутой сети Интернет, цифрового телевидения и радиовещания. Одновременно интенсивными темпами внедряется система электронного документооборота.

Ускоренная цифровизация национальной экономики формирует надёжную базовую основу поступательного социально-экономического развития Туркменистана, повышения качества государственных услуг. Цифровая экономика призвана способствовать развитию и совершенствованию национального законодательства, сокращению числа бумажных носителей различной документации, а также облегчить доступ предпринимателей и граждан к сфере государственных услуг.

Процесс цифровизации национальной экономики Туркменистана характеризуется повышением значимости информационных и цифровых ресурсов в общественной жизни и в сфере финансов. Налицо все основания утверждать: процессы цифровизации, освоения и применения самых прогрессивных цифровых технологий в нашей стране набирают внушительную динамику. На передний план уверенно выходят экономические сегменты, использующие цифровые механизмы в сферах медиа, ритейла и банковского дела. Исследования показали, что это требует создания модернизированной инфраструктуры, формирования соответствующей институциональной среды, повышения цифровой культуры как специалистов, так и населения, непрерывного профессионального совершенствования кадров. В соответствии с «Концепцией развития цифровой образовательной системы в Туркменистане» [2], ведётся большая работа по обеспечению всех сегментов отечественного образования качественной профильной информацией в электронном формате. В данном контексте большое значение отводится мерам по организации и проведению специальных учебных курсов и семинаров для специалистов, занятых во всех секторах отечественной экономики. Прилагаются значительные усилия по повышению качества и совершенствования методики преподавания.

В настоящее время в кредитных учреждениях Туркменистана налажена развёрнутая система передачи данных. Осуществляются эффективные меры по совершенствованию денежного оборота, расширению сети национальных и международных платёжных систем с применением банковских карт, дальнейшему расширению сферы безналичных расчетов. В результате количество зарегистрированных банковских карт, установленных терминалов, банкоматов и безналичных расчетов, осуществляемых через системы «Интернет-банкинга» и «Мобильный банк», последовательно увеличивается. Это создаёт дополнительные удобства для населения в осуществлении дистанционных платежей по

пользованию жилищно-коммунальными услугами (за воду, электричество, природный газ, канализацию, отопление, квартирной платы и т. д.), существенно нарастить возможности бронирования и покупки пассажирских билетов на все виды транспорта через виртуальную сеть. Предусмотрены комплексные меры по дальнейшему совершенствованию работы национальной платёжной системы «Алтын асыр», в частности модернизация программного обеспечения её процессингового центра, внедрение прогрессивных технологий бесконтактных платежей, технологий «QR-кодов» в сфере платёжных карт, применение технологий защиты на площадках электронной торговли.

В эпоху могущества и счастья в нашей стране осуществляется большая работа по повсеместному внедрению системы электронного документооборота, совершенствованию цифровой связи, распространению электронного формата услуг.

В числе стратегических задач, намеченных «Программой Президента Туркменистана по социально-экономическому развитию страны на 2019–2025 годы» [3], следует указать увеличение доли информационно-коммуникационных технологий в совокупном объёме валового внутреннего продукта, стиранию цифровых различий в уровне жизни веляатов, городского и сельского населения. Успешная реализация программных преобразований в ближней перспективе будет способствовать ускоренному переходу национальной экономики на инновационный путь развития, повышению уровня трудового обеспечения за счёт развития наукоёмких отраслей, наращиванию национального производственного потенциала страны, прежде всего, за счёт внедрения высокопродуктивных технологий, налаживания эффективного документооборота, расширения ассортимента электронных услуг, оказываемых населению.

На современном этапе реализуется национальная модель диверсифицированного развития экономики, осуществляются комплексные меры по выходу по степени цифровизации на уровень ведущих мировых стран. В принятой уважаемым Президентом Туркменистана «Концепции развития цифровой экономики в Туркменистане на 2019–2025 годы» [4] определены чёткие цели и задачи развития цифровой экономики в стране. Согласно Концепции запланированы решительные шаги по активному внедрению наиболее прогрессивных, в том числе цифровых, технологий в различных отраслях и сегментах национальной экономики, переходу на систему электронного документооборота и электронной идентификации личности; формированию конкурентоспособной цифровой экономической среды, расширению сферы торговли и услуг электронного формата, а также налаживанию динамично развивающейся электронной промышленности. Успешная реализация указанных целей обусловит формирование эффективно функционирующего, динамично развивающегося пространства экономических отношений, в базовой своей основе опирающихся на инновационные информационно-коммуникационные технологии, призванные существенно экономить время и средства, выявлять новые источники получения прибыли.

Еще одним важным условием успешной цифровизации экономики является внедрение системы «Цифровое правительство» и электронного формата всех видов государственных услуг на основе внедрения информационно-коммуникационных технологий в разные отрасли национальной экономики. В данном контексте одной из задач концепции развития цифровой экономики в нашей стране является ускоренное внедрение и совершенствование системы

«Электронного правительства», положительно влияющей на принятие эффективных решений с использованием большой базы данных в системе государства и местного самоуправления. По поручению Президента Туркменистана в стране создан единый интернет-портал (www.e.gov.tm) государственных услуг, представляющий собой автоматизированную информационную систему «одно окно». В этих целях совершенствуется и законодательная база, принят Закон Туркменистана «Об электронном документе, электронном документообороте и цифровых услугах» [5].

Использование информационных технологий, применение интернет-платформ цифрового рынка способно на порядок повысить эффективность мер, осуществляемых в самых различных экономических отраслях и сегментах. Неустанными усилиями уважаемого Президента Туркменистана в эпоху могущества и счастья вопросы коренной цифровизации национальной экономики обретают стратегическую значимость в контексте упрочения позиций нашей страны в числе развитых мировых держав. В результате открываются широкие возможности для автоматизации и обеспечения централизованного управления всех базовых форм производственно-экономической деятельности, дальнейшего развития цифровой среды производственного и потребительского рынков, повышения конечной эффективности всех субъектов экономической деятельности, совершенствования и расширения знаний за счёт активизации информационного обмена. Предусматривается объединение информационных систем и подразделений, создаваемых во всех отраслях и регионах страны, в единую общегосударственную автоматизированную информационную систему.

Цифровые преобразования в экономических отраслях вовлекают в свою орбиту меры по автоматизации транспортно-логистической сферы, внедрению наиболее перспективных информационных технологий в системах промышленности, транспорта, сельского хозяйства, электронной торговли, государственного управления и государственных услуг, финансовой и банковской сферах, учреждениях образования, науки, спорта, здравоохранения, жилищно-коммунальных услуг. Достигнуты серьёзные подвижки в деле обеспечения доступности удобств информационно-коммуникационных систем для населения, целенаправленного развития телекоммуникационных отраслей, формирования систем оптического доступа во всех крупных городах страны, в том числе к услугам высокоскоростной интернет-связи. Кроме того, в целях дальнейшего продвижения к намеченным целям осуществляются меры по наращиванию технико-технологического потенциала, внедрению и использованию гибких технологических платформ, технологий больших данных, облачных технологий.

Цифровизация национальной экономики создаёт благоприятные предпосылки для активного внедрения систем, способствующих долгосрочному экономическому росту и обеспечению высокоэффективного производственного процесса, достижению устойчивого развития посредством повышения доли информационно-коммуникационных технологий в структуре валового внутреннего продукта, автоматизации и централизованного администрирования всех сфер производственно-экономической деятельности, создания дополнительных рабочих мест в высокотехнологичных экономических отраслях, стиранию граней в цифровом обеспечении городского и сельского населения и, в конечном итоге, дальнейшему повышению уровня благосостояния наших сограждан.

Развитие цифровой экономики, повышение степени доступности цифровых удобств, активная цифровизация экономики и широкое применение цифровых средств способствует успешному интегрированию нашей страны в глобальное цифровое пространство, повышению её конкурентоспособности на мировом рынке, переходу национальной экономики на путь инновационного развития. Кроме того, цифровизация экономики призвана способствовать дальнейшему росту частнопредпринимательской и инвестиционной активности, повышению трудового обеспечения за счёт развития наукоёмких отраслей, откроет новые возможности для неуклонного повышения уровня благосостояния всех слоёв общества через интенсивное внедрение прогрессивных информационных технологий. В основу избранной Туркменистаном модели цифровизации заложены имеющиеся в нашей стране позитивные возможности, интеллектуальный и творческий потенциал нации, высокий профессионализм молодых ученых, инженеров, технологов и специалистов в области управления цифровой экономикой.

Литература

1. Бердымухамедов Г. Туркменистан на пути достижения Целей устойчивого развития / Г. Бердымухамедов. – Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2018. – 14 с.
2. Президент Туркменистана утвердил Концепцию цифровой образовательной системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://turkmenistan.gov.tm/>. – Дата доступа: 15.09.2017.
3. «Программа Президента Туркменистана по социально-экономическому развитию страны на 2019–2025 гг.». – А. : Туркменская государственная издательская служба, 2019.
4. Утверждена «Концепция развития цифровой экономики в Туркменистане на 2019–2025 гг.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.turkmenistan.ru/>. – Дата доступа: 30.11.2018.
5. Об электронном документе, электронном документообороте и цифровых услугах [Электронный ресурс]: Закон Туркменистана. – Режим доступа: <http://minjust.gov.tm/>. – Дата доступа: 25.03.2020.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, цифровые платформы, электронный документооборот.

Key words: digital economy, information and communication technologies, digital platforms, electronic document management.

Ускоренная цифровизация национальной экономики формирует надёжную базовую основу поступательного социально-экономического развития Туркменистана, способствует успешному интегрированию нашей страны в глобальное цифровое пространство, повышению её конкурентоспособности на мировом рынке, переходу национальной экономики на путь инновационного развития. В основу избранной Туркменистаном модели цифровизации заложены имеющиеся в нашей стране позитивные возможности, интеллектуальный и творческий потенциал нации, высокий профессионализм молодых ученых, инженеров, технологов и специалистов в области управления цифровой экономикой.

Accelerated digitalization of the national economy forms a reliable basic basis for the progressive socio-economic development of Turkmenistan, contributes to the successful integration of our country into the global digital space, increasing its competitiveness in the world market, and the transition of the national economy to the path of innovative development. The digitalization model chosen by Turkmenistan based on the positive opportunities available in our country, the intellectual and creative potential of the nation, the high professionalism of young scientists, engineers, technologists and specialists in the field of digital economy management.

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

БЕЛЯЕВА Е. В.

*Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь*

Нарастающая цифровизация общества порождает разнообразные проблемы, в том числе нравственного характера. Беспокойство вызывает разрыв в характере общения между молодежью как «цифровыми аборигенами» и старшим поколением как «цифровыми иммигрантами» [1]. Активное использование разнообразных гаджетов, сервисов, сетей порождает определенный футурологический шок [2]. Между тем влияния виртуального мира на реальный не стоит бояться, его стоит изучать. Особого внимания заслуживают особенности нравственного общения в цифровой среде, которые можно изучить на примере студенческой молодежи как социальной группы, в наибольшей степени вовлеченной в подобные практики.

Данный текст написан на материале небольшого опроса, проведенного в Белорусском государственном университете и охватившего 50 студентов факультета философии и социальных наук и факультета социокультурных коммуникаций в возрасте 18–20 лет, которые заполнили бланки стандартизированного интервью. При столь небольшом числе респондентов получить количественные данные было невозможно. Поскольку все вопросы в интервью были открытыми, на основе контент-анализа высказываний, удалось выявить некоторые характеристики общения в цифровой среде, выявить особенности функционирования в ней нравственных ценностей. Поскольку опрос был анонимным, студенческие высказывания приводятся в кавычках без указания авторства.

Было установлено, что в общении даже с близкими родственниками у студентов доминируют мессенджеры: на первом месте Viber, на втором – Telegram. Телефонные звонки достаются только бабушкам и дедушкам, в то время как уже с родителями в основном идет переписка. С сестрами, братьями и более дальними родственниками общение происходит в социальных сетях, среди которых лидирует Vk и уверенно догоняющий его Instagram. Эти данные подтверждают общее наблюдение за характером современной коммуникации, в которой устная речь отходит на второй план по сравнению с письменной. При этом сообщения (в отличие от писем доцифровой эпохи) отличаются краткостью, упрощенным синтаксисом, заменой описаний на картинки, смайлики, эмодзи.

Общение студентов с преподавателями носит более официальный характер, кроме того, занимаясь учебной деятельностью, необходимо пересылать множество файлов, поэтому оптимальным каналом для этого выступает электронная почта. «Электронная почта является самым удобным способом для меня. Во время такого общения легко сохранить официальный стиль и в то же время оно является комфортным как для учащегося, так и для преподавателя». Самую большую долю студенческих писем к преподавателю составляют послания,

призванные получить информацию о каких-то элементах учебного процесса: переносе занятий, присылке учебных работ, сдаче зачета или экзамена. Именно такая чисто деловая переписка оформляется просто и строго, при этом минимальные необходимые правила вежливости обязательно соблюдаются. Со студентами, пишущими курсовые и дипломные работы, у преподавателя складывается устойчивая коммуникация, что позволяет собеседникам не повторять каждый раз бесконечные формулы вежливости, от чего нравственное отношение к адресату не исчезает, но проявляется, скорее, в скорости ответа, тщательности выполнения советов, четкости организации учебной работы.

Студенты отмечали, что ещё одной полезной функцией электронной почты является ее связующий характер по отношению к другим электронным ресурсам пользователя. «На нее приходит много акционных предложений, людям старшего возраста ей удобнее пользоваться и все логины и пароли при регистрации на сайтах приходят на нее».

Другой оптимальной площадкой для взаимодействия преподавателей и студентов стал Zoom, предназначенный для видеоконференций, а также образовательные платформы и, в частности, Moodle. Платформа позволяет размещать все учебные материалы в одном месте, все учебные работы студента попадают туда же, информация по любому учебному курсу системно распространяется. С появлением электронной образовательной платформы переписка со студенческими группами по электронной почте, в мессенджерах и социальных сетях сошла на нет.

Изменение структуры общения не только молодых людей, но и общества в целом, породило вопрос о том, сближает ли нас электронная коммуникация или разобщает. Мнения студентов по этому вопросу разделились, большинство отметило двойственную роль социальных сетей. «Социальная сеть делает людей в обществе ближе, так как социальные сети развивают человека в плане репертуара имеющихся у него методов и техник общения. Будь ты даже застенчивым и стеснительным – в социальной сети это может быть незаметно. Да и поддерживать дружескую связь тоже проще. Зачем встречаться каждый вечер, если можно создать чат и спросить, как у кого дела. Общение в сетях в большинстве случаев инспирирует и стимулирует живое общение, это уже доказанный факт. Очевидна и обратная тенденция. Ведь в живом общении более богатом эмоциями и непосредственными реакциями, мы о многом не успеваем рассказать друг другу. Тем более, если живем на огромном расстоянии от партнера, сеть исправит этот недостаток. Однако через сеть принципиально невозможно реализовать ряд функций живого общения (например, любить человека и заботиться о нем), но к этому и не надо стремиться любой ценой. Важно найти нужный баланс между непосредственным общением и общением в социальных сетях, который и позволит нам быть счастливыми, нужными друг другу и, одновременно, защищенными от избытка ненужного общения, больше разрушающего нас, чем укрепляющего и одухотворяющего».

Несмотря на множество высказываний об анонимности как чуть ли не главной черте общения в интернете, современная виртуальная коммуникация чаще всего такой не является. Несмотря на широкие возможности заведения новых знакомств по всему миру, в действительности большинство студентов общаются в сетях с теми же людьми, с которыми знакомы в реальности. Это подтвердили

ответы на вопрос: отличается ли отношение к друзьям в реальности от отношения к френдам в сети. Оказалось, что у большинства студентов это одни и те же люди и нравственное отношение к ним не отличается: «В моем понимании дружба не может быть подвергнута какой-либо деформации под эгидой цифровизации».

Между тем определенная анонимность цифровой среды присутствует, что позволяет недобросовестным личностям заниматься кражами и мошенничеством. «С кражами в реальном пространстве мы знакомы, знаем, как они могут произойти. А то, что касается цифрового пространства, то в данном случае ты совершенно не можешь предугадать, в какой момент может произойти кража. Более того, ты можешь ни на что повлиять». Сравнивая кражи в реальности и в интернете, студенты справедливо отметили, что в виртуальной реальности появился новый предмет кражи – личные данные и другая информация, в то время как в реальности предметы кражи чаще всего материальны. Что же касается мошенничества, то его в виртуальном пространстве действительно осуществить легче, однако по мере повышения грамотности пользователей их способность распознать мошенников растет. Столкновение с любыми преступными действиями шокирует, что в интернете, что в реальности.

Иногда также представляется, что анонимность и дистанционность общения в цифровой среде приводит к повышению его агрессивности: то, что человек не позволяет себе при непосредственном контакте, он, пользуясь физической недосыгаемостью, позволяет себе в интернете. В частности, обострилась проблема буллинга, травля кого-либо, вспыхивающая по совершенно незначительным причинам, в силу какого-либо отличия человека от других или даже просто для самореализации группы по отношению к новичку. Студенты, конечно, сталкивались с буллингом на различных площадках, но только двое признались, что «немножко, несерьёзно» принимали в нем участие. Большинство возмущалось этим явлением, указывая на психологическую ущербность тех, кто занимается буллингом и нравственную недопустимость таких действий.

Таким образом, к особенностям общения студентов в цифровой среде можно отнести следующие:

- виртуальная среда оказывается продолжением и дополнением общения в реальности; несмотря на такие ее особенности как анонимность, хаотичность и агрессивность, основные нравственные ценности, которым человек привержен, он считает нужным выполнять и в цифровой среде;

- общение с близкими людьми происходит по-преимуществу с помощью мессенджеров (Viber, Telegram) и социальных сетей; для делового взаимодействия используется электронная почта и скайп;

- между старшим и младшим поколениями существует цифровой, но не нравственный разрыв;

- сокращение живых личных контактов компенсируется частотой и разнообразием цифрового взаимодействия.

Литература

1. Молчан, Э. М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации / Э. М. Молчан // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. – 2019. – № 2: Философские науки. – С. 55–66.

2. Фактор, А. М. Человеческие ценности в цифровую эпоху / А. М. Фактор, С. Г. Камолов, А. А. Никандрова // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. – 2018. – № 2 (21). – С. 86–103.

Ключевые слова: студенты, общение, цифровая среда, нравственные ценности, цифровые аборигены.

Key words: students, communication, digital environment, moral values, digital natives.

К особенностям общения студентов в цифровой среде можно отнести следующие: 1) виртуальная среда оказывается продолжением и дополнением общения в реальности; основные нравственные ценности, которым человек привержен, он считает нужным выполнять и в цифровой среде; 2) общение с близкими людьми происходит по-преимуществу с помощью мессенджеров и социальных сетей; 3) для делового взаимодействия используется электронная почта и скайп; между старшим и младшим поколениями существует цифровой, но не нравственный разрыв; 4) сокращение живых личных контактов компенсируется частотой и разнообразием цифрового взаимодействия.

The features of student communication in the digital environment include the following: 1) the virtual environment is a continuation and addition of communication in reality; the basic moral values to which a person is committed, he considers it necessary to fulfill in the digital environment; 2) communication with loved ones occurs mainly through instant messengers and social networks; e-mail and skype are used for business interaction; 3) there is a digital, but not moral divide between the older and younger generations; 4) the reduction in live personal contacts is offset by the frequency and variety of digital interactions.

УДК 01/14

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ИДЕЙ Г. КОНИССКОГО

БОРЦ В. А.

*Черниговский национальный педагогический университет им. Т. Г. Шевченко,
г. Чернигов, Украина*

Идеи украинского и белорусского философа, проповедника, культурного деятеля Григория Конисского имеют интернациональный характер. Как преподаватель философии, риторики и пиитики в Киево-Могилянской академии, он доносил своим студентам, будущим философам, свои мысли, касающиеся этики, философии, природы (физики), философии сверхприродной (метафизики). Эти бесценные философские материалы дошли до наших дней и воплощены в сборнике «Философские произведения» в двух томах. Перевод этого лекционного курса с латиноязычной рукописной записи на украинский язык был осуществлён Марией Васильевной Кашубой в 1990-м году.

Интернациональный характер идей Конисского заключается в том, что его идеи актуальны и в наше время, они заставляют учёных разных стран и культур мира спорить и вступать в дискуссии. Вопросы, которые он поднимает в своих «Философских курсах», являются предметом исследований многих учёных и в XXI веке. Григорий Осипович хоть и являлся генератором многих философских идей, но не создал своей уникальной философии или авторского учёного направления. Несмотря на это, его творчество является продуктом культурного взаимодействия и проникновения в философское наследие разных стран и культур мира. В «Курсах» Конисский часто упоминает деятелей античного

времени или ссылается на них: среди римлян, это в первую очередь, Августин Блаженный, Сенека, Ориген, Фаворин, Боэций, Тертуллиан, среди греков – это Аристотель, интерпретатором философии которого он является, Анаксагор, Анаксимен, Гераклит, Демокрит, Диоген и т. д. Его интересовала не только философия античного времени, но и философское наследие его современников и представителей недавнего прошлого: он высоко ценил творчество Пьера Гассенди, увлекался теорией вихрей Рене Декарта, читал Коперника и Галилея, Монтеня и Спинозу, чтит Лейбница и Николая Кузанского. Но это вовсе не значит, что он во всём соглашался с ними: с некоторыми учёными он отчаянно полемизировал: некоторые мысли Сенеки он называл абсурдными, а тезисы Оригена о «душевности звёзд» были подвергнуты сокрушительной критике и названы выдумкой и позором [5; с. 252]. Большая часть курсов Конисского посвящена вопросам материи и времени. К примеру, он считает, что:

1. Материя времени – это движение, а форма времени – это его число [5; с. 208].

2. Время имеет дуалистическую природу: время, по его мнению, бывает природным и искусственным. К природному времени относится прошедшее, будущее и настоящее. Искусственное же время, в свою очередь, делится на недели, месяцы, часы, минуты, секунды. Люди, по его мнению, искусственным образом создали эти единицы измерения [5; с. 208]. Конисский считает, что движение имеет общность со временем, поскольку ничто не двигалось бы иначе, как во времени, и ничто не измерялось бы временем, если бы не двигалось; «нельзя представить время без движения или движение без времени, потому что тогда понимаем время, когда понимаем, что было движение, и когда не воспринимаем никакого движения, не знаем, что было время» [5; с. 205].

3. Длительность – это экзистенция любой вещи в определённом времени, а размещение является экзистенцией в определённом месте [5; с. 208].

4. Вечность не имеет пределов, начала и конца. А если кто-то определяет вечность как свойство, имеющее начало и конец, то делает это для своего удобства. Опираясь на мысли богословов, он полагает, что вечность бывает «вечность частично перед» и «вечность частично после» (первый вид не имеет начала, а второй – не имеет конца). При этом он оперирует мыслями римского философа-неоплатоника Боэция, который считал, что вечность представляет собой овладение неограниченной жизнью [5; с. 208].

Конисский писал о дуалистической природе числа, но считал, что душа её не имеет (душа, по его мнению, одна), поскольку наличие нескольких душ мешало бы человеку: мыслительные процессы мешали бы процессам зрения и/или слуха, а чувственные операции препятствовали бы качественному осуществлению мыслительных функций). По мнению Конисского, душа – бессмертная. Кроме того, он полагает, что душа есть не только у человека, но и у растений и животных (у человека – душа разумная, у животных – чувственная, у растений – вегетативная) [5; с. 426]. При этом он возражает Титу Лукрецию Кару, который утверждает, что человеческая душа не вечна и представляет собой частичное соединение частиц, которое после гибели тела вновь распадается на атомы [2; с. 28]. Августин Блаженный также считал, что душа у человека – одна. Таким образом, Георгий Конисский заочно дискутирует с представителями разных культур и стран мира по вопросам, которые носят интернациональный характер.

Мысли Конисского являются интернациональными не потому, что он цитирует многих европейцев и не только потому что они актуальны среди философов нынешнего времени, но и по той причине, что его курсы посвящены вопросам физики, химии, медицины, географии, биологии, астрономии и, разумеется, философии. В связи с современным развитием наук и информационных технологий, эти идеи не теряют своей актуальности и среди современных учёных-естественников. Хотя, безусловно, некоторые идеи спустя три века выглядят несколько устаревшими, но они развиваются, дорабатываются и воплощаются в кросс-культурных исследованиях. Конисский, как показывает современность, порой «подхватывал» неправильные мысли древних учёных и научно-технический прогресс достаточно явно демонстрировал ошибочность этих мыслей. К примеру, среди античных учёных бытовало мнение о том, что количество планет равняется семи и в этот перечень входили Солнце и Луна (наряду с Венерой, Меркурием, Марсом, Юпитером, Сатурном. Земля, даже судя по этому перечню, планетой не считалась). Конисский также считал, что Луна и Солнце являются планетами, но, вторя Фаворину, справедливо допускает, что их может быть больше семи: Григорий Осипович полагает, что их число может превышать 11 [5; с. 277]. Даже эта гипотеза, казалось бы невероятная, спустя несколько веков может оказаться правдой. В 2016-м году астрофизики Константин Батыгин и Майкл Браун разработали гипотезу «девятой планеты», поэтому можно сказать, что теория Конисского уже частично нашла своё подтверждение [8; с. 1–12]. Среди «природных» идей Конисского также присутствует мысль о том, что гром и молнии могут возникать без туч (для XVIII века эта гипотеза была достаточно революционной, несмотря на то, что об этом ещё писал Сенека) [5; с. 363].

И. В. Огородник и В. В. Огородник в книге «Історія філософської думки в Україні» пишут, что, по мнению Конисского, «в разуме не бывает ничего, чего не было бы в ощущениях»: по их мнению, эта мысль перекликается с идеями Джона Локка [6; с. 247].

Значительное внимание в курсах Конисского уделено вопросам создания мира и вопросу судьбы. В вопросах создания мира он придерживается позиций Августина Блаженного и полагает, что Бог – существует. Он – всемогущий, совершенный, творец всего сущего. По поводу судьбы он привёл достаточно спорное утверждение о том, что «судьба, случай и фатум – это одна и та же вещь, но только из-за разных проявлений наделены этими названиями и таким образом они отличаются между собой». В контексте «судьбы» он приводит пример обнаружения человеком сокровища. Если кто-то, проходя мимо, поранился черепицей, упавшей с крыши, то это случай, поскольку эпизод произошёл не из-за «обдумывающей причины» [5; с. 97].

Вечные проблемы мира Конисский затрагивает в разделе своих курсов под названием «Философия природы или физика». По его мнению, предметом физики является природное тело. По поводу того, что является принципом природных тел, в «курсах» разворачивается полемика: Конисский считает, что ни один простой элемент или даже сумма всех четырёх элементов не являются таковыми принципами. Этим утверждением он апеллирует к Гераклиту, который таковым принципом считал огонь, Гесиоду, называющему принципом природных тел

землю, Фалесу, который полагал, что «всё есть вода», а также к грекам, которые «отдавали первенство» воздуху (Анаксимен, Архелай и т. д.).

Конисский же, в свою очередь, называл принципом форму и материю (в готовом виде), а в процессе генерации – материю, форму и лишение [5; ст. 28]. Интернациональный характер этой идеи подчёркивает тот факт, что вопросом принципов природных тел занимались учёные разных стран, культур и эпох. Сравнительно недавно мир увидел русский перевод Бориса Скуратова книги Жюль Делёза «Лекции о Лейбнице». В этой книге, представляющей собой лекционный курс французского философа-постмодерниста, в контексте философии Лейбница француз пишет: «...форма есть акт, приводящий потенцию в действие, актуализующий потенции, а материя без формы подразумевает лишение» [3; с. 315]. Кроме того, Конисский полагает, что первоматерия не может быть ни порождена, ни уничтожена [5; с. 35]. При этом он утверждает, что первоматерия может быть лишена формы под влиянием Божьей силы [5; с. 40]. Некоторое противоречие можно найти в курсах Конисского, ведь в одних предложениях просматривается его приверженность к пантеизму, в других – к деизму, пристальным взглядом можно углядеть элементы материализма: симпатия к теории вихрей Декарта в его курсах сочетается с тем, что он констатирует ошибочность Спинозы в тезисе о том, что Природа – это Бог [5; с. 27]. При этом он отождествляет природу, созданную Богом, с материей [4; с. 53].

Таким образом, идеи Конисского, предложенные и доработанные им на основании мыслей античных философов в XVIII веке, остаются актуальными спустя столетия, вплоть до нашего времени. Они касаются не только философии, но и естественных наук. В свете обилия современных исследований эти идеи не теряют своей важности и полезности.

Литература

1. Баюк Д. Физика / Д. Баюк // Между Античностью и Возрождением. – М. : Аванта+, 2008.
2. Богданов А. Лукреций / А. Богданов // Биографии (Тит Лукреций Кар). – М. : Аванта+, 2007.
3. Делёз, Ж. Лекции о Лейбнице / Ж. Делёз; пер. с франц. Б. Скуратова. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. – 315 с.
4. Кашуба, М. В. Мыслители прошлого / М. Кашуба. – М. : Мысль, 1979. – 173 с.
5. Конисський, Г. Філософські твори: в 2 т. / Георгій Конисський; редкол. : М. М. Верников [и др.]. – К. : Наукова думка, 1990. – Т.1. : Пам'ятники філософської культури українського народу. – 494 с.
6. Конисський, Г. Філософські твори: в 2 т. / Георгій Конисський; редкол. : М. М. Верников [и др.]. – К. : Наукова думка, 1990. – Т.2. : Пам'ятники філософської культури українського народу. – 572 с.
7. Огородник, І. В. Історія філософської думки в Україні. Курс лекцій: учебное пособие / І. В. Огородник, В. В. Огородник. – К.: Вища школа : Т-во "Знання", КОО, 1999. – С. 240–250.
8. Рассел, Б. История западной философии: в 3 кн. / Б. Рассел; 5-е изд., подгот. текста В. В. Целищева. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2007. – С. 428.
9. Batygin K, Brown M. E. Evidence for a distant giant planet in the solar system. *The Astronomical Journal*, 2016, vol.151, no.2, pp.1 – 12. doi: 10.3847/0004-6256/151/2/22.

Ключевые слова: Григорий Конисский, материя, время, вечность, судьба, интернациональность характера идей.

Key words: Grigory Konissky, matter, time, eternity, fate, international character of ideas.

В статье осуществлён анализ физических и метафизических идей Григория Конисского, высказанных им в «Философских курсах», подчёркнут их интернациональный характер и влияние на дальнейшее развитие философии.

The article analyzes the physical and metaphysical ideas of Grigory Konissky, expressed by him in the "Philosophical Courses", emphasizes their international gist and influence on the further development of philosophy.

УДК 159.9:37.015.3

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

БУРКО О. П.

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

В настоящее время в связи с постоянно меняющимися условиями жизни человека появляется потребность общества в подготовке конкурентоспособных и мобильных специалистов, ответственных за принятие решений и результаты своей деятельности. Современный рынок труда в Республике Беларусь предъявляет новые требования к профессиональной подготовке студентов, актуализируется необходимость развития социальной компетентности. Специалист, который обладает социальной компетентностью, быстро адаптируется в трудовом коллективе, умеет взаимодействовать с коллегами и партнёрами, находит оптимальные алгоритмы для решения проблемных ситуаций и нестандартных задач. Работодатели, выдвигая в качестве одного из требований к работнику социальную компетентность, руководствуются тем, что круг его должностных обязанностей не ограничивается предметом профессиональной деятельности, а расширяется за счет организационного и социального контекста [1, с. 7].

В последнее десятилетие развитие социальной компетентности рассматривается как одно из приоритетных направлений функционирования современной системы высшего образования. Не только отечественные, но и зарубежные исследования указывают на необходимость развития у студентов компетентности, которая стимулирует приобретение и развитие социально и профессионально значимых качеств, способностей и умений, которые позволят им успешно ориентироваться в жизненно важных процессах, обеспечат работу в команде, установление и поддержание межличностных отношений, принятие решений, самоконтроль и личностный рост [2; 3; 4].

Существует несколько подходов к пониманию содержания социальной компетентности: когнитивный, включающий знания об обществе и умение ими оперировать, эффективно взаимодействуя с окружающими людьми (N. Chomsky, N. Cantor, Л. А. Петровская), поведенческий, рассматривающий личностные характеристики, которые определяют эффективность действий в ситуациях личностного и профессионального общения, и готовность к выполнению деятельности (С. Argyris, Е. С. Кузьмин, В. Н. Куницына, А. В. Макаров), деятельностный, выделяющий знание закономерностей проявления психики объектов

взаимодействия и осознание таких способностей, которые позволяют успешно действовать в мире разного рода отношений (Н. В. Калинина, Е. В. Коблянская, О. В. Софронова).

Социально-психологические концепции социальной компетентности выделяют в ее содержании коммуникативно-личностный потенциал как комплекс свойств, облегчающих взаимодействие, и рассматривают социальную компетентность как метакомпетентность, подчеркивая в ней роль эго-составляющей (В. Н. Куницына).

Акмеологические исследования (А. А. Деркач, А. К. Маркова) включают в её состав помимо знаний, умений и навыков духовно-личностную, мотивационно-ценностную составляющую, предполагающую социальную ответственность и стремление к самореализации личности в профессии и в обществе в целом.

Анализ работы Дж. Равена позволил обнаружить многокомпонентную природу компетентности, в состав которой входят знание и умение (как когнитивная основа компетентности), эмоционально-волевая регуляция, ценностно-смысловое отношение и готовность [5].

Немецкий исследователь Р. R. Wellhofer характеризует социальную компетентность как «зонтичную конструкцию», включающую такие составляющие, как мотивация, социальный интеллект, способность давать нравственную оценку, интеракция, коммуникация, социальные интересы, когнитивные процессы внедрения, уверенность в себе, сочувствие, социальное восприятие и т. д., объединяющиеся в новую комплексную «сверхкомпетентность» [6].

А. В. Макаров считает, что содержание социальной компетентности складывают взаимосвязи знаний, умений, навыков и опыта. В личностном аспекте компетентность является качеством, в котором, при всей целостности, можно обнаружить отдельные компоненты: мотивационно-личностный, когнитивный и операциональный [7].

М. А. Чошанов в содержание социальной компетентности компетентного специалиста включает мобильность знания (постоянное обновление знаний, овладение новой информацией для успешного применения в конкретных условиях); гибкость метода (специалист должен уметь решать проблему практически, при этом применяя, в зависимости от обстоятельств, тот или иной метод, наиболее подходящий к данным условиям в данное время); критичность мышления (способность среди множества решений выбирать наиболее оптимальное, аргументированно отвергать ложные, подвергать сомнению эффективные, но не эффективные решения) [8].

Анализ данных подходов и концепций позволил уточнить содержание понятия социальной компетентности как интегративного комплекса личностных качеств и свойств, основанных на психологических знаниях и умениях, позволяющих субъекту деятельности осуществлять эффективное личное и деловое общение в условиях профессиональной деятельности.

В контексте изучения развития социальной компетентности представляют интерес исследования, посвященные структуре социальной компетентности.

А. К. Маркова выделяет четыре блока в структуре компетентности: профессиональные психологические знания; профессиональные умения; профессиональные психологические позиции, установки, предъявляемые профессией; личностные особенности, которые обеспечивают овладение профессиональными знаниями и умениями [9].

По мнению Т. Б. Беляевой, социальная компетентность включает три подструктуры: эмоционально-ценностную (систему установок и позиций), когнитивную (знания) и операциональную (умения, навыки и способности) [10].

О. Ф. Король в структуру социальной компетентности включает четыре взаимозависимых подструктуры: социально-перцептивную (психологические знания о личностных особенностях, которые проявляются в деятельности, поведении, отношениях и общении); коммуникативную компетентность (сложные коммуникативные навыки, умения в новых социальных структурах, знания культурных норм и ограничений в общении, ориентация в коммуникативных средствах, свойственных определенной профессии); социально-психологическую компетентность (система структурированных знаний о закономерностях поведения, деятельности, общения и отношений человека); аутопсихологическую компетентность (система знаний, которая позволяет осуществлять самопознание, самооценку, самоконтроль, умение управлять своим состоянием, работоспособностью и обеспечивает самоэффективность) [11].

И. Н. Андреева выделяет две важнейшие составляющие социальной компетентности: коммуникативную компетентность (владение сложными коммуникативными навыками и умениями, формирование адекватных умений, знание культурных норм и ограничений в общении, обычаев, традиций, этикета в сфере общения, воспитанность, ориентация в коммуникативных средствах) и организаторские способности (умение убеждать людей, объединять их для достижения определенной цели) [12].

Поскольку компетентность связана с выполнением деятельности, то она включает в себя ориентировочную и исполнительную части. М. А. Чошанов в социальную компетентность включает содержательный (знание) и процессуальный (умение) компоненты [8]. Л. П. Урванцев и Н. В. Яковлева в структуре компетентности выделяют когнитивный и операциональный компоненты: «Компетентность проявляется как в профессиональной Я-концепции, так и в способах выполнения действия – умениях» [13, с. 99].

В структуре социальной компетентности Н. В. Калинина выделяет две образующие: когнитивно-поведенческую, содержащую знания человека об обществе и самом себе, социальные умения и навыки, обеспечивающие успешность в социально-значимой деятельности и взаимодействии; и мотивационно-личностную, отражающую отношение к обществу и включающую мотивацию самореализации и личностные качества, способствующие самореализации [14]. Выделение таких образующих в структуре социальной компетентности нам предоставляется значимым, так как специалистам важно иметь не только психологические знания, социальные умения и навыки конструктивного поведения в ситуациях взаимодействия, но и иметь мотивацию на эффективное межличностное и профессиональное общение.

В. Н. Куницына в структуру социальной компетентности включает: оперативную социальную компетентность (знание о социальных институтах, их представленности в обществе, функционировании социальных групп, требованиях современного репертуара ролевого поведения); вербальную компетентность (уместность высказываний, учет контекста, вариативность интерпретации информации); коммуникативную компетентность (владение сложными коммуникативными навыками и умениями, знания и соблюдения культурных норм

и ограничений); социально-психологическую компетентность (межличностная ориентация, умение решать межличностные проблемы, сценарии поведения в сложных ситуациях); эго-компетентность (осознание своей национальной, половой, групповой принадлежности, знание своих сильных и слабых сторон, понимание причин своих промахов и ошибок, знание о механизмах саморегуляции и умения ими пользоваться) [15, с. 480].

Такой подход позволяет зафиксировать сложную структуру социальной компетентности, включающую в себя различные виды компетентности, которые выступают в единстве и позволяют лучше приспособиться к социальной ситуации и деятельности. Значимым является акцентирование внимания на личностной составляющей компетентности, рефлексивном компоненте, включающем навыки самоанализа и личностные особенности, способствующие компетентному поведению в обществе.

Методологическую основу этого подхода составила теория деятельности А. Н. Леонтьева. Любая социальная деятельность представляет собой последовательную реализацию актов: анализ и оценку ситуации, формулирование цели и состава действий, реализацию плана и/или его коррекцию, оценку эффективности. Эффективность протекания каждого акта и определяет компетентность человека в социальной деятельности и взаимодействии [16].

Данный подход к анализу социальной компетентности позволяет выделить ее содержательные элементы с точки зрения социального действия в социальной ситуации. Нам он представляется значимым, так как социальные навыки востребованы в конкретной социальной ситуации, а их использование определяется условиями этой ситуации.

В современных диссертационных исследованиях, посвященных проблемам развития социальной компетентности будущих специалистов, выделены различные компоненты в её структуре: когнитивный / интеллектуальный (Е. В. Величко, И. Н. Зотова, Н. М. Кодинцева, В. А. Мартынова, Л. М. Эррера), поведенческий / операциональный / регулятивный / деятельностный (Е. В. Величко, И. Н. Зотова, Н. М. Кодинцева, В. А. Мартынова, М. В. Кормильцева, Е. В. Овчарова, А. И. Рыбакова, Л. М. Эррера), мотивационно-ценностный / нормативно-правовой / мотивационно-целевой (Е. А. Густова, И. Н. Зотова, Н. М. Кодинцева, М. В. Кормильцева, В. А. Мартынова, Е. В. Овчарова, Л. М. Эррера), личностный (Н. М. Кодинцева, М. В. Кормильцева, А. И. Рыбакова, Л. М. Эррера), эмоциональный (И. Н. Зотова, В. А. Мартынова, Л. М. Эррера), рефлексивный (Е. А. Густова), коммуникативный (Е. В. Величко, А. И. Рыбакова).

Таким образом, анализ психолого-педагогических исследований социальной компетентности позволяет зафиксировать, что феномен «социальная компетентность» представляет собой интегративное образование, включающее в себя различные структурные компоненты, которые взаимозависимы, поэтому развитие психологических свойств и характеристик одних приводит к изменениям в других. Например, освоение новых эффективных приемов общения может повлиять на профессиональную деятельность специалиста, умение прогнозировать, планировать и реализовывать действия. Знание индивидуальных особенностей познавательной деятельности поможет личности оптимально организовать процесс освоения новой профессиональной информации, снизить временные затраты и укрепить уверенность в себе.

Для целей нашего исследования были выделены когнитивный, поведенческий и мотивационно-ценностный компоненты социальной компетентности будущего специалиста.

Когнитивный компонент включает систему социальных знаний об эффективном общении (знания из области взаимоотношений людей, понимание людьми друг друга в процессе их совместной деятельности, достижение взаимопонимания и согласованности действий в получении общего результата, рефлексивные, оценочные и аналитические способности).

Поведенческий компонент представляет собой умения и навыки эффективного общения и взаимодействия, обеспечивающие успешность в профессиональной деятельности (социальный интеллект; умение прогнозировать, планировать и реализовывать действия с помощью знаний, техник и специальных умений; оптимальные модели межличностного взаимодействия).

Мотивационно-ценностный компонент определяет мотивацию на эффективное общение (потребности в позитивных контактах; ценности общения; стремления к самореализации и саморазвитию; коммуникативные качества; ценности социально-нравственных и деловых оценок со стороны; самооценка; выработка индивидуального эффективного стиля общения, стрессоустойчивость, эмпатия, коммуникабельность, адаптивность, интернальность, лидерские качества).

Таким образом, разработанная структура социальной компетентности рассматривается нами с позиции системного и деятельностного подхода как совокупность закономерных, функционально связанных компонентов, объединенных в целостную систему, которая может быть основой для определения ее сформированности.

Значимой составляющей успешной профессиональной деятельности будущего специалиста является развитая социальная компетентность. Для обеспечения качества профессиональной подготовки специалистов существует необходимость организации и реализации системной работы по развитию социальной компетентности у студентов технических специальностей, определения критериев, методов и методик оценки социальной компетентности.

Процесс развития социальной компетентности студентов технического профиля может характеризоваться как освоение психологических знаний (о закономерностях развития личности и функционирования группы; о межличностном и профессиональном общении и взаимодействии; о способах управления индивидом и группой; о конструктивном разрешении конфликтных ситуаций и предупреждении их отрицательных последствий) и развитие психологических умений (использование психологических знаний в практике межличностного и профессионального общения), приобретенных в процессе психологической подготовки будущего специалиста в условиях образовательного процесса.

Литература

1. Бурко, О. П. Исследование характеристик социальной компетентности будущего специалиста в условиях учреждения высшего образования / О. П. Бурко // Системная трансформация общества: информационные технологии, инновации и традиции : сборник научных трудов кафедр социально-гуманитарных наук / под общ. ред. В. Н. Варич. – Брест : Изд-во БрГТУ, 2019. – С. 7–12.
2. Куницына, В. Н. Межличностное общение : учебник для вузов / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша. – СПб. : Питер, 2001. – 544 с.

3. Karl-Heinz, A. Assessment and development of social competence: introduction to the special issue / A. Karl-Heinz, C. Lindner-Müller // *Journal for educational research online*. – 2012. – Т. 4. – №. 1. – С. 7–19.
4. Leganés-Lavall, E. N. Social Competence in Higher Education Questionnaire (CCSES): Revision and Psychometric Analysis / E. N. Leganés-Lavall, S. Pérez-Aldeguer // *Frontiers in Psychology*. – 2016. – P. 1484–1490.
5. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация / Дж. Равен. – М. : Когито-центр, 2002. – 393 с.
6. Wellhofer, P. R. Schlüsselqualifikation Sozialkompetenz / P. R. Wellhofer. – Stuttgart: Lucius & Lucius, 2004. – 222 S.
7. Макаров, А. В. Компетентностная модель социально-гуманитарной подготовки выпускника вуза / А. В. Макаров // *Высшая школа*. – 2004. – № 1. – С. 16–21.
8. Чошанов, М. А. Дидактическое конструирование гибкой технологии обучения / М. А. Чошанов // *Педагогика*. – 1997. – № 2. – С. 21–29.
9. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М., 1996. – 308 с.
10. Беляева, Т. Б. Модель социальной компетентности / Т. Б. Беляева // *Вестник НовГУ*. – 2005. – № 31. – Новгород : ФГБОУВО НовГУ им. Я. Мудрого – С. 8–12.
11. Король, О. Ф. Социальная компетентность личности: в поисках универсальной модели / О. Ф. Король // В книге: *Избранные вопросы современной науки*, науч. ред. С. П. Акутина. – М. : Центр научной мысли, 2015. – С. 60–88.
12. Андреева, И. Н. Взаимосвязь социальной компетентности и эмоционального интеллекта у подростков / И. Н. Андреева // *Женщина. Образование. Демократия : Материалы 5-ой международной междисциплинарной научно-практической конференции 6–7 ноября 2002 г.* [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://epolotsk.com/psy/>. – Дата доступа: 15.05.2021.
13. Урванцев, Л. П. Формирование психологической компетентности врача в процессе обучения в медицинском вузе / Л. П. Урванцев, Н. В. Яковлева // *Психологический журнал*. – 1995. – Т. 16 – № 4. – С. 98–108.
14. Калинина, Н. В. К вопросу о понятии социальной компетентности / Н. В. Калинина // *Знаниевая и компетентностная парадигмы: преемственность или переворот в философии образования : материалы научной дискуссии*. – Ульяновск : УИПКПРО, 2006. – С. 34–37.
15. Куницына, В. Н. Межличностное общение : учебник для вузов. / В. Н. Куницына, И. В. Казарова, В. М. Погольша. – СПб. : Питер, 2001. – 544 с.
16. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения : в 2-х т. / А. Н. Леонтьев. – М. : Педагогика, 1983. – 392 с.

Ключевые слова: социальная компетентность, студенты технических специальностей, когнитивный, поведенческий, мотивационно-ценностный компоненты, образовательный процесс.

Key words: social competence, students of technical specialties, cognitive, behavioral, motivational and value components, educational process.

В статье проанализированы научные подходы к определению содержания и структуры социальной компетентности у студентов – будущих специалистов технического профиля. Выделены и описаны компоненты структуры социальной компетентности: когнитивный, поведенческий и мотивационно-ценностный. Полученные результаты позволяют определить направления дальнейших исследований феномена «социальная компетентность» и могут быть использованы при разработке программ и технологий развития социальной компетентности в образовательном процессе.

The article analyzes scientific approaches to determining the content and structure of social competence among students-future technical specialists. The components of the structure of social competence are identified and described: cognitive, behavioral, and motivational-value. The results obtained allow us to determine the directions of further research of the phenomenon of "social competence" and can be used in the development of programs and technologies for the development of social competence in the educational process.

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

ВАРИЧ В. Н.

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Одним из значимых факторов развития современного постиндустриального общества является массовая коммуникация, приобретающая новые формы благодаря переходу информационно-компьютерной революции на новый этап, когда мобильное средство связи дополняется функциями персонального компьютера и возможностями выхода в глобальное информационное пространство, само существование которого стало возможным благодаря развитию электронных средств общения. В известной работе «Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры» [1] М. Маклюэн раскрывает взаимозависимость способов организации социальной жизни, средств коммуникации и ценностных ориентаций, преобладающих в духовной жизни людей. Выделяя электронные средства коммуникации в особый ее вид, он отмечает, что общение с их помощью размывает границы между частной жизнью человека и общественным пространством, а также перестраивает духовный мир личности, в котором классификация воспринятых явлений и типологизация ценностей более не представляются необходимыми.

Массовая электронная коммуникация кладет конец экономической, социальной, культурной и психологической изоляции, а мгновенная связь всех со всеми, по образному выражению Маклюэна, превращает мир в «глобальную деревню». В современную эпоху развития мировых и локальных информационных сетей формируются специфические социальные общности, которые не сравнимы ни с сословиями, ни с классами, ни с какой либо другой ранее известной социальной структурой. Перманентная включенность в глобальный информационный поток приводит к тому, что личный духовный опыт человека разворачивается на фоне непрерывного воздействия многообразных явлений социальной действительности, не подвергающихся какой бы то ни было селекции. Моментальная связь и не прекращающаяся подача информации уничтожают ту пространственную и временную дистанцию, которая раньше разделяла участников коммуникации. Каждый из них общается не только с родственниками, друзьями и коллегами по работе, но и (косвенным образом) с совершенно чужими людьми, поневоле разделяя их сиюминутные проблемы и заботы. Такой непрерывно воспроизводящийся процесс коммуникации не является ни собственно общением в привычном понимании слова, ни инструментальной коммуникацией, которая преследовала бы какие-то рационально постижимые цели.

В этих условиях реальная коммуникация сменяется симуляцией общения, а на смену социальному пространству приходит гиперреальность (термин

принадлежит Ж. Бодрийяру). Реальность представляет собой определенную целостность, на которую индивид проецирует свое сознание и деятельность, – своего рода сцену, на которой разыгрывается персональная или коллективная драма субъекта, даже если эта реальность является символической или воображаемой. Гиперреальность – это всего лишь экран или сеть и поэтому не может стать тем универсумом, на который человек обращает свои представления, аффекты и фантазии: «... в этом смысле психологическое измерение исчезло, и даже если оно всегда может быть во всех мелочах размечено, чувствуется, что оно нереально, что вещи улетучились» [2, с. 127]. И объекты, к которым обращается субъект, и среда, в которой он с ними взаимодействует, приобретают «обсценный» характер – они существуют не на упомянутой сцене и даже не за ней, а находятся вообще за пределами реальности субъекта. Происходит это, по мнению Бодрийяра, по трем взаимосвязанным причинам: 1) средства коммуникации становятся все более формальными и абстрактными; 2) способы общения гомогенизируются в едином информационном пространстве; 3) телесные действия заменяются электронными командами.

Анализ Ж. Бодрийяра основывается на изучении того воздействия, которое оказало (и оказывает) на сознание и поведение современного человека телевидение. Однако его слова как нельзя более актуально звучат и в наши дни, когда на смену телевидению пришли информационные технологии. Со сцены реального взаимодействия людей исчезают сами актеры, их действия разворачиваются по большей части на мониторах персональных компьютеров или на сенсорных экранах мобильных телефонов. Более того, те события, которые раньше происходили в личном или социальном пространстве, теперь совершаются в бесконечно малых пространственно-временных промежутках, достаточных для взаимодействия с электронным устройством: «Остаются лишь концентрированные эфффекты, миниатюризованные и доступные непосредственно» [2, с. 129].

Мгновенность коммуникации стирает грань между домашней жизнью с ее суверенным символическим пространством и тем, что происходит за ее пределами. Поэтому «большинство интимных процессов нашей жизни становится виртуальной питательной почвой для медиа... Наоборот, целый универсум начинает произвольно разворачиваться на вашем домашнем экране...» [2, с. 130]. Эти слова звучат удивительно пророческим образом, учитывая те возможности, которые современные технологии открывают каждому человеку для публичной демонстрации его повседневной жизни, и те реакции на нее со стороны других пользователей социальных сетей, которые способны влиять не только на собственное представление индивида о себе, но и на его ценностные ориентации в целом. За много лет до проявления социокультурных следствий информационно-компьютерной революции Бодрийяр назвал такое состояние экстазом коммуникации – погруженностью в перманентный процесс насыщения информацией в качестве его фрагментарного участника, принудительной экстраверсией всего внутреннего и принудительной инверсией всего внешнего [см. там же].

Подобная коммуникация означает отсутствие уединенности, абсолютную близость с другими участниками информационного процесса и в конечном итоге неспособность провести границу собственного существования. Самоидентификация, осознание себя как личности с устойчивой системой ценностей

и убеждений оказывается затрудненным; по образному выражению Бодрийяра, человек теперь – «лишь чистый экран, переключающийся центр для всех сетей влияния» [2, с. 133]. Массовая коммуникация формирует социокультурное пространство, в котором внешняя среда интроецирована до такой степени, что индивидуальность подавляется уже в зародыше: «Интеллектуальный и эмоциональный отказ «следовать со всеми» предстает как свидетельство невроза и бессилия» [3]. Этот вывод, сделанный Г. Маркузе задолго до появления современных средств коммуникации, наполняется в наше время новым содержанием – на индивида воздействует уже не только массовая культура в устоявшемся понимании этого слова, но и «лайки» под опубликованными в социальных сетях постами. Вполне возможно, что не только психологический комфорт, но и социальный статус личности в обозримом будущем будет определяться количеством положительных реакций на ее активность в информационном пространстве.

Все те проявления массовой культуры, которые были характерны для индустриального общества, не утратили силы своего воздействия и сейчас – от индустрии детства до технологий манипулирования общественным сознанием в ходе политических кампаний. Однако современная массовая коммуникация с ее непрерывным и беспорядочным воздействием на человека возвращает его к самым примитивным формам ассоциирования – непосредственной автоматической идентификации, не затрагивающей личностные основания человеческой жизни. Человек оказывается подчиненным «интегральной технологии, подавляющей виртуальной реальности, фактическому господству сетей и программ, которое уже очерчивает инволюционный, стареющий профиль человеческого рода вообще» [4, с. 23]. В силу же того, что границы между частным и публичным размыты, социальные отношения также развиваются внутри сетей коммуникации. Социальное действие подменяется виртуальным согласованным взаимодействием, а субъекты коммуникации становятся индифферентными не только по отношению к собственной субъективности, но и применительно к отчуждению от социальной реальности. Даже в интерактивном общении посредством компьютерных технологий не происходит реального обмена, общение заменяется гомеостазом, ликвидирующим все отличия.

Коммуникативную среду, в которой происходит гомогенизация средств коммуникации, а субъективные различия нивелируются, довольно затруднительно назвать пространством межкультурной коммуникации или мультикультурной средой. С этой точки зрения можно согласиться с той характеристикой, которую давал ей Бодрийяр: в такой коммуникационной среде происходит не выработка, а метастазирование значений, ценностей и смыслов. Избыток информации распространяется по поверхности, участники коммуникации подключаются друг к другу через интерфейс электронного устройства подобно тому, как прибор подключается к розетке. При этом общение осуществляется как единый мгновенный цикл, не оставляя времени на осмысление и оценку, для которых понадобились бы молчание и тишина. Перерыв же в коммуникации (или хотя бы временное отсутствие доступа к ней) воспринимается как катастрофа – «нарушение, полное и тревоги, и ликования, подтверждающее, что любая коммуникация, по сути, есть лишь принудительный сценарий, непрерывная фикция, избавляющая нас от пустоты – и не только от пустоты экрана,

но и от пустоты нашего умственного экрана, на котором мы с не меньшим вождением ждем изображения» [5, с. 22]. Средством против окончательного признания гомогенности культурного пространства, которое формируется современными средствами коммуникации, становится метафора «другого», в которой реализует сохранившиеся представления о различиях. Но в том случае, когда «другой» действительно отличается от гомогенной массы общающихся, они не предпринимают усилий для его понимания и принятия, а просто включают во всеохватывающий процесс размывания ценностей – в полном согласии с давней французской поговоркой, согласно которой для лакея нет героя.

Суммируя сказанное, можно сказать, что современные средства коммуникации являются одним из факторов развития особой формы социальности, в которой возникают и функционируют новые виды социальной организации и новые виды социальных общностей. Как таковые, они принципиально отличаются от тех способов социального взаимодействия, которые существовали в доиндустриальном и индустриальном обществе, поскольку характеризуются размыванием границ между личным и публичным, усреднением ценностных установок, однородностью коммуникации, ее нетранзитивностью, непрерывностью и неупорядоченностью. В этих условиях формирование устойчивых ценностных ориентаций и развитой системы убеждений весьма затруднено, а самоопределение и самореализация личности в большой степени подменяются навыками использования средств массовой коммуникации и умением адаптироваться к тем настроениям, которые царят в информационных сетях в текущий момент.

Литература

1. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры / Г. Маклюэн; пер. с англ. – Киев : Ника-центр, 2003. – 432 с.
2. Бодрийяр, Ж. Экстаз коммуникации [Электронный ресурс] / Jean Baudrillard. Ecstasy of Communication // The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture; пер. с франц. Д. В. Михель. – Port Townsend: Bay Press, 1983; – P. 126–133. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=106882&p=20>. – Дата доступа: 31.05.2021.
3. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества [Электронный ресурс] / Г. Маркузе; пер. с англ. – М. : Издательство АСТ, 2002. – 528 с. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/5440/5441>. – Дата доступа: 31.05.2021 .
4. Бодрийяр, Ж. Насилие глобализации / Ж. Бодрийяр // Логос. – 2003. – № 1.
5. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр; пер. с франц. – М. : Добросвет, 2000. – 258 с.

Ключевые слова: коммуникация, ценность, ценностная ориентация, информационные технологии.

Key words: communication, value, value orientation, information technology.

В статье дана характеристика особенностей современной коммуникации и того влияния, которое она оказывает на развитие ценностных ориентаций.

The article describes the characteristics of the features of modern communication and the influence that it has on the development of value orientations.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЛУНИНЕЦКОМ РАЙОНЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ (1950–1990 ГГ.)

ГАЛИМОВА Г. П.

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Огромное значение для современной организации государственной образовательной политики имеет изучение и анализ состояния образовательной системы в Беларуси.

В 1951–1955 гг. в Беларуси проходило дальнейшее расширение среднего образования путем организации новых школ и преобразования семилеток в средние школы. Их количество за эти годы увеличилось в два раза, улучшился состав учительских кадров. Это можно подтвердить следующими цифрами: в 1944/1945 уч. г. насчитывалось 19,7 % учителей с высшим и неполным высшим образованием, 1950/1951 уч. г. – 30,2 %, в 1955/1956 уч. г. – около 50 % [1, с. 323–324]. Учительский институт в г. Пинске вновь начал свою работу в 1944/1945 уч. г. Материалы одного из фондов государственного зонального архива в г. Пинске свидетельствуют о том, что первоначальный набор в учительский институт составил 45 человек [2, с. 54].

В 1955–1956 уч. г. школы Лунинецкого района, как и все школы республики, перешли на новый учебный план. Необходимость нового учебного плана была вызвана переходом к политехническому обучению. Был осуществлен переход ко всеобщему среднему образованию. О том, какие условия во второй половине 50-х гг. были созданы для учебно-воспитательного процесса в отдельных школах, можно сделать вывод из воспоминаний ветерана педагогического труда М. П. Горделюк: «1959 год. В этом году я впервые приехала в деревню Велута Лунинецкого района. Молодая 19-летняя учительница, я получила четвертый класс, 33 ученика. В школе было только 4 класса, большие по площади, которые зимой никогда не нагревались. Чернила замерзали в чернильницах. Дети и учителя были в теплой верхней одежде, иногда в рукавицах. Дети были одеты очень бедно» [3, с. 2].

По результатам работы органов образования Лунинецкого района за 1958/1959 уч. г., которые подводились на традиционном августовском совещании учителей, можно было сделать вывод, что в районе быстрыми темпами развивалась сетка технических кружков. 35 учеников школ района в 1958/1959 уч. г. принимали участие в работе автокружков. В этот период в школах района налаживалась работа по изучению трактора. На совещании была отмечена работа таких кружков в Лунинской и Кожан-Городецкой школах. «Школы района, – отмечалось в выступлении заведующего районным отделом образования, – оказали большую помощь колхозам в уборке картофеля и кукурузы, повсеместно поощрялось участие школьников в общественно-полезном труде. Учащиеся семилетних и средних школ организовали шефство над птицефабриками, свинофермами

в Лунинской, Кожан-Городецкой средних школах, Дятловичской семилетней школе и других. Активно взялись за выращивание птицы и кроликов учащиеся Язвинской, Ракитнинской, Дребской, Дятловичской семилетних школ, Кожан-Городецкой, Бастынской, Лунинской средних школ» [4, с. 13].

В Велуцкой средней школе кружок по кролиководству был создан только в 1979/1980 уч. г., когда здесь начал свою трудовую деятельность выпускник Мозырского педагогического института имени Н. К. Крупской Владимир Андреевич Ковшик, учитель физики и трудового обучения.

Вместе с тем, со второй половины 50-х гг. в системе народного образования усилились отрицательные моменты. Прежде всего, стало шире проявляться безразличие учащихся к белорусскому языку. Когда родители получили право решать вопрос о языке обучения детей в школе, началась широкая кампания преобразования белорусскоязычных школ в русскоязычные. Приоритет получил русский язык, потому что в СССР и БССР он являлся государственным и средством межнациональных отношений.

Существенные изменения произошли в системе народного образования: в соответствии с законом «Об усилении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования СССР», принятом в 1958 г., в республике вместо всеобщего обязательного семилетнего образования вводилось восьмилетнее. Преобразования затронули и среднюю школу, в которой вводился одиннадцатилетний срок обучения с обязательным производственным обучением. Однако реорганизация на практике себя не оправдала, поэтому в 1964 г. школы вновь были переведены на десятилетний срок обучения. К концу 60-х гг. была решена проблема всеобщего восьмилетнего образования и созданы соответствующие условия для обязательного среднего, переход к которому был завершен в 1977 г.

Продолжалась работа по совершенствованию начальной школы. В 1968 г. срок обучения в ней был сокращен до трех лет. Начиная с 1976 г. начался переход к обучению детей в школе с шестилетнего возраста. Новым явлением в организации школьной жизни было открытие общеобразовательных школ-интернатов, создание с 1956 г. при школах групп с продленным днем пребывания.

В соответствии с решением XXV съезда КПСС и XXVIII съезда Компартии БССР комсомол и педагогические коллективы должны были работать по-новому. В мае 1976 г. «Учительская группа» сообщила: «Положительный опыт тесного сотрудничества комсомольских организаций и педагогических коллективов накоплен в Лунинецком районе Брестской области» [5, с. 4]. В статье сообщилось о комсомольской инициативе и формах сотрудничества, о воспитании у учеников готовности к трудовому и ратному подвигу. И как один из результатов этой работы то, что в 1975 г. 33 выпускницы Лунинецкого района пошли работать на фермы [6, с. 618].

Приближение учеников к сельскохозяйственному труду через производственную практику давала свои плоды. И как результат этой работы – поступление значительной части выпускников сельских школ в вузы и техникумы, а также в сельские профтехучилища. Как писала газета «Ленинский путь» в июне 1983 г., шесть выпускников Язвинской средней школы за четыре предыдущих года поступили в сельскохозяйственные вузы, в техникумы – 14. За время

работы Лунинецкого ССПТУ-160 механизации сельского хозяйства его успешно закончили более 70 выпускников 8–10 классов Язвинской средней школы. Значительная часть выпускников до призыва в армию успешно работала в родном колхозе [7, с. 2].

Ориентация на сельскохозяйственные профессии в школах города и района считалась недостаточной. Богдановская, Лахвенская, Микашевичская, все городские и ряд средних и восьмилетних школ не выполняли планы по направлению учеников в сельские профтехучилища.

Заслуживал внимания опыт работы учеников Синкевичской базовой школы. «Один раз в неделю будущие животноводы полностью берут на обслуживание ферму. Для их работы созданы хорошие условия: специальная раздевалка, душевые. Дойка коров происходит при помощи доильных аппаратов. Летом прошлого года в самый напряженный период большого молока ученицы на время отпуска заменили профессиональных доярок. Правда, каждую группу коров обслуживали по две школьницы. Главный зоотехник хозяйства Н. Г. Протасавицкий не без удовлетворения отмечал, что надои молока несколько не снизились в то время» [8, 2].

В Велуцкой средней школе в июне 1970 г. из учеников 7–9 классов была создана производственная бригада. На полях местного колхоза «Заря» ученики школы работали до 1986 года. Ежегодно бригаде отводился один гектар сахарной свеклы: ученики по-хозяйски ухаживали за ней, а осенью сдавали урожай государству.

Большое внимание в Лунинецком районе уделялось повышению общеобразовательного уровня работающей молодежи. Когда в школах БССР начала укореняться сессионная система обучения, Лунинецкий район был одним из первых в области, который после Дрогичинского приступил к такой форме обучения. Заочники Любанского, Великочучавицкого, Лунинского и один класс Дворецкого консультационного пункта заменили ежедневные занятия 66 дневной сессией. В 1976 г. почти 80 % заочников были охвачены такой системой занятий.

Положительный эффект от такой формы обучения был получен сразу. Значительно улучшилось посещение занятий. Это было вызвано тем, что учащиеся получили значительное количество свободного времени, что позволило им более серьезно заняться подготовкой к занятиям. Наконец и сами предприятия, колхозы, совхозы, где работали заочники, смогли отпустить их на занятия в наиболее удобное время. В учебных заведениях сельскохозяйственного профиля сессии проводились поздней осенью или зимой.

С целью проверки образовательного процесса в консультационных пунктах и заочных школах в городе и районе проводились рейды. Об одном из таких рейдов в составе которого были Р. Некрашевич, директор Лунинецкой очно-заочной средней школы, В. Протасовицкой, секретаря ЛКСМБ, Т. Водницкой, сотрудника редакции, сообщала местная газета «Ленинский путь» от 30 декабря 1976 г.: «В Дятловичском консультационном пункте созданы хорошие условия для тех, кто совмещает работу с учебой. Заочники имеют возможность использовать многочисленные кабинеты. Однако, в день проверки посещаемость была невысокая. Это можно было объяснить тем, что не регулярно посещают занятия доярки из колхоза имени Калинина. Правление не смогло обеспечить им замену

на время сессии. В таком же положении оказались братья Адам и Михаил Кочуба. Оба они работали слесарями на животноводческом комплексе, поэтому подыскать замену им было сложно» [9, с. 3].

По результатам проверки отдела народного образования Брестского облисполкома, которая проводилась в сентябре 1981 г., был составлен отчет о состоянии учебной работы в очно-заочных школах. Результаты проверки свидетельствовали о том, что работа в очно-заочной школе велась на необходимом уровне. В справке отдела народного образования отмечалось, что 73 ученика, проживающие в г. Лунинец, занимаются по очной форме с использованием льготного дня. 705 человек (95 %) были охвачены сессионной формой обучения. Для лиц, достигших 30-летнего возраста, был создан экспериментальный класс по сокращенной форме обучения. Был отмечен высокий научно-теоретический и методический уровень преподавания школьных предметов такими учителями-консультантами, как Некрашевич Г. Г., Хантова Е. К., Ярмолич Л. В., Мерцалова З. М. [10, с. 6].

Повышенное внимание к производственному обучению привело к созданию учебно-производственных комплексов. В 1981 г. в Лунинецком районе на базе 4-х школ обучалось 406 (27,2 %) старшеклассников по автотракторному профилю. По сравнению с 1977 г. охват учеников старших классов углубленной трудовой подготовкой увеличился на 40 %.

В период начала реформы образования 1998/1999 уч. г. в Лунинецком районе право на образование обеспечивали: 1 лицей, 29 средних, 13 базовых, 2 начальные школы, 1 школа-сад, 37 дошкольных учреждений [11, с. 2]. Ежегодно до 70 % выпускников базовых школ продолжали обучение в средней школе. Наиболее подготовленные ученики обучались в лицее. Согласно реформе в 18 школах района были созданы 10 классов с углубленным изучением отдельных предметов, а также 58 профильных классов и групп. Это подтверждалось хорошими результатами. Ежегодно школьники Лунинецкого района являлись победителями областных и республиканских олимпиад. От 85 до 90 % медалистов подтверждали высокую оценку своих знаний при поступлении в вузы.

Таким образом данный период развития школьного образования был отмечен положительными сдвигами и решением ряда проблем. Была определена новая структура образования, обучение детей с 6-летнего возраста, введены курсы основ информатики и вычислительной техники, созданы специализированные средние учебные заведения – гимназии и лицеи. В концепцию образования была заложена преемственность всех учреждений образования, предусмотрен свободный доступ к любой форме образования.

Литература

1. Новик, Я. К. История Беларуси: в 2 ч. / Под редакцией Я. К. Новика, Г. С. Марцуля. – Минск, 2000. – Ч.2. – 416 с.
2. Отчет о работе школ Пинской области за 1 четверть 1944/1945 учебного года: зональный государственный архив в г. Пинске. – Ф. 694. – Оп.1. – Д. 1 б. – С. 54–68.
3. Павлова, Т. Первый шаг к реформе / Т. Павлова // Лунинецкие новости. – 1998. – 8 сентября. С.2-3.
4. Доклад заведующего отделом народного образования Лунинецкого исполнительного комитета на августовском совещании 1959 г. «О результатах работы школ района за 1958/1959 учебный год и по дальнейшему улучшению постановки учебно-воспитательного процесса»: зональный государственный архив в г. Пинске. Ф. Р – 383. – Оп. 1. – Д. 189. – С. 11–18.

5. Зенькович, М. Ты со мной, мое поле... // Учительская газета. – 1976. – 22 мая. С. 4.
6. Память: Историко-документальная хроника Лунинецкого района / Составитель Т. В. Конапацкая. Минск: Беларусь, 1995. – 717 с.
7. Хомка, М. Работа начинается со школы / М. Хомка // Ленинский путь. – 1983. – 7 июня. – С. 2.
8. Водницкая, Т. Кто научит работать / Т. Водницкая // Ленинский путь. – 1986. – 10 апреля. – С. 2.
9. Учеба в труде помощник // Ленинский путь. – 1976. – 30 декабря. – С. 3.
10. Из отчета о работе школ Пинской области в 1946/1947 учебном году // Зональный государственный архив г. Пинска. – Ф. 700. – Оп. 1. – Д. 35. – С. 4, 6–7.
11. Мацко, А. Акт исторической справедливости / А. Мацко // Советская Белоруссия. – 1989. – 31 октября. – С. 2.

Учительский институт, средняя школа, политехническое образование, профильные классы, очно-заочные школы, образовательный процесс, гимназии, лицеи.

Teachers' institute, secondary school, polytechnic education, specialized classes, part-time schools, educational process, gymnasiums, lyceums.

В статье дается анализ развития школьного образования Лунинецкого района Брестской области, показаны особенности политехнического образования в школах, переход от обязательного семилетнего к восьмилетнему образованию, трудности в работе учителей.

The article analyzes the development of school education in the Luninets district of the Brest region, shows the features of polytechnic education in schools, the transition from compulsory seven-year to eight-year education, difficulties in the work of teachers.

УДК 346.548:338-046.5(476)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АСПЕКТЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

ГОРУПА Т. А.

*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Процессы трансформации современного государства и общества отражаются практически во всех сферах жизнедеятельности и экономическая сфера не исключение. Проблемы глобализации и регионализации экономики, цифровая повестка, неэффективность управленческих решений во многом обуславливают необходимость трансформации многих устоявшихся представлений и поиска новых подходов социально-экономического устройства и проведения соответствующих научных исследований.

Для Республики Беларусь, находящейся на особом этапе исторического и социально-экономического развития, особо значимыми, на наш взгляд, являются вопросы участия в интеграционных экономических объединениях (Союз России и Беларуси, ЕАЭС), что предоставит новые возможности для развития бизнеса, расширения рынков, а так же цифровизация экономики, которая

формирует в рамках новой информационно-коммуникационной среды новые подходы к ее существованию, весьма отличному от традиционных процессов, отношений и связей.

Вместе с тем и эти новые позитивные явления в трансформирующемся обществе обуславливают появление ряда проблем как для предпринимателей, так и обычных граждан. Так, цифровизация экономики, с одной стороны, позволяет преодолевать трансграничные барьеры, упрощает торговые процедуры, преобразует рынок труда, позволяет разрешать споры с использованием онлайн технологий. Однако, с другой стороны, происходит обесценивание традиционных активов государств и субъектов предпринимательства, перераспределение трудовых ресурсов и потребителей в цифровые экономики других стран, обостряет проблемы надлежащего информирования потребителей и трудовых мигрантов о своих правах на цифровом рынке, в особенности наиболее уязвимых групп. Кроме того, актуализируются проблемы безопасности цифровых продуктов, осуществления контроля за использованием персональных данных, защиты нарушенных прав, в том числе с помощью исков и других альтернативных способов.

Таким образом, в условиях трансформации социально-экономического развития, шоков и новых угроз на первый план выходит экономическая безопасность как составляющая национальной безопасности любой страны.

Согласно Концепции национальной безопасности «экономическая безопасность – состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз» [4]. При этом экономическая безопасность должна по своей сути обеспечивать относительную самостоятельность государства принимать решения по вопросам развития экономики страны в конечном итоге в целях эффективной защиты экономических интересов всех субъектов экономической деятельности и прежде всего человека.

В широком смысле слова ряд ученых-экономистов рассматривают экономическую безопасность «как процесс по созданию условий по устранению возможных негативных воздействий для жизненно важных экономических интересов личности, общества и государства, как систему взаимосвязанных уровней: международного, национального, регионального, отраслевого, отдельных субъектов хозяйствования, личности, важнейшими составляющими которой являются: производственная, социальная и экологическая сферы» [3, с. 17]. Традиционно экономисты измеряют уровень экономической безопасности отдельными индикаторами и на их основе дают рекомендации по ее укреплению.

Экономическая безопасность обеспечивается устойчивым экономическим развитием, то есть способностью экономической системы выдерживать воздействие шоков, в частности тех, которые возникают в результате реализации внутренних или внешних угроз, и продолжать поддерживать устойчивый экономический рост. Можно согласиться с мнением исследователей данной проблематики, что «именно свойство защищенности должно являться основным при рассмотрении вопросов безопасности» [1, с. 127].

Поэтому экономическая безопасность должна иметь своей целью, во-первых, обеспечение высокой конкурентоспособности экономики на мировом рынке, во-вторых, достижение высокого уровня качества жизни граждан и их

приоритетная защита в период системной трансформации социально-экономического развития.

Данная категория имеет междисциплинарный комплексный характер, вследствие чего обеспечивается не только экономическими, но и правовыми средствами, позволяющими облечь экономические процессы в правовую форму, дать им основание для государственно-правового воздействия и защиты принудительной силой государства.

В современной юриспруденции «экономическая безопасность используется для обозначения правовой категории и поэтому имеет юридический смысл и значение, а также соответствует правовым признакам» [2, с. 21].

Соответственно правовое обеспечение экономической безопасности – это использование уполномоченными органами государственной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества правовых средств, направленных на противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности. Соответственно данные правовые средства должны способствовать конкурентоспособности национальной экономики и не только поддерживать, но и повышать уровень качества жизни граждан.

Ввиду огромного количества правовых средств сгруппируем правовые их по отраслевому признаку, что, несомненно, расширит научные представления о правовом обеспечении экономической безопасности.

Используя отраслевой подход можно сказать, что правовые средства подразделяются на конституционные, административно-правовые, уголовно-правовые, гражданско-правовые.

Конституционно-правовые средства. Так, Конституция Республики Беларусь вопросы экономической деятельности определяет в ряде статей: 13 (равенство форм собственности, гарантирование использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, осуществление государством регулирования экономической деятельности в интересах человека и общества; ч. 2 ст. 21 каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий); ст. 44, где определяются гарантии права собственности.

Достаточен ли объем конституционно-правового регулирования вопросов экономической деятельности? Для 25-летней давности, когда вносились в 1996 году существенные изменения Конституции Республики Беларусь, возможно и да. Но сейчас ситуация изменилась и самой значимой конституционной ценностью общепризнанно является человек и его права. Более того, именно достойное существование человека дает нам возможность достичь устойчивости практически во всех сферах жизни. В связи с чем представляется, что в Конституции найдут место статьи относительно предпринимательства, развития конкуренции и защиты прав потребителей как слабой стороны в стихии рыночной экономики. Потребление является конечным этапом воспроизводственного цикла товаров (работ, услуг) и по законам экономической науки, которую игнорировать глупо, именно потребление дает новый толчок к производству. Соответственно такие основные субъекты экономической деятельности, как предприниматели и потребители должны получить конституционно-правовое закрепление.

Административно-правовые средства включают организационно-правовые средства и средства государственного принуждения (предупреждения, пресечения и ответственности).

Проанализируем логичность и нормативную основу существующей организационно-правовой структуры по обеспечению экономической безопасности в Республике Беларусь.

Экономическую безопасность обеспечивает ряд органов власти: Комитет государственного контроля, Государственный пограничный комитет, Государственный таможенный комитет, Министерство экономики, Министерство антимонопольного регулирования и торговли и другие. Возглавляет всю систему органов государственной власти по вопросам безопасности Совет Безопасности Республики Беларусь.

Принято считать, что впервые Совет Безопасности в Республике Беларусь был создан Указом Президента Республики Беларусь от 5 августа 1994 г. № 24 «О назначении государственного секретаря Совета Безопасности Республики Беларусь». Однако Положение об этом органе в открытых источниках отсутствует. Есть Положения о Межведомственных комиссиях, например по безопасности в экономической сфере либо по информационной безопасности при Совете Безопасности Республики Беларусь, утвержденные соответствующими указами Президента.

Действующая Конституция Республики Беларусь предусматривает, что Глава государства назначает на должность и освобождает от должности Государственного секретаря Совета Безопасности (п. 27 ст. 84). Имеется информация на официальном сайте Президента Республики Беларусь, где определяется, что Совет Безопасности Республики Беларусь является конституционным, высшим коллегиальным координационно-политическим органом, реализующим полномочия Главы государства в области обеспечения национальной безопасности.

Если это конституционный орган, то публично должны быть определены его функции и задачи в соответствующем нормативном правовом акте. И как вариант статус Совета Безопасности предлагаем определить в специальном законе Республики Беларусь, возможно в законе «О безопасности». Принятие подобного акта было рекомендовано еще Межпарламентской комиссией Республики Беларусь, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана еще в 1999 году прошлого века. И некоторые страны, например Россия и Казахстан, подобные законы приняли.

Уголовно-правовые средства (составы уголовных преступлений, содержащихся в Уголовном кодексе) призваны охранять общественные отношения, посягательство на которые могут угрожать экономической безопасности.

Гражданско-правовые средства, используемые для обеспечения экономической безопасности как государства, так и субъектов хозяйствования, потребителей товаров и услуг, можно разделить на средства правового регулирования и средства правовой и защиты. К первой группе относятся практически все нормы гражданского законодательства, регулирующих имущественные отношения, в особенности вещные отношения и отношения интеллектуальной собственности, нормы о сделках и обязательствах. Именно эти средства способствуют повышению благосостояния субъектов гражданского оборота, а следовательно

и обеспечению их экономической безопасности. Здесь следует указать и на специальные нормы гражданского законодательства, гарантирующие приоритет слабой стороны договора, предоставляя ей дополнительный инструментарий для преодоления негативных последствий рыночных отношений. Наличие законодательства о защите прав потребителей, о малых и средних предприятиях свидетельствуют об этом. Что касается правовых средств гражданско-правовой защиты (возмещение убытков и взыскание неустойки, признание сделки ничтожной и т. д.), можно сказать, что все они направлены на восстановление имущественных потерь субъектов, поэтому способствуют и экономической безопасности.

В итоге нашего исследования хотелось бы подчеркнуть, что любые трансформационные процессы в экономике сопровождаются рисками не только для государства, но и для всех субъектов экономической деятельности – предпринимателей и потребителей товаров, работ, услуг; нанимателей и работников, в том числе мигрантов. Причем положение всех субъектов усложняется современными вызовами интеграционных преобразований и цифровых повесток. Поэтому в этот период и актуализируются научные исследования на стыке дисциплин, каждая из которых привносит свой методологический инструментарий для изучения смежных явлений других наук. Исследование вопросов безопасности и в особенности экономической безопасности требует выработки междисциплинарных экономико-правовых подходов, которые в силу комплексности и взаимопроникновения будут способствовать становлению конкурентоспособности национальной экономики и не только поддерживать, но и повышать уровень качества жизни.

Литература

1. Грачев, А. В. Классификация подходов к определению экономической безопасности государства / А. В. Грачев, Л. В. Левченко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – № 4 (60). – 2013. – с. 126–129.
2. Майорова, Е. Н. Понятие «экономическая безопасность» как правовая категория / Е. Н. Майорова // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – № 3. – 2018. – С. 17–26.
3. Экономическая безопасность: теория, методология, практика / под науч. ред. Никитенко П. Г., Булавко В. Г.; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2009. – 394 с.

Ключевые слова: экономика, экономическая безопасность, право, междисциплинарность, правовые средства

Key words: economics, economic security, law, interdisciplinarity, legal means

В данной статье автор на основе общенаучной, экономической и юридической методологии выявил сущность экономической безопасности, определили ее цель, уяснил субъекты. Кроме того, автор доказал необходимость использования правовых средств для обеспечения экономической безопасности.

In this article, the author, on the basis of general scientific, economic and legal methodology, revealed the essence of economic security, determined its purpose, and understood the subjects. In addition, the author has proven the need to use legal means to ensure economic security.

КУЛЬТОВОЕ СООРУЖЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР –
МЕЧЕТЬ В НЕКРАШУНЦАХ: ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА
И РЕЛИГИОЗНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

ГРИБОВА С. В.

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Мечеть в Некрашунцах принадлежит к самым древним культовым постройкам мусульман Беларуси. Свидетельства поселения татар в этих местах относятся к рубежу 15–16 вв. В джамиат Некрашунской мечети входили поселения татар в Некрашунцах, Сандыковщизне, Геленово, Сасовщизне, Острино, Скиделе, Радуни, Луковщизне, Тавсюнах, Кемейшай, Коптевшизне, Плянтах. До 1917 г. джамиат мечети охватывал Лидский уезд Виленской губернии и ближайшие поселения Гродненского уезда Гродненской губернии. Мечеть неоднократно перестраивалась, но до наших дней не сохранилась.

Установлено, что данное культовое сооружение татар-мусульман ремонтировалось в 1832 г. Парафия в 1795 г. составляла 217 человек, в 1851 г. – 364 человека, в 1885 г. – 291 человек [1, с. 46].

Есть сведения о ремонте мечети в Некрашунцах в начале XX века. Известно о пожертвовании средств на эти нужды от королевского правительства в Египте, а также от татар-мусульман из США, которые в 1901 г. прислали 100 долларов на ее ремонт: Иван Яковлевич Александрович (10 долларов), Осип Яковлевич Александрович (15 долларов), Давид Адамович Селимович (5 долларов), Александр Осипович Ризванович (5 долларов), Константин Д. Радкевич (20 долларов), Иван Адамович Александрович (10 долларов), Селим А. Александрович (10 долларов), Селим Стефанович Якубовский (5 долларов), Самуил Адамович Халецкий (5 долларов), Яков Адамович Халецкий (5 долларов). Пересылкой денег занимался Осип Яковлевич Александрович.

Мечеть в Некрашунцах была полностью разрушена 4 сентября 1915 г. во время Первой мировой войны. А. Вабищевич в своей книге «Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.)» отмечает, что вместо нее существовал молитвенный дом [2, с. 210]. После присоединения этих территорий в состав Республики Польша в результате Рижского мирного договора в 1921 г. мечеть в Некрашунцах была построена заново.

В архивных фондах Гродненского государственного музея истории религии сохранился договор на строительство мечети в Некрашунцах от 20 февраля 1925 г. между полковником Александром Романовичем, проживавшим в Вильно по улице Сосновая 8, и Андреем Подляшуком из Бутрыманцев, гмина Полецкишки. Договор содержит следующие условия:

«Я, Андрей Подляшук, обязуюсь построить в окрестности Некрашунцы мечеть из материалов общины согласно приложенному плану и под руководством Александра Романовича либо его доверенных лиц – имама Б. Ясинского, Адама Радецкого.

1. Фундамент: длина 13 аршинов, ширина 9, под поперечные стены – одна 9 аршин, вторая 6 аршин, под крыльцо, михраб (алтарь), под печь и под балки для пола – высотой поларшина от земли в наивысшей точке участка и поларшина под землёй.

2. Стены длиной 13 аршин, шириной 9, высотой 7 аршин вместе с подвальной и наверхиями в немецкий кут (?). Стены должны быть оструганы (сглажены) с обеих сторон, выровнены по шнуру и взяты в лисы.

3. Перегородки 2 из необрезной струганной доски. Одна 9 аршин с косяками для поперечного окна и двери, вторая 6 аршин с косяком для дверей.

4. В коридоре косяк для дверей к крыльцу и двухмаршевая лестница на балкон с косяком для дверей на балкон.

5. Навес над крыльцом на 4 столбах и 5 окон (?) высотой 5 аршин.

6. Чёрный пол из струганных досок.

7. Балки под балкон высотой 4 аршина.

8. Косяки для 7 больших окон размером 1,5x3 аршина и двух окон размером 1x1 аршин.

9. Минарет (башня) высотой от крыши 4 аршина, квадратный, с местом для 4 окон.

10. Поставить стропила и поперечины для покрытия гонтой.

11. На подвалины и косяки самостоятельно подготовить материал.

12. Питание рабочих не включено в смету.

13. Срок выполнения работ – к 1 мая текущего года.

14. Михраб (алтарь) выполнить из 5 граней, высотой 5 аршин, со стропилами под немецкий кут.

15. Оплата труда обговорена: за всё вышеописанное 1200 злотых и 200 пудов ржи.

16. Половина оговоренной суммы должна быть заплачена до окончания работ, в четырёх равных частях, а вторая половина – по окончанию всего объёма работ [3].

Настоящее соглашение заключено в двух экземплярах, из которых оригинал хранится у А. Романовича, а копия у Подляшука». В данном документе также сделаны отметки о произведенных выплатах. Сказано, что 13 марта 1925 года выдано в качестве оплаты 15 пудов ржи и 200 злотых от А. Романовича и 100 злотых от имама Б. Ясинского, а также еще 222 злотых от А. Романовича. 7 апреля 1925 года было получено 10 пудов ржи и 400 злотых А. Подляшуком за работу. 12 мая он получил 116 пудов ржи.

5 июня 1925 года по завершении строительства мастеру А. Подляшуку и его работникам была выдана сумма 670 злотых. За неграмотного А. Подляшука в получении средств расписывался Габриэль Подляшук [3].

Таким образом, нужно обратить внимание, что было выплачено за работы не 1200 злотых, как сказано в договоре, а почти 1600 злотых, однако выдано на 60 пудов ржи меньше. Но при этом стоит отметить, что в Гродненском государственном архиве истории религии сохранилась расписка от 10 октября 1925 г. о выдаче А. Подляшуку и его работникам 6 пудов ржи. Очевидно, что основные средства по данному договору на строительство мечети внес А. Романович (председатель правления парафии мусульман в Некрашунцах). Стоит обратить внимание также, что для дальнейших расходов на возведение мечети он брал

кредит в Государственном земельном банке [4, 5]. Свои пожертвования на строительство мечети прислали в 1926 г. и татары из США [6]. 17 мая 1926 г. старосте в Лиде из Новогрудка было адресовано извещение о высылке талона на 500 злотых на возведение мечети в Некрашунцах [7].

Дальнейшее строительство мечети производили такие рабочие, как Карпович – малярные работы; А. Мавшович застеклил окна, двери; Медведские Францишек и Бронислав изготавливали доски; М. Заклюковский – столярные работы; М. Гутэлевский и Е. Валпянский крыли крышу, К. Ковалевский сделал пол в мечети; Б. Алешкевич – стол и скамейки; Ф. Подляший пилил балки, К. Козловский сделал ворота и ограждение для мизара. В Гродненском государственном архиве истории религии хранятся расписки о получении данными людьми платы за выполнение указанных работ.

В ходе обустройства мечети приобретались товары в таких фирмах, как «Metal» в Лиде (жесть для мечети), «Pracownia swiec Koscielnych Aleksandra Andrukowicza w Wilnie», «Skład wyrobów żelaznych i naczyń kuchennych S. Koriski i Syn», «Wilenski Dom Towarowa-Przemysłowy Bracia Jabłkowcy» (плюш для мечети), «M. Niewiadomski. Zakład wyrobów srebrnych, złotych i platowanego» (бронзовое бра для мечети, металлические изделия).

Общее количество средств, потраченных на строительство мечети в Некрашунцах, согласно смете за 1924–1926 гг., составило около 5520 злотых [8].

Торжественное богослужение по поводу открытия мечети состоялось 8 октября 1926 г. в 12.00, на которое были приглашены раввин Радуньский М. Мирвис и ксендз Радуньского костёла. Комитету строительства мечети были ими направлены письма с благодарностью за приглашение на это важное событие для татар-мусульман Некрашунской парафии. Стоит обратить внимание, что такая межкультурная коммуникация подчеркивает добрососедские отношения представителей различных конфессий на данной территории [9,10].

Согласно исламу каждый мусульманин должен уметь читать священные книги Коран и Хамаил, написанные на арабском языке. Но так как местные татары с XVI века им не владели, чтобы читать священные книги, необходимо было учиться. Если родители не участвовали в обучении своих детей арабскому письму, это считалось большим грехом. Поэтому по возможности в татарских поселениях строились специальные школы по изучению Корана – мектебэ. Идея строительства мусульманской школы возникла и в Некрашунцах. Для этих целей подыскивали дом для покупки. В мае 1927 г. А. Радецкий и А. Сулькевич предложили председателю правления мусульманской гмины купить дом в д. Белунцы стоимостью 115 долларов. Но дом был не достроен, поэтому нужны были еще вложения в размере около 1000 злотых [11]. Этот вариант одобрили, и в конце мая 1927 г. муфтият прислал 115 долларов на покупку дома [12]. Его длина составляла 18,5 аршин, ширина – 9 аршин. В доме было две комнаты по разным концам, одна – 9 на 9 аршин, другая – 5 на 9 аршин и центральное помещение размером 4,5 на 9 аршин.

9 сентября 1927 г. заместитель муфтия обратился к мусульманам парафии в Некрашунцах по вопросу сбора средств для строительства школы. В межвоенный период самым богатым татарским родом в парафии был род Романовичей, за ним – Яблонских, имение которых называлось Межанцы или Миранцы. Стоит также отметить, что в Гродненском государственном архиве истории

религии хранится расписка Станислава Пошивака в получении 30 злотых (вероятно от А. Романовича, так как стоит и его подпись) за составление списка пожертвовавших на мечеть в Некрашунцах (Вильно, 25 мая 1928 г.) [13]. Судя по документам в этот период был построен и парафиальный дом для татар-мусульман Некрашунской парафии.

Мечеть имела огромное значение, она объединяла верующих, являлась центром религиозной жизни. Период ее строительства был связан с имамом Ибрагимом Иосифовичем Ясинским (ок. 1880 г. р.) родом из Клецка. С женой Айшей (из Слонима) у них было четверо детей. В документах Гродненского государственного архива истории религии Ибрагим Иосифович Ясинский в качестве имама в Некрашунцах упоминается с 1924 г. Дата его смерти, как и место захоронения, не установлены. После Великой Отечественной войны его жена с тремя детьми эмигрировали в Польшу. Сын Амурат, будучи ветераном войны, какое-то время считался пропавшим без вести, но позже вернулся в родные места и жил в Клецке. Умер в 1975 г., похоронен в Осмолово.

Функции имама в Некрашунцах после Ибрагима Ясинского выполнял Александр Криницкий (1932–1939 гг.), в годы Великой Отечественной войны – Лют Мухля. Известны и такие имамы мечети в Некрашунцах более раннего периода: Александр Окмянский (в 1790 г.), Юсуф Силимонович в 1832 г., Самуил Ильяшевич в 1840 г., Самуил Яблоньский в 1865 г., Сулейман Радецкий 1865–1915 гг., Александр Асанович (1915–1924 гг.?). [1, s.47; 2, с. 20].

Важность для местных татар-мусульман культового сооружения в Некрашунцах нельзя переоценить, поэтому здание мечети благоустраивалось и ремонтировалось. На ремонт в начале 1930-х гг. денежные средства выделял муфтият Речи Посполитой. Парафия в 1937 г. составляла 244 человека [1, с. 46]. Стоит отметить, что выходцами из Некрашунской парафии являются такие известные личности, как генерал Матвей Сулькевич (родился в 1865 г. в имении Кемейши) – глава правительства Крыма, предводитель армии Азербайджана (расстрелян в Баку в 1920 г.), Сулейман Криницкий – член правительства М. Сулькевича (родился в окрестности Сандыковщизна в 1859 г.), Александр Криницкий – имам Некрашунской мечети в 1932–1939 гг., родился и умер в Сандыковщизне.

После Великой Отечественной войны в 1950-е гг. мечеть в Некрашунцах была разобрана, сруб стен и другие элементы конструкции здания были использованы для строительства местной больницы. На сегодняшний день от мечети сохранился лишь частично фундамент. Надо констатировать, что и количество татарского населения неуклонно уменьшалось. В 1998 г. в Некрашунцах проживали 4 татарские семьи, которые относились к мусульманской гмине в Лиде.

В наши дни территория бывшей Некрашунской парафии входит в состав Беларуси и Литвы (Тавсюны). На сегодняшний день на белорусской стороне проживают единицы татар-мусульман из данной парафии, в том числе в деревне Алекшишки – **Софья (Зелыйма) Криницкая** (Мухарская) 1935 г.р., родом из Некрашунц.

В Западной Беларуси в 1940–1950-х годах татар репрессировали, как и других представителей зажиточного населения. В 1950-е гг. многие татарские семьи – как бывшие граждане Польши – репатриировались из Беларуси. Отец

Зелиймы разделил судьбу многих западных белорусов. Мобилизованный на фронт в сентябре 1939 года Махмет Мухарский (1909–1976), который перед войной вел сельское хозяйство в д. Некрашунцы, 17 сентября 1939 г. был арестован в Здолбунове. Отправлен в Кривой Рог, затем 27 июля 1940 г. переведен в лагерь в Коми АССР. Далее находился в лагерях в Татищеве (Саратовская область) и в Ивановской области РСФСР. 3 сентября 1941 г. был освобожден. Вступил в армию В. Андерса, в составе которой попал в Англию, а после войны перебрался в Гданьск, куда и пытался перевезти семью. Так делали многие. Эмигрировали в Польшу, Литву, молодежь оставалась в городах после окончания учебных заведений.

Поскольку ни мечети, ни имама в окрестностях не было, религиозная жизнь местных татар затухала. Единственная татарка старшего поколения, которая умела читать Коран, умерла, а «крестить» (т. е. «азанить» – читать специальные молитвы при рождении ребенка) или хоронить некрашунские татары ездили в другие места, где был мула. Местные татары, несмотря на то, что не умели молиться, все равно отмечали праздники – Курбан Байрам, Ашура Байрам. Пекли пироги, старались в праздники не работать. Стоит отметить, что до наших дней материальным свидетельством существования здесь татарско-мусульманского поселения являются лишь два сохранившихся мизара (татарских кладбища).

Таким образом, можно констатировать, что культовое сооружение – мечеть в Некрашунцах имела огромную значимость для местного татарско-мусульманского населения. Она выполняла консолидирующую функцию, способствовала сохранению татарской общины, так как вероисповедание ислама является важным фактором, препятствующим ассимиляции данной группы населения, проживающей в немусульманском окружении. Стоит также отметить добрососедство татар-мусульман с местными иудеями и христианским населением, о чем свидетельствует приглашение раввина и ксендза на открытие мечети в Некрашунцах.

Литература

1. Drozd, A. Meczety i cmentarze tatarow polsko-litewskich / A. Drozd, M. Dziekan, T. Majda. – Warszawa : Republika Multiethnika, 1999. – 100 s.
2. Вабішчэвіч, А. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ, 2008. – 319 с.
3. Гродненский государственный архив истории религии. КП 8604/184. Документ на польском языке, перевод – С. Миськевича.
4. Там же. КП 8604/9
5. Там же. КП 8604/80
6. Там же. КП 8604/118
7. Там же. КП 8604/76
8. Там же. КП 8604/7
9. Там же. КП 8604/75
10. Там же. КП 8604/74
11. Там же. КП 8604/70
12. Там же. КП 8604/128
13. Там же. КП 8604/191

Ключевые слова: мечеть, татары-мусульмане, имам, парафия, мизар.

Key words: mosque, Muslim Tatars, imam, parafia, mizar.

Данная статья посвящена истории строительства мечети в Некрашунцах, ее роли для татарско-мусульманской парафии. Автор вводит в научный оборот архивные материалы, в которых содержится информация об особенностях возведения мечети в Некрашунцах, а так же мусульманской школы по изучению Корана, парафиального дома для местных мусульман. Приводит сведения о количестве татар-мусульман в Некрашунской парафии, отмечает, что до наших дней материальным свидетельством существования здесь татарско-мусульманского поселения являются лишь два сохранившихся мизара (татарских кладбища).

This article is devoted to the history of the construction of the mosque in Nekrashuntsy, its role for the Tatar-Muslim parafia. The author introduces into scientific circulation archival materials, which contain information about the features of the construction of the mosque in Nekrashuntsy, the Muslim school for the study of the Koran, the parafial house for local Muslims. He gives information about the number of Tatar-Muslims in the Nekrashun parafia, notes that to this day, only two surviving mizars (Tatar cemeteries) are material evidence of the existence of a Tatar-Muslim settlement here.

УДК 378.147.091

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО СОЗНАНИЯ
ЛИЧНОСТИ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА

ГРИГОРОВИЧ Е. Н.

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

В последнее время заметно возрастают требования к качеству подготовки специалистов в высшей школе. Выпускник высшего учебного заведения сегодня должен соответствовать высоким требованиям, предъявляемым как к уровню его профессиональных знаний, так и к его социально-личностным компетенциям. Наряду со знаниями и умениями в избранной сфере профессиональной деятельности молодой специалист должен обладать исследовательскими навыками, уметь работать самостоятельно, владеть информационными технологиями, обладать способностью к межличностным коммуникациям, знать нравственные и правовые нормы, быть готовым к постоянному профессиональному, культурному и физическому самосовершенствованию. В современном обществе востребованы активные, творчески мыслящие специалисты, подготовленные к инициативной профессиональной и социальной деятельности. Сформировать и развить эти качества у будущих специалистов, помочь студентам в их профессиональном самоопределении – главная задача каждого высшего учебного заведения.

По нашему мнению, мотивация и положительное отношение к профессии являются определяющим условием активизации процесса обучения и познавательной деятельности. Важную роль в процессе развития личности студента играет образовательная среда высшего учебного заведения, в которую молодой человек включается с первых дней студенческой жизни. Особое место в профессиональном становлении будущего специалиста занимает начальный этап

обучения в вузе. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований ценностно-мировоззренческих ориентаций студенческой молодёжи в Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина, позволившие выявить динамику отношения студентов к избранной специальности. Как правило, более 90 % от числа опрошенных первокурсников университета отмечали, что им нравится избранная специальность; 6–7 % относятся к ней безразлично; и лишь не более 2 % респондентов указывают, что специальность им не нравится. В рамках этих же исследований 63,5 % (почти 2/3) опрошенных студентов второго курса считают, что не ошиблись с выбором специальности. Однако на четвертом курсе лишь 38,1 % студентов указали, что поступили бы на свою же специальность и в свой университет, а 41 % опрошенных выбрали бы другое учебное заведение и другую специальность [1,51].

Актуальной задачей высшего учебного заведения становится, на наш взгляд, создание максимально эффективных условий для сохранения и укрепления интереса к будущей профессии, формирования мотивации молодого человека к получению качественного высшего образования. И одним из таких условий является создание образовательного пространства высшего учебного заведения, обладающего мощным социализирующим потенциалом и формирующим профессиональную культуру будущего специалиста.

Сложность начального этапа обучения в вузе заключается в том, что у студента происходит перестройка всей системы ценностно-познавательных ориентаций личности, осваиваются новые способы познавательной деятельности и формируются определённые типы и формы межличностных связей и отношений. И здесь особую значимость приобретает процесс адаптации первокурсников, в течение которого студенты сталкиваются с новыми для них условиями: социальными, психологическими, дидактическими. В современной научной литературе под адаптацией (от лат. *adapto* приспособляю) понимается процесс активного приспособления индивида к изменившейся среде с помощью различных социальных средств. Основным способом адаптации является принятие норм и ценностей новой социальной среды, сложившихся в ней форм социального взаимодействия и предметной деятельности.

Процесс адаптации к обучению в вузе – сложное многоаспектное явление, связанное с перестройкой не только стереотипов поведения, но и личности в целом. Успешность и эффективность периода адаптации может быть различна, как и её результат. Однако, чем эффективнее пройдёт адаптация студентов к вузовскому обучению, тем выше будет психологический комфорт, учебная мотивация, направленность и характер учебной деятельности и, как следствие, профессионализм будущего специалиста.

Традиционно адаптация студентов первого курса рассматривается как совокупность трёх аспектов, отражающих основные направления деятельности студентов:

– *дидактическая адаптация* (приспособление к новым формам преподавания, контроля и усвоения знаний);

– *профессиональная преадаптация* (изучение общепрофессиональных дисциплин, участие в научных и учебно-организационных профориентационных мероприятиях);

– *адаптация к новой социальной группе* (включение в коллектив сокурсников, усвоение его правил, традиций).

Дидактическая адаптация представляет собой наиболее значимый элемент внутривузовской социализации студента-первокурсника. Анализ результатов наших исследований позволяет сделать вывод, что в начале обучения 86 % студентов (в некоторых группах до 98 %) испытывают затруднения при вхождении в студенческую жизнь. Основными трудностями для первокурсников являются когнитивные: при подготовке к занятиям – 91 %, при конспектировании лекций – 89 %, при работе с литературой – 80 %, планировании самостоятельной работы – 80 %. Кроме того, у студентов возникают затруднения при работе с методической литературой, отсутствуют навыки работы с большим объёмом информации, нет опыта конспектирования лекций. Особую трудность представляет, на наш взгляд, отсутствие навыков самостоятельной работы. Сами студенты-первокурсники выделили два основных отличия учёбы в вузе от занятий в школе: больше внимания уделяется самостоятельной работе – 60,7 % и большая интенсивность учебного процесса, его загруженность – 44,8 %.

Говоря о дидактической адаптации, особо следует отметить роль и значение в этом процессе социально-гуманитарных дисциплин, в том числе дисциплин по выбору, предлагаемых кафедрами. Так, например, кафедра философии и экономики БрГУ имени А. С. Пушкина предлагает для студентов юридического факультета дисциплины по выбору: «Социальные ценности белорусского общества в цивилизационном контексте», «Корпоративная этика», «Логика в юридической практике» и др. Эти дисциплины помогают студенту усвоить духовно-нравственные ценности, развить социально-личностные компетенции, выступают основой для формирования профессиональных качеств и самоопределения личности. А введение на первом курсе юридического факультета дисциплины вузовского компонента «Методология учебной и научно-исследовательской деятельности студента» помогает не только академической адаптации, но и профессиональной преадаптации студентов. В рамках учебного курса они знакомятся с особенностями учебной и научно-исследовательской деятельности в вузе, со структурой учебного плана конкретной специальности, необходимыми академическими и социально-личностными компетенциями, изучают современные стратегии академического чтения и письма, осознают значение самообразования и саморазвития в будущей профессиональной деятельности.

Профессиональная преадаптация студентов тесно связана с дидактической и во многом определяет их дальнейшее отношение к учёбе и результаты учебной деятельности. Как уже отмечалось выше, подавляющее большинство первокурсников имеют положительное отношение к избранной специальности, хотя степень удовлетворённости варьируется в зависимости от специальности. Поэтому важной образовательной и воспитательной задачей педагогического коллектива является профессиональная социализация в вузе и формирование основ профессиональной культуры специалиста. По мнению академика В. С. Стёпина, профессиональная культура является «органической частью социальной культуры» [2, с. 369–385]. А В. Я. Кочергин определяет её как «саморазвивающуюся систему признанных профессиональным сообществом функций специалиста (профессиональных ролей), норм и ценностей, регулирующих и направляющих процесс производственной деятельности, отношения между

членами профессиональной группы и другими группами и общественными институтами, а также устанавливающих квалификационные требования, образцы достижений и профессиональной мобильности» [3, с. 5].

Наряду с когнитивными трудностями первокурсники испытывают также затруднения социального и коммуникативного характера: при организации досуга и быта (69 %), адаптации к новой жизни и статусным изменениям (22 %). Студенты отмечают, что им трудно планировать бюджет, не получается распределять своё время. Каждый третий первокурсник сталкивается с трудностями при установлении взаимоотношений в группе (34 %), при установлении взаимоотношений с куратором, преподавателями (11 %).

Успешность процесса адаптации зависит от наличия целого ряда факторов, как субъективных: высокого уровня мотивации, ценностных ориентаций, степени развития волевых качеств, наличия навыков самостоятельной работы, социального статуса семьи, состояния здоровья студента; так и объективных: наличия в учебном заведении образовательной среды, оптимальных форм обучения, профессиональной направленности учебно-воспитательного процесса, культуры умственного труда.

Сформировать потребности в высокой профессиональной компетентности будущих специалистов, активизировать познавательные способности студентов помогает образовательная среда, а также обеспечение единства целей системы образования и самообразования. В вузе должна быть создана система обучения, стимулирующая активную позицию студента на всех этапах обучения. Во-вторых, особую значимость приобретает способность к творческому мышлению, которая развивается через научно-исследовательскую деятельность студента и способствует стимулированию его потребностей в самообразовании и творчестве. В-третьих, без обучения студентов современным методам и методикам самообразования невозможно сформировать у будущих специалистов умения и навыки управления самостоятельной исследовательской деятельностью.

Образование в вузе представляет собой процесс сознательного, планомерного, организованного и целенаправленного воздействия на сознание и поведение развивающейся личности с целью формирования у неё определенных ценностных ориентаций, социальных установок и подготовки её не только к профессиональной, но и к активной общественной и культурной деятельности. Поэтому сегодня задачей образования отнюдь не является получение обучаемым лишь профессиональных знаний, скорее речь идет о подготовке молодого человека к жизни в динамичной среде, получении им навыков учиться, и выработке потребности в самообразовании.

Студенческий возраст является важным периодом социализации индивида, когда происходит усвоение социальных ценностей, норм, установок, образцов поведения, расширение социальных связей, отождествление индивида с определённой социальной средой. Вместе с тем современное общество характеризуется многовекторностью и мультикультурностью, в нем усиливается неопределенность социальных процессов, наблюдаются проявления случайности, альтернативности. Доктор социологии университета Лунда (Швеция) П. Далгрэн отмечает: «Проблемность эпохи поздней современности как раз и заключается в том, что мы испытываем сложности как с ориентацией в текущем моменте, так и затрудняемся с выбором направления дальнейшего движения. Сейчас мы находимся между проблемным прошлым и неочевидным будущим» [4, с. 7].

Для ориентации в сложной социальной реальности вступающие во взрослую жизнь молодые люди должны обладать не только прочными, профессиональными знаниями, но и определенными нормативными ориентирами. Молодой человек сегодня все чаще оказывается перед выбором между несколькими возможными путями развития в поликультурном пространстве. Возможны альтернативные варианты идентификации человека на некотором культурном, национальном или даже гендерном основании. В условиях неопределённости все чаще возникают ситуации риска, чему наиболее подвержена молодежь, не имеющая жизненного опыта и достаточного образования. В силу плюрализма общественного мнения индивидуальная позиция современных молодых людей часто характеризуется эклектизмом, им трудно определиться с собственным мировоззрением. Молодому человеку не всегда понятен предмет выбора, а при наличии множества источников информации он далеко не всегда способен ее проанализировать и сделать выводы, значимые для становления собственного мировоззрения. Поэтому очень важным, на наш взгляд, является формирование у молодых людей критического мышления, навыков научной дискуссии, воспитание уважения к иной точке зрения, признание другой личности, её духовно-нравственных ценностей. Негативное отношение, нетерпимость к иной точке зрения может стать объектом для манипулирования со стороны экстремистских организаций религиозной или политической направленности. В этой связи формирование толерантной среды в образовательном учреждении, воспитание искреннего уважения и признания другой личности, её духовно-нравственных ценностей будет способствовать гуманизации отношений индивида с окружающим миром, снижению количества рисков и опасных ситуаций, в которых может оказаться молодой человек.

Таким образом, задача современной высшей школы – подготовка высококвалифицированных и востребованных на рынке труда специалистов – возможна лишь при условии создания в высшем учебном заведении благоприятной образовательной среды, направленной на поддержку и развитие учебной, научно-исследовательской и общественной деятельности студентов. Роль преподавателя высшей школы, особенно преподавателя социально-гуманитарных дисциплин, заключается в том, чтобы создать условия для развития мотивации творческой, эмоциональной деятельности студентов, способствующей гуманизации отношений индивида с окружающим миром, снижению количества рисков и опасных ситуаций, в которых может оказаться будущий молодой специалист.

Литература

1. Григорович, Е. Н. Практико-ориентированность подготовки будущих юристов как условие их профессиональной адаптации / Е. Н. Григорович // Вучон. зап. Брэсц. ун-та: зб. навук. прац. – 2019. – Ч. 1. Гуманітар.і грамад. навукі. – Вып. 15. – С. 49–57.
2. Степин, В. С. Человек. Деятельность. Культура / В. С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2018. – 800 с.
3. Кочергин, В. Я. Профессиональная культура и социальные технологии: теоретико-методологический анализ взаимосвязи / В. Я. Кочергин // Журн. Белорус.гос.ун-та. Социология. – 2019. – № 3. – С. 4–9.
4. Далгрэн, П. Крайности поздней современности: логика культуры, ценности и идентичности / П. Далгрэн // Философия и социальные науки. – 2010. – № 4. – С. 5–11.

Ключевые слова: академическая адаптация, профессиональная преадаптация, профессиональная культура, образовательная среда.

Key words: academic adaptation, professional pre-adaptation, professional culture, educational environment.

Рассматриваются актуальные проблемы формирования профессиональной культуры будущих специалистов в современной высшей школе, показана роль образовательной среды высшего учебного заведения в адаптации студентов младших курсов и мотивации их к активной познавательной и общественной деятельности.

The article deals with the actual problems of forming the professional culture of future specialists in modern higher education, shows the role of the educational environment of higher education institutions in the adaptation of junior students and motivating them to active cognitive and social activities.

УДК 349.22

К ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

ГУДЕЛЬ В. В.

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
г. Минск, Беларусь*

С начала 2000-х гг. происходят системные трансформации различных сфер общества (например, широкое использование информационно-коммуникационных технологий как в экономике, так и в повседневной жизни). За двадцать лет роль информационных технологий, глобальных компьютерных сетей в обществе значительно возросла, происходят постоянные изменения, при этом скорость таких изменений остается стабильно высокой. Несмотря на широкое распространение информационных технологий, происходящие инновации в общественном укладе, сохраняется место и для традиционных подходов, одним из которых служит право как способ регулирования общественных отношений. Настоящий доклад посвящен отдельным вопросам регулирования трудовых отношений согласно действующему трудовому законодательству Республики Беларусь. Общественные отношения по наемному труду на белорусских землях регулируются нормами трудового законодательства (ранее фабричного законодательства) достаточно давно (около 150 лет), при этом подходы, используемые для регулирования, остаются достаточно традиционными. Здесь можно вести речь о традициях в обществе сегодняшнего дня.

Одним из вопросов регламентации наемного труда является регулирование общественных отношений при временном переводе работника в случае простоя, которое осуществляется в настоящее время согласно ст. 34 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК Беларуси). Простоем признается временное отсутствие работы по причине производственного или экономического характера (выход из строя оборудования, механизмов, отсутствие сырья,

50

материалов, электроэнергии и другое). Временный перевод в случае простоя должен производиться с учетом квалификации, должности служащего (профессии рабочего) работника на все время простоя у того же нанимателя или на срок до одного месяца к другому нанимателю, но в той же местности (ст. 34 ТК Беларуси).

Законом от 18 июля 2019 года были внесены изменения и дополнения в ТК Беларуси, которые, в том числе, затронули ст. 34 данного кодекса. Среди них из статьи исчезла норма об оплате труда работника в течение временного перевода при простое, которая была закреплена в прежней редакции ст. 34 ТК Беларуси (редакция Закона от 20.07.2007.): «При временном переводе работника на другую работу в связи с простоем оплата труда производится по выполняемой работе. При этом при временном переводе на нижеоплачиваемую работу за работниками, выполняющими нормы выработки или переведенными на повременно оплачиваемую работу, сохраняется средний заработок по прежней работе, а работникам, не выполняющим нормы выработки, производится оплата труда по выполняемой работе, но не ниже их тарифной ставки» (часть третья). Таким образом, при переводе работника на нижеоплачиваемую работу ему гарантировалась оплата труда не ниже, чем по первоначальному рабочему месту, а именно: сохранение среднего заработка по прежней работе при выполнении норм труда либо оплата по выполняемой работе (но не ниже прежней тарифной ставки) при невыполнении норм выработки. Нынешнее правило устанавливает, что при временном переводе работника к другому нанимателю оплата труда осуществляется нанимателем, с которым работник заключил трудовой договор, если иное не предусмотрено ТК Беларуси (часть седьмая ст. 32¹ ТК Беларуси). Как представляется, при таком подходе возможен конфликт интересов сторон трудового договора. Согласно правилу, содержащемуся в ст. 32¹ ТК Беларуси, временный перевод производится на основании приказа (распоряжения) нанимателя о временном переводе с указанием условий оплаты труда, с данным приказом (распоряжением) о временном переводе наниматель знакомит работника под подпись (часть вторая). Получается, что в приказе (распоряжении) наниматель может самостоятельно определять условия оплаты труда на период временного перевода. Подобный подход противоречит следующей норме ТК Беларуси: при временном переводе действие трудового договора продолжается, другой трудовой договор с работником не заключается, если иное не предусмотрено ТК Беларуси (часть третья ст. 32¹). Вопрос оплаты труда регламентирован трудовым договором между работником и нанимателем: оплата труда работника относится к обязательным сведениям и условиям трудового договора (п. 7 части второй ст. 19 ТК Беларуси). Поэтому каждый трудовой договор должен содержать условия оплаты труда работника (например, размер тарифной ставки (оклада) работника, доплаты, надбавки и поощрительные выплаты).

Еще одно отличие нынешней статьи ТК Беларуси, регламентирующей временный перевод в случае простоя, (ст. 34) от прежней ее редакции (в редакции Закона от 20.07.2007), заключается в правиле о продолжительности простоя. Если прежнее правило (часть первая ст. 34 ТК Беларуси (в редакции Закона от 20.07.2007)) закрепляло, что простоем признается временное (сроком не более шести месяцев) отсутствие работы, то есть подразумевалась разовая ситуация с простоем, продолжительность которой не может превышать до шести месяцев

(при этом не конкретизировалось, как часто могут возникать простои в течение определенного календарного периода). То действующее правило о сроках детализировало правовое регулирование: «При этом общая продолжительность простоев не может превышать суммарно шести месяцев в течение календарного года» (часть первая ст. 34 ТК Беларуси). Описанное правило в отличие от прежней нормы (часть первая ст. 34 ТК Беларуси (в редакции Закона от 20.07.2007)) позволяет выделить ряд характерных черт: во-первых, возможность множественности простоев (в формулировке используется слово во множественном числе («простоев»)) вместо одного простоя как прежде; во-вторых, указана методика подсчета простоев – общая продолжительность простоев подсчитывается суммарно; в-третьих, указан срок, за который ведется подсчет общей продолжительности простоев, – в течение календарного года. Как итог – нынешнее правило в ст. 34 ТК Беларуси конкретизировало правовое регулирование временного перевода в случае простоя (количество простоев, за какой период ведется подсчет и т. д.), что положительно сказывается на интересах работника.

Законом от 18 июля 2019 года, о котором было написано выше, были также изменены нормы о трудовой книжке (ст. 50 ТК Беларуси). Согласно легальной дефиниции, приведенной в данной статье ТК Беларуси, трудовая книжка установленного образца является основным документом о трудовой деятельности работника в случаях, когда ее заполнение обязательно (часть первая). В трудовую книжку вносятся сведения о работнике, выполняемой им работе, переводах на другую постоянную работу, об увольнении работника и основаниях прекращения трудового договора, о награждениях и поощрениях за успехи в работе, иные сведения (часть четвертая ст. 50 ТК Беларуси). Образец трудовой книжки утверждается республиканским органом государственного управления, проводящим государственную политику в области труда (часть первая ст. 50 ТК Беларуси).

Приведенная дефиниция понятия «трудовая книжка» в сравнении с нормой ст. 50 ТК Беларуси (в редакции Закона от 20.07.2007.) была изменена Законом от 18 июля 2019 года, а именно: формулировка была дополнена фразой «в случаях, когда ее заполнение обязательно». Благодаря данному дополнению подразумевается, что с 28 января 2020 года (день вступления в силу изменений в ТК Беларуси согласно Закону от 18 июля 2019 года) трудовая книжка перестала быть обязательным документом для всех работников. Далее в ст. 50 ТК Беларуси законодатель конкретизировал для какой категории нанимателей заполнение трудовой книжки необязательно: трудовые книжки заполняются нанимателем (за исключением нанимателя – физического лица) на всех работников, работающих свыше пяти дней, в том числе поступающих на работу впервые, если работа у данного нанимателя является для работника основной (часть вторая). Таким образом, трудовая книжка перестала быть обязательным документом в отношении нанимателей – физических лиц. Несмотря на наличие вышеназванной нормы про нанимателя – физического лица (часть вторая ст. 50 ТК Беларуси), из рассматриваемой статьи не следует, для какой категории работников трудовая книжка необязательна. Чтобы попытаться ответить на данный вопрос, обратимся к другим нормативным правовым актам. Так, существует следующее правило: работникам, работающим у нанимателей – физических лиц, принятым на работу до 28 января 2020 г., трудовые

книжки выдаются не позднее 28 февраля 2020 г. с внесением в них записи о прекращении заполнения трудовой книжки в связи с вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-З «Об изменении законов», заверенной подписью нанимателя, а в отношении домашних работников – уполномоченным должностным лицом местного исполнительного и распорядительного органа первичного территориального уровня, зарегистрировавшего трудовой договор с домашним работником (п. 2 постановления Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 10.01.2020. № 1 «Об изменении постановления Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 16 июня 2014 г. № 40» (далее – Постановление № 1)). Исходя из данной нормы, можно предположить, что трудовая книжка перестала быть обязательным документом в трудовых отношениях с 28 января 2020 г. для двух категорий работников: работников, работающих у нанимателей – физических лиц, и домашних работников.

Это предположение частично подтверждает внесенное изменение в Инструкцию о порядке ведения трудовых книжек, утвержденную Постановлением № 1 (далее – Инструкция). Данной Инструкцией определен порядок ведения трудовых книжек, в том числе их заполнение, выдачу трудовых книжек (вкладышей к ним), дубликатов трудовых книжек, расчетов за трудовые книжки (вкладыши к ним), их учет и порядок хранения нанимателем (п. 1 Инструкции). В прежней редакции Инструкции (в редакции Инструкции от 16.06.2014.) содержалось правило, что на домашних работников, работающих у физических лиц по трудовому договору (контракту), зарегистрированному в местном исполнительном и распорядительном органе первичного территориального уровня, трудовые книжки оформляются и ведутся указанными органами в порядке, определяемом Инструкцией (п. 6). Согласно внесенным изменениям в Инструкцию данное правило исключено, что является еще одним подтверждением точки зрения, что в отношении домашних работников не нужно оформлять и вести трудовые книжки с 28 января 2020 года. Принимая во внимание, что ранее в отношении данной категории работников обязанность по оформлению и ведению трудовых книжек была возложена на местный исполнительный и распорядительный орган, а наниматель был освобожден от данных вопросов, а также, учитывая специфику видов деятельности данных работников (указана ниже), представляется оправданным нынешний подход, что для домашних работников не нужна трудовая книжка. Домашними работниками признаются лица, выполняющие по трудовому договору работу в домашнем хозяйстве граждан, оказывающие им техническую помощь в литературной, иной творческой деятельности и другие виды услуг, предусмотренные законодательством (часть первая ст. 308 ТК Беларуси).

Более сложным представляется вопрос о необходимости трудовой книжки для работников, работающих у нанимателей – физических лиц, поскольку могут встречаться различные примеры таких нанимателей (например, адвокат, осуществляющий адвокатскую деятельность индивидуально; физическое лицо, осуществляющее деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма; индивидуальный предприниматель). Не совсем очевидно, почему нет надобности в трудовой книжке, например для лиц, работающих у индивидуального

предпринимателя, потому что правовое положение у индивидуального предпринимателя в хозяйственной деятельности близко к таковому у юридического лица.

В завершении доклада подведем итоги. Прежняя норма об оплате труда работника в случае временного перевода при простое больше учитывала интересы работника – ему гарантировалась оплата не ниже, чем по первоначальному рабочему месту (часть третья ст. 34 ТК Беларуси (в редакции Закона от 20.07.2007)).

С учетом комплексного толкования положений Постановления № 1 сделан вывод, что с 28 января 2020 г. трудовые книжки не оформляются и не ведутся в отношении двух категорий работников: работников, работающих у нанимателей-физических лиц и домашних работников. Такой подход является новшеством для трудового законодательства Республики Беларусь. Вопрос о необходимости трудовой книжки для работников, работающих у нанимателей – физических лиц, как представляется, остается открытым.

Ключевые слова: нормы трудового законодательства, трудовой договор, временный перевод работника, наниматель, трудовая книжка.

Keywords: specifications of labor legislation; employment contract; temporary transfer employee; employer; employee's work book.

Посвящен рассмотрению некоторых норм трудового законодательства, регламентирующих временный перевод в случае простоя, а также отдельные случаи, связанные с трудовой книжкой работника.

The report is devoted to the consideration of some norms of labor legislation governing temporary transfer in case of downtime, as well as individual cases related to the employee's work book.

УДК 321.011

О ДИСКУССИЯХ ПО ПРОБЛЕМЕ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА

ДАНИЛОВ Ю. Д.

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

В последние десятилетия в мире развернулись активные дискуссии по проблемам цифрового суверенитета. Широкий интерес к ним характерен как для демократических стран, так и государств с авторитарными политическими режимами. И это вполне закономерно, потому что в настоящее время мы переживаем эпоху настоящих цифровых трансформаций, которую затрагивают все без исключения стороны общественной жизни. Сегодня «цифровой суверенитет» становится весьма распространённой категорией, а ведущиеся вокруг нее научные споры воспринимаются не просто как дискурсивная практика в политике, а как вполне актуальная правовая и организационная концепция.

Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что летом 2020 года правительство Германии в своей официальной программе председательства в Европейском Совете объявило о намерении «установить цифровой суверенитет в качестве лейтмотива европейской цифровой политики» [1]. И это лишь один из многих эпизодов, в котором данный термин использовался правительством одной из стран для того, чтобы сделать публичной идею о необходимости подтверждения государствами своей власти в Интернете, о долге защитить своих граждан и бизнес от множества проблем, возникающих с его распространением на все стороны общественной жизни.

Уже ни для кого не является секретом, что современная цифровая трансформация и глобальная техническая инфраструктура Интернета бросают серьезный вызов суверенитету государств, независимо от характера их политических систем. Наиболее очевидным фактом такого влияния стало то, что принципы территориальности и государственной иерархии кажутся и становятся противоположными, совершенно чуждыми, рассредоточенными, гибкими и постоянно меняющимися глобальным цифровым сетям. Более того, цифровые приложения и современные методы коммуникации создали толчок, который бросает вызов традиционному правовому управлению и контролю. В результате этого еще в 90-е годы прошлого столетия появились сценарии будущего, при которых исчезновение государств при бурном росте цифровых сетей, становилось вполне вероятным. Наиболее ярко это было отражено в чрезвычайно смелой, достаточно противоречивой и весьма скандальной. Декларации независимости киберпространства, представленной Джоном Перри Барлоу [2]. Сегодня такая точка зрения все также еще очень жива в публичном дискурсе, более того – она чаще оформляется уже как угроза, нежели как предположение.

Существует и еще одна категория требований цифрового суверенитета, которая тесно связана с указанной выше, но довольно отчетливо разнится от акцента на автономии государства. Она фокусируется на проблемах автономии национальной экономики по отношению к иностранным поставщикам технологий и услуг. Отчасти, как и в случае с политикой, она касается вопросов экономического самоопределения. Для европейских стран во многом это обусловлено предполагаемым доминированием на рынке высоких технологий компаний из США, а теперь и Китая. Конкретные меры и инструменты, которые нынешние правительства применяют для компенсации этих дисбалансов в цифровой экономике, частично совпадают с мероприятиями, направленными на укрепление технологической безопасности и национальной автономии. Но между ними есть и существенные отличия. Экономические меры, как правило, выступают частью более широкой национальной стратегии экономической и промышленной политики, направленной на цифровую трансформацию целых секторов национальных экономик. Они затрагивают как традиционные отрасли (телекоммуникации, СМИ, логистика), так и новые, связанные с информационными технологиями и продвижением национальной ИТ-мощи, вполне обоснованно воспринимаемого сегодня в качестве важнейшего фактора геополитики.

Кроме того, все большее количество инструментов обеспечения кибернезависимости сосредотачивается на цифровой торговле, они направляются на регулирование рынков и управление потоками данных, транслируемых через цифровые сети. Одним из таких ярких примеров является инициатива по разработке европейского облачного сервиса Gaia-X, реализуемая Францией и Германией

с 2019 года. В рамках данного проекта планируется объединить малых и средних поставщиков облачных услуг в европейских странах с помощью общей платформы, обеспечивающей открытое, безопасное и надежное взаимодействие. Gaia-X, по мнению разработчиков, должна стать альтернативой крупнейшим в мире поставщикам облачных услуг, чаще всего базирующимся в США (Amazon, Google, Microsoft и др.). Особо важно в этом проекте, что он основывается на европейских стандартах защиты данных, которые позволят странам континента сделать важный шаг к цифровому суверенитету, в том числе – и в сфере политических взаимодействий.

Как и в случае с политическим контекстом, цели достижения большей независимости от иностранных технологий и возможностей по продвижению инновационной продукции отечественной индустрии, практически не отличаются в государствах с различными политическими укладами. В демократических странах некоторые мероприятия дополнительно оправдываются и поддерживаются декларациями о необходимости защиты потребителей путем предложения таких технологических услуг. Некоторые из них достаточно эффективно сочетаются с правами пользователей, внутренними законами и нормами стран. В других странах, например развивающихся, меры по обеспечению национального цифрового суверенитета четко направлены на преодоление явления, которое в этих государствах именуется не иначе, как цифровой империализм или цифровой неокOLONИализм. Оба эти термина используются для описания чрезмерного доминирования западных технологических корпораций на национальных рынках развивающихся стран. Поэтому совершенно не удивляет, что они там понимаются как новые формы гегемонии и эксплуатации. Безусловно, такие трактовки были встречены неприятием и скепсисом в западных кругах, которые попытались обвинить оппонентов в цифровом протекционизме и «возведении барьеров или препятствий для цифровой торговли» [3]. В этой связи интересно отметить, что в то время как в США, где понятие цифрового суверенитета имеет в основном негативный оттенок, потенциально протекционистскими считаются самые разные практики, включая цензуру, фильтрацию, локализацию и прочие меры, используемые для предотвращения дезинформации и защиты конфиденциальности. В Европе и Канаде такие средства применяются в гораздо более узких границах, учитывающих исключительно конкретные торговые ограничения и исключения.

Наиболее большим и активно дискутируемым вопросом в контексте обеспечения цифрового суверенитета является проблема автономности рядовых пользователей и их индивидуального самоопределения. В отличие от первых двух групп требований, эта дискуссия характерна, прежде всего, для демократических стран. Подчеркивая важность индивидуального самоопределения, все рассуждения и утверждения в этой области сосредоточены на проблемах обеспечения автономии граждан в их ролях как сотрудников и работников, пользователей цифровыми технологиями и потребителей цифровых услуг. Важным аспектом этой группы проблем является некоторый, но вместе с тем достаточно видимый, отход от государственного понимания суверенитета.

Здесь, вместо того чтобы рассматривать суверенитет как необходимое условие для осуществления власти на определенной территории, он трактуется как способность отдельных лиц (простых граждан) принимать решения и действовать

осознанно и независимо. Смысл такого понимания исходит из того, что, укрепляя персональные возможности людей, будут одновременно усиливаться и их права как потребителей (экономика), и права как демократических граждан (политика).

Предлагаемые средства для достижения такого суверенитета в цифровой сфере включают разнообразные экономические стимулы для разработки удобных для пользователей отечественных технологий, внедрение технических опций и функций, позволяющих обеспечить эффективное шифрование, защиту данных и ведение бизнеса на основе более прозрачных моделей. Кроме того, подавляющее большинство мероприятий, предлагаемых для достижения индивидуального самоопределения, направлено на повышение медийной и цифровой грамотности пользователей. Предполагается, что тем самым будут укрепляться компетенции и доверие пользователей и потребителей к цифровой сфере в целом как к цивилизационному явлению.

Важным аспектом этой дискурсивной области являются ссылки на технологический или цифровой суверенитет пользователей со стороны технических экспертов и активистов социальных движений. Их точка зрения во многом противостоит и противоречит государственному пониманию суверенитета, подчеркивая в первую очередь важность интересов простых пользователей и их полномочий в цифровой сфере. Предлагаются даже конкретные решения, например путем установления приоритетов в использовании открытого и бесплатного программного обеспечения, предоставления услуг по защите личных данных пользователей от посягательств со стороны IT-компаний.

Следует подчеркнуть, что, хотя некоторые аспекты этой перспективы и некоторые из предлагаемых мер могут совпадать с экономическими и политическими проектами, они по своей природе различны. Более того, отсылки и мероприятия, предлагаемые политиками, стремящимися, как они утверждают, повысить суверенитет пользователей, должны быть очень тщательно оценены самими этими пользователями. Сейчас же, к сожалению, часто случается так, что в большинстве случаев граждан сводят к потребителям цифровых услуг, а не рассматривают в качестве суверенных граждан. Такой подход к «обеспечению» автономии и безопасности потребителей позволяет замаскировать и даже скрыть ресурсы, которые по своему назначению в первую очередь должны служить интересам людей, а не экономическим или политическим целям. В конечном итоге, такая нечестная «игра» приводит к ситуации, в которой основные права пользователей, такие как конфиденциальность или свобода выражения мнений, все больше ограничиваются, а их автономия в цифровом пространстве все более сужается.

Таким образом, ситуация с дискурсом о цифровом суверенитете в настоящее время такова, что его сторонникам следует пересмотреть не только свои концептуальные идеи об управляемости сетевым миром, но и понимать, что в современном мире меняется само понимание суверенитета. Собственно говоря, проблема состоит не в самом обеспечении независимости в киберпространстве, а в его нетерриториальном характере, который прямо противоположен традиционному восприятию суверенитета как явления. Парадигма виртуального мира Интернета становится все более всеобъемлющей концепцией, затрагивающей

не только вопросы интернет-коммуникаций, но и гораздо более широкую область – всю цифровую трансформацию общества.

Традиционный же подход к пониманию суверенитета в основном рассматривался как обязательный к исполнению закон, поддерживаемый четкими структурными договоренностями: такими как государственная монополия на управление обществом, установление законов и даже насилие. В этом контексте государство воспринималось как самодостаточный автономный и суверенный субъект. Однако, как утверждал С. Краснер, такой суверенитет является несовершенным и больше похож на «организованное лицемерие», напоминающее, довольно примитивную Вестфальскую систему [4].

В связи со все более набирающими обороты дигитализацией, глобализацией и платформизацией, ситуация усложнилась. Цифровой суверенитет государства теперь уже не сможет рассматриваться только как способность власти устанавливать, сообщать и обеспечивать соблюдение законов. Представляется, что в дискуссиях о его проблемах явно недостает понимания, что информационный суверенитет глубоко инвазивен. Поэтому идея о необходимости его укрепления означает не только активное управление зависимостями, но и предполагает обсуждение таких аспектов, как создание инфраструктур контроля и предотвращения всевозможных манипуляций. Необходимо гораздо больше внимания уделить тому, как современное общество может бесконфликтно организовать подотчетность себе суверенных государств по всем вопросам внедрения, распространения и функционирования цифровых технологий. Важно определить и найти решения для ограничения монополизма и агрессивной деятельности компаний – интернет-гигантов, сформировать эффективные и универсальные способы защиты человеческих ценностей с помощью ИТ-достижений в рамках активно протекающей цифровой трансформации.

На данный момент очень важно в центр научных дискуссий перенести и вопрос о том, как, сохраняя цифровой суверенитет, использовать его для упорядоченной, ориентированной на ценности, регулируемой и, следовательно, разумной и безопасной жизни людей в цифровой сфере. Он должен обсуждаться как инновационный и универсальный ресурс для решения многогранных проблем обеспечения индивидуальных прав и свобод, сочетаемых с необходимостью предоставления гарантий коллективной и инфраструктурной безопасности, политической и правовой защиты, справедливой экономической конкуренции.

Литература

1. Хозяйственно-политическая повестка председательства Германии в Совете ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/-analitika/2020/an212.pdf> /. – Дата доступа: 14.03.2021.
2. Барлоу, Дж. П. Декларация Независимости Киберпространства / Дж. П. Барлоу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.telecomlaw.ru/articles/declaration.html> /. – Дата доступа: 14.03.2021.
3. Ааронсон, С. А. Еще один цифровой разрыв: рост объемов данных и его последствия для ВТО / С. А. Ааронсон, П. Леблонд // Журнал международного экономического права [Электронный ресурс]. – Том 21. – Выпуск 2. – Июнь 2018 г. – С. 245–272. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/jiel/jgy019> /. – Дата доступа: 14.03.2021.
4. Stephen D. Krasner. Think Again: Sovereign [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2009/11/20/think-again-sovereignty/>. – Дата доступа: 14.03.2021.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, государство, корпорации, личные данные, автономия, дигитализация, глобализация, трансформация.

Key words: digital sovereignty, state, corporations, personal data, autonomy, digitalization, globalization, transformation

Статья посвящена проблемам обеспечения информационного суверенитета государства и личности в условиях глобальной цифровой трансформации общества. Автор раскрывает три основных направления дискуссий, развертываемых в научной среде по данным вопросам. В статье выдвигаются некоторые предложения по актуализации конкретных аспектов дискуссий и практических мероприятий, позволяющих найти и обеспечить взвешенный консенсус между всеми заинтересованными сторонами данного дискурса – гражданами, государством, субъектами экономической деятельности.

The article is devoted to the problems of ensuring the information sovereignty of the state and the individual in the context of the global digital transformation of society. The author reveals three main areas of discussion in the scientific community on these issues. The article puts forward some proposals for actualizing specific aspects of discussions and practical measures that allow finding and ensuring a balanced consensus between all stakeholders of this discourse – citizens, the state, and economic entities.

УДК 341.217(4)

ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ СПЛОЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

ИПАТОВА О. В.

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Для Европейского союза Восточная Европа (ВЕ) всегда была частью «более широкой Европы», хотя институционализация отношений с ВЕ произошла относительно поздно в рамках Европейской политики соседства (The European Neighbourhood Policy, ENP), Восточного партнерства (The Eastern Partnership, EaP/ВП) и недавно подписанных соглашений об ассоциации (The Association Agreements, AAs).

Процесс европейской интеграции как «европеизация» переместился на Восток и недавно достиг этого самого восточного региона в своей особой форме «внешней европеизации». Это расширение ЕС было очень сложным по историческим и геополитическим причинам. Исторически контакты между Востоком и Западом в экономической, политической и культурной сферах были довольно слабыми в период холодной войны. Восток оставался изолированным от динамически развивающегося ЕС из-за отсутствия интенсивного сотрудничества даже после холодной войны, и хотя эта изоляция уменьшалась, происходил этот процесс очень медленно. Поэтому в восточных регионах европейская идентичность была довольно амбивалентной, что было связано с тем, что идентичность всегда является явлением, исторически детерминированным – между Востоком и Западом существовал своего рода ментальный барьер, в основном

порожденный взаимным невежеством и враждебностью. Самосознание восточных государств стало «европейским» в той мере, в которой они могли видеть свое европейское будущее внутри ЕС или по крайней мере с ЕС. В 2004 году ЕС в своей Европейской политике соседства определил границы Европы – и шесть стран Восточного партнерства (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдавия, Украина) в 2009 г. оказались вне европейской перспективы [1].

Политика сплочения является основным инструментом на уровне ЕС для достижения экономического, социального и территориального сплочения. С расширением на Восток вся политика сплочения ЕС была радикально реструктурирована, чтобы выполнять свою интегративную роль в ЕС. Учитывая низкую поглощающую способность новых стран-членов (поглощающая способность страны – способность страны перенимать и внедрять новшества в различных сферах, что подразумевает наличие человеческого капитала, способного понять и применять инновации (экономические, социальные, политические, технические) [2], эффективность политики сплочения в этих государствах ставится под сомнение, и это повлияло на расширение политики сплочения за пределами ЕС – на регион Восточного партнерства. Серьезные изменения снова произошли в политике сплочения ЕС и в философии дифференцированной интеграции, изначально понимаемой как многоуровневое управление в области принятия решений [3]. «Новая» политика сплочения началась в переломный период между периодами 2007–2013 гг. и 2014–2020 гг. при разработке Долговременного бюджета ЕС (MFF) в 2014 г.

Можно выделить две основные тенденции. Во-первых, учитывая необходимость создания Энергетического союза [4; 5], основной упор в Долговременном бюджете ЕС (MFF) 2014–2020 гг. [6] сделан на инвестиции, связанные с присоединением (инфраструктура, транспорт и энергоснабжение). Во-вторых, поскольку в предыдущий период (2007–2013 гг.) разрыв между наиболее и наименее развитыми Номенклатурными территориальными единицами 2 (NUTS 2) увеличился в основном из-за мирового кризиса, «новая» политика сплочения пытается уменьшить этот разрыв. Обе тенденции очень тесно связаны с политикой ЕС по сплочению стран ВП, потому что для политики сплочения также было важно укрепление отношений с этим регионом, так как регионы ЕС, граничащие со странами ВП, входят в число наименее развитых регионов NUTS 2.

Таким образом, существует положительная корреляция между политикой сплочения ЕС в целом и ее отдельной версией – Восточным партнерством – во всех аспектах экономического, социального и территориального сплочения, а также в области наращивания институционального потенциала. При разработке концептуальной основы политики сплочения в регионе ВП важно отметить, что ЕС со своими правилами и ценностями выступил в роли «нормативной сверхвласти» и «гражданской сверхвласти» [7].

Концепция Европейского союза как гражданской власти (civilian power) была выдвинута в начале 1970-х гг. Ф. Дюшеном [8]. Говоря о перспективах развития Европейского экономического сообщества (ЕЭС), исследователь подчеркивал возможность его превращения в отдельный центр силы, опирающийся на невоенные средства во внешней политике: убеждение, постоянный диалог, международные договоры, экономические преференции и санкции, техническую помощь и т. д. Второе измерение гражданской власти сводилось к особенностям внешне-

политических целей, заключавшимся в развитии международного сотрудничества, солидарности, укреплении роли права в отношениях между государствами, распространении равенства, справедливости и терпимости. Второе измерение концепции гражданской власти – внешнеполитические цели, понимаемые как *milieu goals*, – до определенного момента оставалось относительно малоисследованным. По сути, возврат к нему произошел на рубеже 1990–2000-х гг. и был связан с появлением новой концепции Европейского союза как нормативной власти, предложенной датским ученым И. Маннерсом [9]. Ключевой характеристикой ЕС после 1991 г. стала его способность распространять собственные внутренние нормы на страны, не являвшиеся членами, а в ряде случаев и не стремившиеся стать частью данного интеграционного объединения.

В целом политика сплочения придает сущность процессу европеизации, поскольку эти термины становятся все более и более близкими и очевидными в ходе ряда расширений ЕС. Ускоренные темпы глобализации привели к тому, что ЕС запустил в регионе Восточного партнерства процесс «глобализации и регионализации». Это «внешнее управление» (*external governance*) было широко проанализировано в европейских исследованиях. Концепция внешнего управления была изложена С. Лавенекс и Ф. Шлиммельфеннигом [10].

Рассмотрение Европейского союза как влиятельного актора мировой политики (концепции гражданской или нормативной власти) игнорирует тот факт, что в интеграционном объединении отсутствует единый центр власти, принимающий внешнеполитические решения. Это в значительной степени предопределило формирование подхода к внешней политике ЕС как к процессу. В его рамках Европейский союз представляется как политическое образование (*polity*), в котором власть разграничена между различными уровнями управления (наднациональные органы, государства-члены, субнациональные образования) и акторами (государственными, неправительственными, частными), а между сферами интеграции имеются существенные различия в способах управления [11, pp. 346–347, pp. 371–373].

Изначально теория многоуровневого управления была призвана концептуализировать скорее внутренние особенности ЕС, нежели его отношения с внешним миром. Однако достаточно быстро постулаты этой теории стали применяться и к анализу взаимодействия Европейского союза с третьими странами, получившее название «внешнее управление». По своей сути внешнее управление достаточно близко к концепции нормативной власти, поскольку предполагает распространение норм Европейского союза на страны, не являющиеся его членами. Однако в отличие от И. Маннерса, понимавшего нормы в первую очередь как ценности, лежавшие в основе создания, развития и расширения ЕС, сторонники применения теории многоуровневого управления к внешней политике рассматривают его основания как комплекс нормативно-правовых актов (*acquis communautaire*), формирующих систему внутренних и внешних политик ЕС [12, p. 84].

В этом смысле пространство свободы, безопасности и правосудия представляет собой едва ли не идеальный пример внешнего управления, обусловленного транснациональным характером угроз Европейскому союзу и, соответственно, необходимостью сотрудничать с третьими странами как основными источниками иммиграции, потоков беженцев и организованной преступности.

Объектом анализа для внешнего управления служит институциональный процесс распространения норм и перенесения на внешнее пространство внутриевропейских политик (*policy transfer*), а для нормативной державы – модель ЕС как единого актора. В настоящее время внешнее управление широко используется для концептуализации взаимодействия Европейского союза со странами, включенными в политику соседства. Отсутствие для них перспективы вхождения в состав Евросоюза означает, что *acquis communautaire* в сфере юстиции и внутренних дел предстают не в форме нормативно-правовых актов, которые должны быть инкорпорированы в правовую систему отдельных государств СНГ и Средиземноморья, а в форме правил оперативного сотрудничества этих государств с институтами и органами ЕС посредством транснациональных сетей.

Таким образом, внешнеполитическое измерение пространства свободы, безопасности и правосудия представляет собой отдельное направление внешней политики ЕС, сложившееся как ответ на угрозы транснационального характера и имеющее своей целью их нейтрализацию посредством активного распространения *acquis communautaire* в сфере юстиции и внутренних дел на третьи страны. Другими словами, ЕС стремится сохранить сложившийся режим внутренней безопасности, стараясь «работать» с угрозами на расстоянии, не дожидаясь наступления негативных последствий от иммиграции, потоков беженцев и отдельных видов преступности непосредственно на территории интеграционного объединения.

Неудивительно, что проблема внешнего управления была важной темой в европейских исследованиях во второй половине 2000-х гг. и что она стала жизненно важной в середине 2010-х гг. В основном, по словам С. Лавенекс и Ф. Шиммельфенига, внешнее управление приводит к европеизации, поскольку «ЕС проектирует свои собственные регуляторные модели, институты и правила управления за пределами формального членства и делает это в институциональных формах скоординированных действий, направленных на заключение обязывающих соглашений» [13, р. 657]. Европейская внешняя политика основана на общих принципах, вытекающих из норм и правил ЕС. В то же время она, возможно, была еще более сформирована специфическими режимами ЕС в различных областях политики.

Эффекты европеизации носят случайный характер. Внешняя политика является косвенным механизмом европеизации, основанным как на активных действиях ЕС по продвижению своих ценностей, так и на процессе «европейской» социализации участников со стороны ВП. Европеизация региона ВП является целью, а политика сплочения ЕС – основным инструментом. Внешняя политика стала весьма актуальной в случае стран Восточного партнерства после расширения на восток и распространения политики сплочения на Восточную Европу. Сегодня всеобъемлющая политика сплочения, перенесенная во вне ЕС, стала заменой расширению. Поскольку политика сплочения была распространена на Восток, она приобрела особую нормативно-правовую базу благодаря финансовым трансферам из бывшего Европейского инструмента соседства и партнерства (ENPI) и нынешнего Европейского инструмента соседства (ENI) (см. Таблицу).

Таблица. ENPI – ориентировочные средние отчисления по странам, 2014–2020 гг., 2014–2017 гг., 2018–2020 гг., млн евро

Страны Восточного партнерства	2014–2020 гг.	2014–2017 гг.	2018–2020 гг.
Азербайджан	154	85,5	68,5
Армения	280	155	125
Беларусь	143,5	80	63,5
Грузия	678	372,5	305,5
Молдавия	678	372,5	305,5
Украина	920,5	680	240,5

Источник: Европейский парламент, Комитет по иностранным делам

Но политика сплочения ЕС в ВП была гораздо более сложным процессом, чем эти финансовые конструкции. В основном она работала через интенсивные экономические контакты, которые во многих отношениях были новаторскими, поскольку к ним была «прикреплена» комплексная программа институционального строительства. Отношения ЕС со странами ВП очень специфичны, так как в этом регионе внешняя и внутренняя периферия ЕС встречаются и создают особую конфигурацию. Восточные государства-члены и страны Восточного партнерства, как соседи, имеют интенсивные контакты, совместный опыт решения аналогичных проблем и при этом по-разному относятся к стратегиям европеизации.

Литература

1. Blockmans, S. The EU and its neighbours: predictions for 2015. Editorial in the CEPS Neighbourhood / S. Blockmans [Electronic resource]. – Access mode : http://www.ceps.eu/system/files/simplenews/2011/05/NWatch111_final.pdf. – Access date : 20.05.2021.
2. Bachtler, J. From conditionality to Europeanization in Central and Eastern Europe: administrative performance and capacity in cohesion policy / J. Bachtler, C. Mendez, H. Orazе, // European Planning Studies. – 2014. – № 22. – P. 735–757.
3. Investment for jobs and growth. Promoting development and good governance in EU regions and cities / Sixth report on economic, social and territorial cohesion // European Commission 2014 [Electronic resource]. – Access mode : https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/cohesion6/6cr_en.pdf. – Access date : 20.05.2021.
4. European Commission. Energy Union Package. COM (2015) 80. 25.02.2015 [Electronic resource]. – Access mode : https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:1bd46c90-bdd4-11e4-bbe1-01aa75ed71a1.0001.03/DOC_1&format=PDF. . – Access date : 20.05.2021.
5. European Council meeting (19 and 20 March 2015) – Conclusions. EUCO 11/15 [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.consilium.europa.eu/media/21888/european-council-conclusions-19-20-march-2015-en.pdf>. – Access date : 20.05.2021.
6. Multiannual financial framework 2014-2020 [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.guidaeuroprogettazione.eu/wp-content/uploads/2015/06/quadro-finanziario-2014-2020-EN.pdf>. – Access date : 20.05.2021.
7. Larsen, H. The EU as a normative power and the research on external perceptions: the missing link / H. Larsen // Journal of Common Market Studies. – 2014. – № 52. – P. 896–910.
8. Duchene, F. The European Community and the Uncertainties of Interdependence / F. Duchene // A Nation Writ Large? Foreign Policy Problems Before the European Community / ed. by M. Kohnstamm, W. Hager. – London : Macmillan, 1973. – 275 p.
9. Manners, I. Normative Power Europe: a Contradiction in Terms? / I. Manners // Journal of Common Market Studies. – 2002. – Vol. 40. – № 2. – P. 239–245.

10. Lavenex, S. EU rules beyond EU borders: theorizing external governance in European politics / S. Lavenex, F. Schimmelfennig // Journal of European Public Policy. – 2009. – Vol. 16. Issue 6: European Union External Governance. – P. 791–812.

11. Marks, G. European Integration from the 1980s: State-Centric v. MultiLevel Governance / G. Marks, L. Hooghe, K. Blank // Journal of Common Market Studies. – 1996. – Vol. 34. – № 3. – 342–378.

12. Lavenex, S. The External Governance of EU Internal Policy / S. Lavenex, N. Wichmann // European Integration. – 2009. – № 31. – P. 83–102.

13. Schimmelfennig, F. EU external governance beyond the EU / F. Schimmelfennig : in David Levi-Faur (ed.). – Oxford Handbook of Governance, Oxford and New York: Oxford University Press. – 2012. – P. 656–672.

Для Европейского союза Восточная Европа всегда была частью «более широкой Европы», хотя институционализация отношений произошла относительно поздно в рамках Европейской политики соседства, Восточного партнерства и недавно подписанных соглашений об ассоциации. Процесс европейской интеграции как «европеизация» переместился на Восток и недавно достиг этого самого восточного региона в своей особой форме «внешней европеизации». Существует положительная корреляция между политикой сплочения ЕС в целом и ее отдельной версией – Восточным партнерством – во всех аспектах экономического, социального и территориального сплочения, а также в области наращивания институционального потенциала. Отношения ЕС со странами ВП очень специфичны, так как в этом регионе внешняя и внутренняя периферия ЕС встречаются и создают особую конфигурацию. Восточные государства-члены и страны Восточного партнерства как соседи имеют интенсивные контакты, совместный опыт решения аналогичных проблем и при этом по-разному относятся к стратегиям европеизации.

For the European Union (EU), Eastern Europe (EE) has always been a part of «wider Europe», although the institutionalisation of the relationships with EE has taken place relatively late through the European Neighbourhood Policy, the Eastern Partnership (EaP) and the recent series of Association Agreements. The European integration process as «Europeanisation» has moved eastwards and has recently reached this easternmost region in its special form of «external Europeanisation». There is a positive correlation between the EU cohesion policy as a whole and its separate version – the Eastern Partnership – in all aspects of economic, social and territorial cohesion, as well as in the area of institutional capacity building. The EU's relations with the EaP countries are very specific, since in this region the external and internal periphery of the EU meet and create a special configuration. The Eastern member states and the Eastern Partnership countries, as neighbors, have intensive contacts, having had both a common experience with similar problems, at the same time, have different attitudes towards Europeanization strategies.

УДК 316

АНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

КАВЕЦКИЙ С. Т.

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

Трансформационные процессы, протекающие в белорусском обществе на рубеже веков, привели к системным изменениям социальной структуры, в политической и духовной сферах породили новые социальные конфликты и противоречия, активизировали поиск новой модели развития суверенной Беларуси.

Общество погрузилось в состояние аномии, то есть ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходного и кризисных периодов, когда старые экономические и социальные нормы уже перестали действовать, а новые еще только устанавливаются.

Аномия (франц. anomie – отсутствие закона, организации) – состояние общественного сознания, обусловленное кризисом или трансформацией общества, противоречие между провозглашенными целями и невозможностью их реализовать, что приводит к игнорированию социоправовых и социокультурных норм, к девиации и социальным отклонениям.

Рассматривая уровни аномии, можно выделить следующие ее состояния: микроуровень (собственно отчуждение), мезоуровень (классическая аномия и ее производные) и макроуровень (глобальные аномалии XX и начала XXI в.).

Рассматривая структуру аномии на системном и личностном уровнях в более широком или узком смысле, необходимо относить к ее состояниям такие производные, как: 1) социокультурная травма; 2) парадоксальность; 3) кентавризм; 4) концепция фантомов; 5) имитации; 6) феномен молчаливого большинства; 7) рискофобия и рискофилия; 8) кризис легитимности и др.

Аномия на постсоветском пространстве, в том числе и в Беларуси, охватывает все сферы общественной жизни. Весьма характерны изменения в социальной структуре современного социума. Для выявления реальной ситуации по данному вопросу в регионе под руководством автора в 2005, 2016 и 2018 гг. был проведен ряд конкретно-социологических исследований, которые позволили в разрезе социальных групп выявить следующее (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос «Кем Вы себя считаете?», %

	2005 г.	2016 г.	2018 г.
1. Богатым	1,4	1,4	1,5
2. Состоятельным	5	4	3,4
3. Среднеобеспеченным	25,9	28,4	33,9
4. Малообеспеченным	37,1	35,1	46
5. Бедным	24,2	28,4	10,2
6. Живу ниже черты бедности	6,4	2,7	5,1

Критерии состоятельности респондентов в 2005 г. были следующими: а) «богатые» – более 3 тыс. долл. в месяц на человека; б) «состоятельные» – от 250 до 3 тыс. долл. в месяц; в) «среднеобеспеченные» – от 150 до 250 долл. в месяц; г) «малообеспеченные и бедные» – 70–150 долл. в месяц; д) «ниже черты бедности» – 60 долл. в месяц и менее. В 2016 и 2018 гг. критерий «состоятельности» для респондентов: а) «богатые» – более 3 тыс. долл. в месяц на человека; б) «состоятельные» – от 400 до 3 тыс. долл. в месяц; в) «среднеобеспеченные» – 300–400 долл.; г) «малообеспеченные» и «бедные» – 100–300 долл. на человека; д) «ниже черты бедности» – 60 долл. в месяц и менее.

Социально-экономические проблемы жителей Республики Беларусь находились в поле постоянного социологического мониторинга. Так, респондентам на протяжении ряда лет предлагалось ответить на вопрос: «Какие экономические проблемы больше всего волнуют население региона?» (таблица 3.2).

Таблица 2 – Экономические проблемы населения региона, %

	1997 г.	2005 г.	2016 г.	2018 г.
<i>Повышение цен</i>	79,7	82,1	85,6	72,3
Несвоевременная выплата заработной платы	23,4	11,4	15,41	5,7
Полная или частичная безработица	22,3	27,9	32,7	24,1
Зарплаты хватает только на еду – на одежду нет	38,6	42,8	29,8	20,5
Высокие налоги	–	30,7	23,1	9,7
Стоимость коммунальных услуг	–	63,5	55,8	47

Одним из путей перераспределения общественного богатства явилась чековая приватизация собственности в Республике Беларусь. Хотя ее окончание планировалось более 20-ти лет назад, однако Совет Министров постановлением № 79 от 1.02.2016 г. продлил действие именных приватизационных чеков «Имущество» до 31.12.2022 года. Неоднократное продление данного процесса было связано с тем, что ни стратегически, ни тактически он не был достаточно продуман. Как получение чеков населением, так и их обмен на акции акционированных предприятий «дышат на ладан» в силу объективных и субъективных причин. Около половины обладателей чеков оказались отчуждены от собственности, а большинство жителей, обменявших чеки на акции, в силу мизерной доли участия в акционерном капитале лишь числятся акционерами, но не могут реально участвовать в управлении акционерным обществом. Дивиденды на принадлежащие им акции либо не получают вообще, либо получают, но весьма скромные суммы и чаще всего нерегулярно.

Неоднозначная ситуация сложилась в политической области. Хотя в парламенте Беларуси представлены депутаты от партий, лояльных режиму, однако практически не работают партийные группы в законодательных органах.

Как отмечает И. В. Котляров, «в настоящее время белорусская многопартийность находится в глубочайшем кризисе» [1, с. 253]. Среди проблем большинства политических партий выделяется отсутствие теоретической работы. «Наблюдается эффект «замороженности» белорусских политических партий, не учитывающих современные политические реалии» [1, с. 253]. Присутствует параллелизм в деятельности партий, а именно: наличие двух и более партий, имеющих практически близкие программные цели и уставные дефиниции (БНФ и БНФ-ХП, КПБ и ПКБ, наличие более пяти партий социал-демократического толка и т. д.). Партии мало узнаваемы и часто ничем не отличаются друг от друга. Лишь две коммунистические партии имеют регулярно издаваемую периодику. Не у всех партий есть реально обновляемые сайты в Интернете. При этом отметим практически нулевой уровень появления партий на отечественном телевидении и фрагментарный в государственных периодических изданиях. Большинство белорусских политических партий не имеет полноценной социальной базы, социальные слои и группы слабо структурированы и дифференцированы в многопартийной системе.

«Белорусский социум на протяжении последних более 25 лет в силу исторических условий и геополитического положения, трансформационных изменений во всех сферах общественной жизни находится в переходном состоянии.

Аномическое состояние белорусского общества оказывает негативное влияние на современное развитие и порождает социальные девиации.

1. *Воровство*. По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь в 2017 г. было совершено 32718 краж, что на 11,9 % меньше, чем в 2016 г.

2. *Коррупция*. По данным МВД Республики Беларусь в 2017 г. было зарегистрировано 1 922 преступления, связанных со взяточничеством, что на 53,3 % больше, чем в 2016 г.

3. *Мошенничество* при заключении сделок, исполнении договоров, банковских соглашениях и т. д. В 1990-х – начале 2000-х гг. на территории СНГ создавались и рушились малые и большие финансовые пирамиды.

4. *Наркомания*. По данным социологических исследований наркотики пробовали 9,2 % респондентов, а употребляют регулярно – 2,2 %.

5. *Проституция. Сутенерство*. Деловые операции лиц, обслуживающих пороки, – организация сексуальных услуг.

6. *Нравственные пороки (клевета, предательство, доносы)*.

7. *Терроризм* – это применение идеологически мотивированных насильственных действий. Хотя Республика Беларусь является государством, где «все тихо и толерантно», однако вызовом для общества является телефонный и электронный терроризм (хакерство, внесение вирусов в компьютерные сети и т. д.).

8. *Пьянство и алкоголизм*. Высоким остается уровень потребления алкоголя. Согласно данным проведенного социологического опроса, алкоголь редко употребляют – 41,5 % опрошенных, умеренно (1 раз в неделю) – 24,1 %, не отказываются, когда предлагают – 20,4 %, не пьют лишь 14,9 % респондентов.

9. *Суицид – намеренное лишение себя жизни*. Э. Дюркгейм рассматривал самоубийство как социальный факт, порожденный социальной средой. В Республике Беларусь проблема суицида чрезвычайно актуальна. На 01.01.2018, по данным ВОЗ, уровень самоубийств в Республике Беларусь составил 26,5 на 100 000 населения. Максимальное количество суицидов в Беларуси было зарегистрировано в 1996 г. – 3 562 (уровень – 35,1), а минимальное в 2014 г. (уровень – 18,3).

Современная глобализация, начавшаяся во второй половине XX в. И продолжившаяся в XXI в., имеет свои экономические, исторические, политические и социокультурные особенности. Одной из причин глобализации является наличие феномена аномии в развитии современного сообщества, что проявляется в мегааномалиях, провоцирующих нестабильность социума.

Мегааномалии – это аномические процессы глобального мира в экономике, политике, культуре, которые несут угрозы человеческой цивилизации. Один последних катаклизмов планетарного масштаба – коронавирус(Ковид -19).

Республика Беларусь уже более 25 лет развивается как суверенное и независимое государство. Однако достигнутые успехи не могут скрыть проблем, связанных с высокой степенью аномичности в процессе развития современного белорусского общества.

Достижение устойчивого неаномического развития подразумевает необходимость действенных изменений государственной политики в целях обеспечения социально справедливого и экологически приемлемого экономического развития. В Беларуси, согласно Закону «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь»

от 5 мая 1998 г., принята Национальная стратегия устойчивого развития (НСУР). Это программа, определяющая направления стабильного развития трех взаимосвязанных и взаимодополняющих компонентов: 1) человек как личность и генератор новых идей; 2) конкурентоспособная экономика; 3) качество окружающей среды.

В условиях внутренних и внешних угроз и вызовов НСУР выступает как системообразующий документ для разработки прогнозов и программ социально-экономического развития страны на кратко- и среднесрочную перспективу.

Литература

1. Котляров, И. В. Кризис белорусской многопартийности: концептуальный анализ / И. В. Котляров // Белорусская политология: многообразие в единстве – III : материалы Междунар. конф., Гродно, 22–23 мая 2008 г. : в 2 ч. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: В. Н. Ватиль (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2008. – Ч. 1. – С. 252–255.

Аномия, отчуждение, мегааномалии, социологический анализ, глобализация, девиантное поведение, солидарность.

Anomie, alienation, mega-anomalies, sociological analysis, globalization, deviant behavior, solidarity.

В статье рассматриваются теоретико-методологические основания социологического анализа аномии. Аномические процессы систематизируются по основным направлениям их изучения, выделяются хронологические этапы, региональные особенности и в первую очередь в трансформационном социуме. Проведена реконструкция исторического и социофилософского материала.

The article discusses the theory and methods underlying the social analysis of the anomy. The anomy processes are classified by key study areas, chronological stages are identified, as well as regional specifics, primarily in the transformation society. The historical and socio-philosophical material is reconstructed.

УДК 101.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В ВУЗЕ

КЛИМОВИЧ А. В.

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Повышение качества профессиональной подготовки студентов требует разработки, внедрения соответствующего учебно-методического обеспечения и адекватных образовательных технологий, направленных в том числе и в особенности на активизацию и увеличение доли самостоятельной учебной и научно-исследовательской работы студентов. Очевидно, что это порождает принципиальные изменения организации образовательного процесса: сокращения

аудиторной нагрузки, замену пассивного слушания лекций возрастанием доли самостоятельной работы студентов. Именно эти обстоятельства, а не только лишь необходимость в дистанционном обучении во время карантина, побуждают нас к использованию ИКТ в учебном процессе.

Систематическая, управляемая преподавателем самостоятельная деятельность студента с использованием ИКТ стала уже не столько целью, сколько реальностью. Возможности платформы Moodle, как свидетельствует опыт преподавательской деятельности последнего года, в этом плане сложно переоценить. Но, помимо этого, следует отметить, что традиционная система оценки знаний студентов, базирующаяся на итоговом контроле в форме экзамена или зачёта, не стимулирует в должной мере систематическую работу студентов. Оценка, получаемая студентом на экзамене, как известно, в определённой степени зависит от ряда случайных факторов (выбора билета, психологического и физического состояния студента и экзаменатора и т. д.). При такой системе отсутствует достаточная дифференциация в оценке знаний и умений обучаемых, не говоря уже о своеобразной соревновательности между студентами в овладении знаниями. Безусловно, для оценки знаний, и в особенности для промежуточного их контроля (например, внутрисеместровой аттестации), могут быть использованы Гугл-тесты. Здесь свои преимущества: возможность варьирования, охвата одновременно нескольких потоков студентов, анализа допущенных ошибок. Думается, что использование таких тестов в оценке знаний по философии возможно. Но достаточно спорно: опыт преподавания показывает, что успешно выполняющие творческие задания студенты как раз плохо справляются с тестами, равно как и наоборот. Поэтому тестирование не может быть решающим в процессе оценивания работы – это лишь одна из составляющих оценки.

Считается, что в зависимости от места и времени проведения самостоятельной работы, характера руководства ею со стороны преподавателя и способа контроля за её результатами такая работа подразделяется (заметим, достаточно условно) на следующие виды:

- 1) самостоятельную работу во время основных аудиторных занятий;
- 2) самостоятельную работу под контролем преподавателя в форме, например, плановых консультаций;
- 3) внеаудиторную самостоятельную работу при выполнении студентом заданий учебного и творческого характера.

Конечно же, самостоятельность перечисленных видов работ достаточно условна и в реальном образовательном процессе эти виды работ пересекаются друг с другом. Таким образом, структурно самостоятельную работу студентов можно разделить на две части: это, с одной стороны, работа, организуемая преподавателем и, с другой стороны, работа, которую студент организует по своему усмотрению, без непосредственного контроля преподавателя (подготовка к практическим занятиям, собеседованиям, тестированиям и т. д.).

Какие условия необходимы для организации самостоятельной удалённой работы? По всей видимости, необходимо:

- 1) осуществлять календарное планирование хода и контроля выполнения самостоятельных работ;
- 2) обеспечить студентов специальной учебно-методической литературой (в особенности в электронной её версии);

- 3) усилить консультационно-методическую роль преподавателя;
- 4) перестроить традиционные формы ведения занятий;
- 5) пересмотреть критерии оценки знаний студента с учётом проделанной им самостоятельной работы.

Проанализируем эти условия применительно к возможностям, которые они могли бы открыть в преподавании курса философии в вузе. Конечно же. Невозможно не согласиться с Н. Е. Осиповым, который в достаточно полемичной форме выделил основные «плюсы» и «минусы» использования разного рода мультимедийных средств и электронных учебников в преподавании философии [1, с. 134–135]. Думается, что для организации самостоятельной управляемой работы студентов необходимо прежде всего создание учебно-методических комплексов. В курсе философии это особенно важно, так как недостатка в учебниках нет, напротив, их слишком много, но ориентироваться студенту в них довольно сложно. Необходима разработка тематики самостоятельных работ, указание литературы по каждой теме, разработка практических заданий, определение форм контроля.

Совершенно очевидно, что нельзя в процессе изучения философии «научиться мудрости» и достичь «многознания». Философия – никогда не прекращающийся диалог человека с миром. Именно она ставит смысложизненные вопросы, именно она пытается уловить и зафиксировать в понятиях, насколько это вообще возможно, целостность человеческого бытия. И эволюция философского знания взаимосвязана с логикой развития духовной культуры человечества. Очевидно, что исходя из всего сказанного, главная задача преподавателя философии заключается в том, чтобы выявить в философской мысли эту логику и помочь увидеть её студенту.

Методически это достигается, прежде всего, приобщением студентов к оригинальным философским текстам. Вот почему главными элементами учебно-методического комплекса по философии должны быть не краткие курсы лекций, а всё же хрестоматия и практикум. Так, практикум по философии может включать в себя содержание конкретной историко-философской темы, вопросы для самоконтроля, практические задания, тематику рефератов с примерным планом и подборку литературы. Хрестоматия же по философии представляет не только подборку отрывков из текстов определённого мыслителя, но и комментарии к этим текстам. Причём, как со стороны современников автора, так и со стороны наших современников. Дополнением может служить, например тематический глоссарий. Практикум по философии, созданный и достаточно давно используемый в работе на кафедре философии и экономики БрГУ имени А. С. Пушкина, даёт возможность организовать самостоятельную управляемую работу студентов по философии. При составлении данного практикума авторы исходили из того, что изучение философии ориентировано на развитие у студентов творческого отношения к наследию мировой философской мысли. Кстати, почти все практические задания практикума нацелены именно на то, что в процессе работы студент просто вынужден будет вступить в диалог. В диалог с каким-то учением, идеей или системой. Опыт преподавания с использованием этих практикумов показывает, что те студенты, которые выполняли практические задания, не остались к ним равнодушными.

Литература

1. Осипов, Н. Е. Нужны ли философии электронные технологии преподавания? / Н. Е. Осипов // Философия и общество. – № 3. – 2016. – С. 134–140.

Ключевые слова: философия, самостоятельная работа студентов, информационно-коммуникационные технологии, учебно-методические комплексы.

Key words: philosophy, independent work of students, information and communication technologies, educational and methodological complexes.

В статье выделены и проанализированы некоторые возможности информационно-коммуникационных технологий в организации самостоятельной работы студентов в процессе изучения ими курса философии в вузе.

The article highlights and analyzes some of the possibilities of information and communication technologies in the organization of independent work of students in the process of studying a philosophy course at a university.

УДК 272 (476)

ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ПРОЦЕССЕ СОВЕТИЗАЦИИ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНО-БЕЛОРУССКОГО РЕГИОНА)

КОВАЛЁВА Н. Н.

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Западно-белорусский регион представляет собой уникальное социокультурное явление не только в силу своей естественной для приграничного региона полиэтничности, но и в силу проявления на протяжении короткого времени различных форм межкультурного диалога: и категорического отрицания другой культуры, и настороженного отношения к другой культуре, и совпадения убеждений и ценностей (о подобных возможных вариантах межкультурного диалога пишет Н. Н. Сокольских) [1, 136]. В значительной степени на характер межкультурного диалога влияла культурная политика, реализуемая государственными структурами.

Регион в силу особенностей своего геополитического положения пережил несколько коренных трансформаций культурной политики на протяжении XX столетия. В начале века культурная политика преследовала всё ту же цель русификации, что и в XIX веке, не меняя путей её проведения (через школу, церковь, книгоиздание, кадровую политику), но применяя иные методы (уменьшение роли ограничений и запретов в использовании польского языка, некоторая либерализация в отношении белорусского языка для борьбы с полонизацией, допущение местных кадров во властные структуры). При этом интересы украинского меньшинства, так называемых малороссов, составлявших большинство населения Брестского и Кобринского уездов игнорировались,

а еврейское население, жившее в условиях изолированности, культурной политикой вообще не принималось в расчет.

В период Первой мировой войны германские оккупационные власти, преследуя цель отрыва региона в культурном плане от России, обеспечения лояльности со стороны местного населения и стремясь не допустить роста польского культурного влияния, сочетали запретительные (запрет на создание русскоязычных школ, ограничение поступления польской литературы и финансовых средств) и стимулирующие методы (поощрение создания школ по конфессионально-национальному принципу). Благодаря этому были удовлетворены в некоторой степени культурные запросы и белорусско-язычного, и украинско-язычного населения региона. Но при решении территориальных вопросов (передача территории к югу от Брест-Литовска до Гомеля Украинской Народной Республике) власти использовали традиционный имперский приём искусственного столкновения национальных интересов. Для Германии, также как и для России в конце XIX века, поддержка белорусского языка и культуры при неразвитом этническом самосознании населения региона представлялась лишь методом для достижения целей культурной политики. В период вхождения региона в состав Второй Речи Посполитой с провозглашением цели колонизации при отсутствии формального запрета на использование белорусского и украинского языков осуществлялось целенаправленная ассимиляция национальных меньшинств, за исключением евреев, в отношении которых существовало представление, что они «владеют суррогатом национально-культурной автономии», и о «включении их в какой бы то ни было элемент государственного организма не может быть и речи» [2, с. 239].

После вхождения западно-белорусского региона в состав БССР и выдвижения на первый план задачи советизации региона впервые с начала XX столетия культурная политика стала наднациональной. Руководствуясь старым большевистским лозунгом равенства наций, власти заявляли о стремлении обеспечить равный доступ к ценностям культуры для представителей всех национальностей. Но, учитывая, что в Речи Посполитой белорусы, украинцы и евреи подвергались дискриминации, власти старались обеспечить представителям этих этнических общностей преимущества в карьерном росте и предоставить благоприятные возможности для развития культуры, зачастую игнорируя при этом особенности национального состава населения.

Кадровая политика новой власти строилась, как и ранее, с учетом лояльности выдвиженцев, поэтому была очень радикальной и привела к полной смене состава всего управленческого аппарата. Убирая старые управленческие кадры (в основном, польской национальности), власть выдвигала на освободившиеся места белорусов и евреев, чей образовательный уровень был зачастую выше. Это вызывало со стороны польского населения проявление антисемитизма, который трактовался как антисоветизм. Значительный процент в системе управления, в сфере образования, медицины и других составили так называемые «восточники», т. е. «мобилизованные» в Западную Беларусь для строительства новой жизни выходцы из БССР и других регионов Советского Союза. На протяжении 1939–1940 гг. в Западную Беларусь была направлена 31 тысяча партийных, советских, комсомольских работников, специалистов народного хозяйства,

охраны здоровья, народного образования [3, с. 206]. Факт присутствия «восточников», с учетом их положения в сфере управления, стал оказывать значительное влияние на характер межэтнических отношений и на культурную политику в целом. Некоторое влияние на культурную политику оказывал и процесс миграции в восточном направлении: выселение репрессированных граждан, преимущественно польской национальности, увеличение доли еврейского населения, особенно в Белостокской области, за счет переселения евреев из Западной Европы.

Вхождение западно-белорусского региона в состав БССР заставило власть вернуться на присоединённых землях к политике белорусизации и предпринимать усилия по расширению сферы использования белорусского языка. Партийное руководство Брестской области, приняв решение о том, что «основная масса школ должна быть белорусскими», обязало областной отдел народного образования обеспечить переход на белорусский язык преподавания, а в национальных школах (польских, еврейских и украинских) в 5–10-х классах ввести белорусский язык как предмет. Нехватку учителей белорусского языка пытались решить организацией двухнедельных краткосрочных курсов, проводившихся в период зимних каникул. Партийные и советские работники должны были в обязательном порядке изучать белорусский язык, для чего организовывались кружки и консультации при школах [4]. То, что эта работа проводилась формально, подтверждается использованием исключительно русского языка в делопроизводстве. Позиции белорусской культуры подкреплялись распространением газет на белорусском языке, созданием кружков самодеятельности. Но ни в одном из городов региона не было создано белорусского театра.

Учет культурной политикой интересов украино-язычного населения проявился, главным образом, в создании украинских школ. В частности, в Кобринском районе из 54 начальных школ 11 были украинскими [5]. Для украинских школ, также как и для белорусских, не хватало учителей и практически полностью отсутствовали учебники. Вопрос об обеспечении украинских школ учебниками и направлении в область учителей, знающих украинский язык, был поставлен перед Наркомпросом БССР, но, естественно, решить его в краткие сроки было нереально.

Впервые за всё время проживания евреев в регионе они вышли из культурной изоляции благодаря тому, что евреев активно стали выдвигать на партийную и хозяйственную работу. Объявив все школы в регионе государственными, советская власть стала контролировать процесс обучения в еврейских школах, введя обязательное изучение белорусского языка, а впоследствии поставив перед руководством школ вопрос о выборе языка обучения. В результате, многие еврейские школы отказывались от преподавания на идише, выбрав русский язык обучения [6, с.158–159]. Позиции еврейской культуры также поддерживались изданием газеты на еврейском языке («Белостокер Штерн»). Газета издавалась малым тиражом, поэтому не могла оказать существенного влияния на культурную жизнь еврейского населения. Брестский обком КП(б)Б принял решение об открытии в Бресте еврейского театра, предоставив под его базу помещение бывшего театра Сарвера и назначив директором культработника Лазаря Блюмкина, приехавшего из Гомеля [7].

Ранее доминировавшая польская культура утратила своё господствующее положение. В регионе оставалось достаточно большое количество польских школ, но в Гродно и Белостоке, где преобладало польскоязычное население, ни в одной из средних школ не осуществлялось обучение на польском языке. В регионе издавались периодические издания на польском языке, функционировал польский театр (в Белостоке). Гонения, которым подвергались представители польской интеллигенции в 1939 году, уже в 1940 году, в связи с изменением международной обстановки, сменились более терпимым к ним отношением со стороны властей. Партактив Брестской области в марте 1940 года даже обязали изучать польский язык [8].

За два предвоенных года значительно окрепли в регионе позиции русской культуры, проводниками которой выступали, главным образом, «восточники». В Бресте на 1 сентября 1940 года из 12 школ было всего 2 белорусских, по 3 польских и еврейских и 5 русских [9]. Многие белорусские школы переходили на русский язык обучения, как более перспективный, так как в вузах и средних специальных учреждениях преподавание осуществлялось в основном на русском языке. По решению Брестского обкома КП(б)Б был создан русский драматический театр, которому передавалось здание бывшего клуба «Свит», главного культурного центра межвоенного Бреста [7]. Деятельность театра, в репертуаре которого были пьесы в основном советских авторов («Любовь Яровая», «Платон Кречет», «Егор Булычев» и др.) способствовала отождествлению в сознании жителей города русской культуры с советской.

Таким образом, межкультурный диалог в процессе советизации региона разворачивался в условиях запрограммированного неравенства культур, когда доминировавшая ранее польская культура во всех её проявлениях (школа, печать, театр) усилиями властных структур оттеснялась, и создавались преимущества для развития культур, которые ранее находились в приниженном положении (белорусской, украинской, еврейской). Для реализации поставленной задачи советская власть объективно не имела достаточно возможностей (кадры, финансы для создания центров культуры и наращивания издания книг, в том числе учебников) и субъективно не проявляла достаточно настойчивости. Кроме того, национальная политика в Советской Беларуси с конца 1920-х годов была направлена на вытеснение белорусской культуры из официальной сферы (равно как и украинской в Советской Украине), поэтому забота о создании национальных центров культуры в Западной Беларуси являлась скорее скрытым методом контрполонизации (хотя политика советской власти не носила выраженного антипольского характера), способом разжигания классовой борьбы крестьян-бедняков (белорусов, украинцев) и рабочих (белорусов и евреев) против помещиков и буржуазии (преимущественно поляков). Советизация, проводимая переселенцами из восточных регионов, привела к доминированию русской культуры, которое сопровождалось настороженным отношением к польской и, можно сказать, безразличным отношением к культуре других национальных меньшинств.

Литература

1. Сокольских, Н. Н. Диалог пограничных культур / Н. Н. Сокольских // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2007. – № 31: Общественные и гуманитарные науки.

2. Пушкін, І. А. Грамадская і культурна-асветніцкая дзейнасць нацыянальных меншасцей у Беларускай ССР (1919–1991): манаграфія / І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУХ, 2018. – 423 с.
3. Васюлючак, М. В. Аб некаторых негатыўных момантах у Заходняй Беларусі напярэдадні вайны (верасень 1930 – чэрвень 1941г.) / М. В. Васюлючак // Заходні рэгіён Беларусі вачыма гісторыкаў і краязнаўцаў: зборнік навук. артыкулаў / рэдкалегія: І. П. Крэнь, У. І. Навіцкі, В. А. Белазаровіч (адк. рэдактары) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2006. – 422 с.
4. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 815. – Оп. 1. – Д. 1. – С. 4; Фонд 1-п. – Оп. 1 б. – Д. 5. – С. 14; – Д. 1. – С. 17; Д. 32. – С. 52.
5. ГАБО. – Фонд 1285. – Оп. 1. – Д. 2. – С. 1-3.
6. Карпенкина, Я. В. Советизируя евреев: из истории советской образовательной политики в Западной Белоруссии, 1939—1941 год / Я. В. Карпенкина // Российская история. – 2017. – № 5.
7. ГАБО. – Фонд 1-п. – Оп. 1 б. – Д. 1. – С. 7, 20, 22.
8. ГАБО. – Фонд 1-п. – Оп. 1 б. – Д. 32. – С. 52.
9. ГАБО. – Фонд 278. – Оп. 1. – Д. 5. – С. 22.

Ключевые слова: культурная политика, доминирование, преимущества, образование, язык обучения, национальные меньшинства, центры культуры.

Key words: cultural policy, domination, advantages, education, language of teaching, national minorities, cultural centers.

В статье анализируется влияние процесса советизации в западно-белорусском приграничном регионе в 1939–40 гг. на изменение характера межкультурного диалога. Делается вывод, что межкультурный диалог разворачивался в условиях запрограммированного неравенства культур, когда создавались преимущества для развития культур, которые ранее находились в принижённом положении (белорусской, украинской, еврейской). Реальным результатом советизации стало доминирование русской культуры, которое сопровождалось настороженным отношением к польской культуре и безразличным – к культуре других национальных меньшинств.

The article analyzes the impact of the Sovietization process in the Western Belarusian border region in 1939-40 on changing the nature of intercultural dialogue. It is concluded that intercultural dialogue unfolded in the conditions of programmed inequality of cultures, when advantages were created for the development of cultures that were previously in a understated position (Belarusian, Ukrainian, Jewish). The real result of the Sovietization was the dominance of Russian culture, which was accompanied by a wary attitude to Polish culture and indifferent – to the culture of other national minorities.

УДК 321.01

ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

КОЗЛОВ А. В.

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова

Проблема происхождения социального государства в рамках гуманитарных наук является весьма важной и актуальной. Её осмысление позволяет раскрыть природу, сущность и возможные социальные функции данного политического феномена. На первый взгляд может показаться, что это простая задача. Однако

при более детальном рассмотрении и анализе выявляется ряд сложностей: неоднозначность определения содержания социально-ориентированного государства, многообразие культурно-исторических условий, в которых возникали и развивались социальные государства, и неопределённость критериев государств всеобщего благосостояния и др.

В самом общем виде все имеющиеся воззрения о зарождении и становлении обществ благоденствия можно подразделить на несколько концептуальных подходов: индустриальный, экономический, институциональный, социально-деятельностный и модернистский.

В 60-ые годы XX в. появились первые подходы, объясняющие возникновение государств всеобщего благосостояния. Одним из первых был индустриальный подход. Он утверждал, что социальное обеспечение, а в последствии и социальное государство, возникает как итог индустриализации. Индустриализация способствовала урбанизации, а в процессе усложнения эксплуатации технических средств на производстве требовала вложения средств в человеческий капитал, в частности в образование и медицинское обслуживание. Первые случаи социального и медицинского страхования возникают именно для работников промышленной сферы. Но что самое важное, процесс модернизации способствовал накоплению экономических благ для дальнейшего перераспределения доходов и развитию экономического потенциала [1, с. 121–122]. Однако в 70-ые годы XX в. индустриальное объяснение генезиса социального государства подверглось критике [2, 3]. Анализ индустриализации на мировом пространстве показал, что государство переходило к социальной ориентации без связи с развитой промышленной сферой. Выявляли иные источники и обстоятельства формирования социального государства: взаимосвязь между активной политической деятельностью социалистических партий и профсоюзным движением, стремящиеся защитить социальные и экономические права рабочих [4]; некоторые исследования [3] видят причину зарождения социально-ориентированного государства в рабочем движении за права трудящихся, реализовав которые, государство смогло трансформироваться в общество благосостояния. Гуманизация условий труда, достойное обеспечение, профсоюзное движение являются последствиями борьбы рабочих в защиту своих интересов и прав. Таким образом теории, выдвигающие главным фактором становления социального государства как продукта социальных сил (рабочего или профсоюзного движения, гражданского общества, деятельность политических партий), целесообразно объединить в социально-деятельностную теорию. Ярким примером социально-деятельностного подхода является работа М. Брюса, в которой причинами зарождения общества благоденствия предстают потребности английского народа, борьба за социальную справедливость и принятие ответственности за нуждающихся. Социально-деятельностная теория имеет различные варианты движущих социальных сил: переход от частной благотворительности к государственной [5] как общественный договор [6], то есть социально-деятельностный подход необходимо понимать как развитие социальных сил, благодаря которым государство всеобщего благосостояния переходит от частных инициатив к институциональному развитию и правовому закреплению государственной помощи. К социально-деятельностному подходу относится

и марксистская позиция о социальном государстве: несмотря на критику государства всеобщего благосостояния, они рассматривают общество благосостояния как уступку со стороны крупного капитала для более эффективной эксплуатации пролетариата, однако видят в обществе благоденствия поиск социальной справедливости [5, 7].

Институциональная теория определяет государство всеобщего благосостояния как социальный институт. Й. Терборн представил генезис социального государства как механизм, способный предотвратить или сгладить последствия рыночных сбоев и рыночных конфликтов, рыночных проблем и провалов; как институт борьбы с присущими рынку проблемами, как форма государственного патернализма над обществом. Государство всеобщего благосостояния предстает как социальная система воспроизводства человека и общества, обеспечения роста населения, достойных условий жизни, предоставления материальных благ и социальных услуг, образования, здравоохранения, поддержания доходов [8].

В 80-ые гг. XX в. возникает теория модернизации. По мере увеличения численности обществ, происходящей политической, социальной, правовой модернизации, происходит процесс формирования основ социального государства с развитием правовой системы защиты и страхового обеспечения [9]. Также процесс эволюции социального государства был связан в рамках модернизации с процессом демократизации обществ, активизации правовой борьбы различных партий, стремящиеся выразить интересы своих социальных сил. Формирование демократических прав и институтов в данных концепциях имеет решающее значение для утверждения социального государства. Такое обновление политической, социальной и экономических сфер приводило к новой форме общественно-государственных отношений – социальному государству. Объединяя различные взгляды на генезис социального государства в рамках модернизации, как движущей силы становления общества благосостояния, можно выделить различные области, преобразование которых решающим образом повлияло на социальную ориентацию, например модернизация политических институтов. Демократическое государство является основной предпосылкой возникновения государства всеобщего благосостояния, и чем больше расширяются демократические права, тем больше вероятность развития государств всеобщего благосостояния. Тем не менее, этот тезис сталкивается с исторической необоснованностью. Первые крупные инициативы социального государства произошли до демократии и наоборот, развитие государства всеобщего благосостояния было наиболее отсталым, где демократия появилась рано, например в США и Австралии [10].

Однако во второй половине XX в. многие исследования государства всеобщего благосостояния видели другие переменные для формирования социальной ориентации. Одним из главных факторов, способствующих формированию социально-ориентированного государства, является развитая экономическая система. Таким образом, в гуманитарных науках складывается экономическая теория генезиса социального государства. Она оспаривала индустриальные концепции или влияние социальных сил, однако утверждала, что переход к развитому социально-ориентированному государству может происходить исключительно в развитых экономических системах. Одной из фундаментальных работ, посвящённых развитию социальной ориентации как продукта экономического

развития, является работа Г. Л. Виленского [11]. Он пришёл к выводу, что именно экономический рост создал возможность социального обеспечения и развитие общества благосостояния. Основываясь на множествах исследований, Виленский Г. Л. заключает, что нет взаимосвязи между социальным государством и политической системой. Чем государство более экономически развито, тем оно ближе к осуществлению идеи всеобщего благоденствия. Независимо от вида экономической (централизованная или рыночная) или политической систем (плюралистическая, авторитарная, тоталитарная) для богатых стран характерна общая стратегия социального обеспечения. Только экономический рост является конечной причиной возникновения и развития государства всеобщего благоденствия [11, с. 24]. С ростом экономики все страны разрабатывают аналогичные программы социального обеспечения. Какова бы ни была их экономическая или политическая системы, идеологии элит или масс, богатые страны сходятся в типах программ здравоохранения и социального обеспечения.

Вслед за экономическим развитием, косвенными, но немаловажными факторами формирования и интенсивного развития социального государства по мнению автора являются: 1) степень централизации государственной власти: чем выше централизация власти и авторитет центрального правительства по отношению к региональной и местным властям, тем расходы на социальные программы и акцент на равенство больше [11, с. 52]; 2) высокий уровень самозанятости населения уменьшает темпы развития социального государства; 3) организованный рабочий класс с высоким уровнем участия в рабочих организациях (профсоюзы, кооперативы) способствует развитию идеологии государства всеобщего благоденствия [11, с. 65]; 4) партисипативная демократия в управлении программами социального обеспечения усиливает влияние организованного рабочего класса [11, с. 66]; 5) чем меньше государство тратит на военные нужды, тем лучше финансируются социальные программы. Таким образом, среди богатых стран наиболее развитыми и поддерживающими идеологию государства всеобщего благоденствия являются страны, где централизованное правительство, организованный рабочий класс; где средняя масса не воспринимает свое налоговое бремя как крайне несправедливое по отношению к налогам богатых и высшего среднего класса; где налоговая система имеет низкую видимость, а опыт самозанятости скуден [11, с. 68].

Принимая всю последовательность, строгость и аргументированность авторских точек зрения в изложении вопроса генезиса и становления социально-ориентированного государства, важно отметить, что критерии индустриализации, экономического роста, институционализации, социальной активности не могут являться единственными факторами возникновения, способами репрезентировать причины развития государств всеобщего благоденствия. Скорее всего они будут являться косвенными причинами, так как в большей степени играли роль исторические и социокультурные обстоятельства в становлении социальной ориентации; в различных регионах зарождение социального государства происходило по разным причинам. Однако многие перечисленные авторы указывают косвенное начало социального государства – гуманизация общественной сферы. Как правило, данной причине придают второстепенное значение или вовсе игнорируют.

В итоге рассмотрения генезиса общества благоденствия можно сделать вывод, что факторами становления социальной ориентации явились следующие тенденции: зарождение капиталистических отношений: при капиталистическом способе производства и распределении материальных благ, искоренение традиционных феодальных форм социального уклада, обществу требовалась поддержка и опора. Государство было заинтересовано в уменьшении социального напряжения. Именно поэтому появляются государственные институты социально-экономической направленности. Они способствуют декоммодификации населения, то есть уменьшению зависимости семьи и личности от рынка. Социальная помощь стала возможной благодаря экономическому росту, а в некоторых случаях индустриализации. Без стабильно развивающейся экономики переход к социальной ориентации и поддержке населения невозможно осуществить. Экономический рост способствует перераспределению ресурсов к нуждающимся социальным группам. Однако экономический рост и индустриализация не всегда способствовали становлению социальных программ в виде помощи со стороны государства. Многие экономически развитые страны, например США, не стремились к социальной защите населения, а переход к более активной поддержке происходит благодаря росту рабочего движения. Рабочее движение в условиях рыночной экономики заставило смягчить эксплуатацию и гуманизировать условия труда.

Литература

1. Wilensky, H. L. Rich Democracies: Political Economy, Public Policy, and Performance / H. L. Wilensky. – University of California Press, 2002. – 891 p.
2. Collier, D. Prerequisites versus diffusion: Testing alternative explanations of social security adoption / D. Collier, R. Messick // American political science review. Cambridge University Press, 1975. – Vol. 69, iss. 04. – P. 1299-1315.
3. Hage, J. The growth of the welfare state in Britain, France, Germany and Italy: A comparison of three paradigms. / J. Hage, R. Hanneman // Comparative Social Research. – 1980. – №3. – P. 45-70.
4. Williamson, J. B. Egalitarian political movements, social welfare effort and convergence theory: A cross-national analysis / J. B. Williamson, J. B. Weiss // Comparative Social Research 2, 1979. – P. 289–302.
5. Barr, N. The Economics of the Welfare State / N. Barr. – London: Weidenfeld and nicolson, 1987. – 475 p.
6. Baldwin, P. The Politics of Social Solidarity: class bases of the European welfare state 1875-1975. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 353 P.
7. Castles, F. The welfare state and democracy: On the development of social security in Southern Europe, 1960-90 / F. Castles // Democracy and the state in the New Southern Europe, 2006. – P. 42-86.
8. Therborn, G. Welfare state and capitalist markets / G. Therborn // Acta Sociologica, 1987. – Vol. 30, iss. 3/4. – P. 237-54.
9. Flora, P. Modernization, Democratization and the Development of Welfare States in Western Europe [Text] / P. Flora, J. Alber // Flora P., Heidenheimer A. J. The Development of welfare states in Europe and America. – New brunswick; London, 1981. – 417 p.
10. Esping-Andersen, G. A welfare state for the 21st century / G. Esping-Andersen // The global third way debate. Polity Press. – 2001. – Vol. 134. –P. 156-196.
11. Wilensky, H.L. The Welfare State and Equality: Structural and Ideological Roots of Public Expenditures / H. L. Wilensky. – USA: University of California Press, 1975. – 151 p.

Ключевые слова: социальное государство, генезис, индустриализация, модернизация, гуманизация.

Key words: Welfare state, genesis, industrialization, modernization, humanisation.

Систематизированы подходы поиска причин возникновения социально-ориентированного государства. Рассмотрены индустриальная, экономическая, институциональная и социально-деятельностная особенности его генезиса.

The approaches to search for the causes of the emergence of a socially-oriented state are systematized. The industrial, economic, institutional and socio-activity features of its genesis are considered.

УДК378(476):1

К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

КРУСЬ П. П.

Республика Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Ценностные установки относятся к первому уровню производных функционирования мировоззрения. Именно в этом качестве их можно рассматривать в качестве структурного элемента любой мировоззренческой системы. Сами по себе ценностные ориентации выступают не только следствием функционирования картины мира, но и фактором ее формирования. Диалектическая взаимосвязь причинно-следственных отношений базовых структурных единиц в сочетании с динамичными трансформационными процессами в обществе характеризует исключительно сложный системный характер мировоззрения как объекта исследования.

По своей сути являясь основной информационной программой культуры, мировоззрение требует к себе исключительно серьезного комплексного подхода в контексте определенной философской методологии.

Мировоззрение, равно как и производные от нее ценностные ориентации людей, особенно молодых людей, обнаруживает тенденцию к постоянному изменению и развитию, то становится очевидным понимание исключительной значимости и сложности этого объекта социального познания.

Будучи открытой неравновесной системой, мировоззрение характеризуется многоуровневым характером взаимодействия с другими системами духовных и социальных процессов. Пристального внимания требует не только динамика, но и межуровневые связи, в которых участвуют различные структурные элементы социальных систем, от первичных (семья) до самых крупных цивилизационных образований.

Контуров комплексного подхода к рассмотрению мировоззренческих проблем пока только просматриваются, а сам характер их исследования, его методологические основания выступают объектом многочисленных научных и философских дискуссий.

Не вызывает при этом сомнений исключительная значимость мировоззренческих и ценностных оснований культуры современного общества, составляющих духовный фундамент его жизнедеятельности. Именно здесь, в формировании и развитии духовных ценностей, можно увидеть подлинные факторы общественной деятельности. Таким образом, изучая мировоззрение и ценностное ориентирование субъектов социальных отношений, мы фактически постигаем специфику развития современного нам общества. Системный подход, как нам представляется, позволяет увидеть все важнейшие взаимодействия: экономические, политические, этнические, религиозные и другие, но действительным средоточием этих взаимодействий, их фактором и одновременно результатом выступает мировоззрение.

Господствующее в обществе мировоззрение, в конечном счете, выражает и определяет систему ценностных ориентаций как общества в целом, так и отдельных его представителей в частности. Нет ничего удивительного, что исследования мировоззренческих и ценностных ориентаций получили такое широкое распространение как в нашей стране, так и за рубежом. По мере накопления данных, в том числе результатов социологических опросов, становится все труднее их интерпретировать, что еще раз свидетельствует о необходимости системных философских подходов к исследованию.

Приведем некоторые аспекты изучения мировоззренческих и ценностных оснований, имеющих на наш взгляд важное методологическое значение для расширения системного рассмотрения ценностных ориентаций молодежи.

Мировоззрение как открытая система, особенно мировоззрение современной молодежи, характеризуется неустойчивостью, вызываемой самыми разнообразными факторами. Взаимодействие трансформационных процессов общественного бытия и общественного сознания выступает существенным моментом развития всех сторон культуры.

Каждая социальная группа испытывает на себе влияние самых различных факторов, весьма изменчивых и динамичных. Среди них во все времена особую роль играет образование и воспитание.

Именно характер их взаимоотношений на каждом узловом этапе человеческой истории воплощает в себе важный узел проблем рассмотрения указанного явления.

Системный глубокий анализ взаимодействия мировоззренческих оснований представителей различных социальных групп может таким образом стать не только эффективным методологическим основанием исследований, но и действенным, практически ориентированным инструментом воплощения стратегии и тактики социальной политики. При этом следует обратить внимание на ряд важных теоретических и методологических проблем.

Во-первых, требует серьезной проработки методология изучения содержания современного общественного сознания, определения доминирующего мировоззрения и выявления его подлинного места в структуре духовных ценностей.

Во-вторых, крайне важно следить за динамичными изменениями в мировоззрении и ценностных ориентациях, так как без сравнительного их анализа в хронологическом контексте исключается возможность определения смысла и направленности их развития в конкретных исторических условиях.

В-третьих, трудную задачу представляет собой изучение сущности и значения воздействия друг на друга национальных и международных факторов культуры в контексте процессов глобализации. Интернационализация образовательных программ – только одно из значимых явлений указанных процессов.

В-четвертых, важное и все более возрастающее значение получают исследования ценностных ориентаций учащейся молодежи. Сложность подобных исследований заключается не только в качественной неустойчивости мировоззренческих характеристик, но и в исключительной динамике их трансформаций в контексте тесной взаимосвязи с системой образования и воспитания.

Исследования такого рода многочисленны и характеризуются разнообразием методик рассмотрения. В основном они содержатся в рамках общего и специального анализа социологических данных. Несмотря на богатый материал социологических исследований, отсутствие четких методологических подходов, их разрозненность весьма затрудняют ясное видение картины мировоззренческих и ценностных предпочтений представителей различных социальных слоев общества и понимание специфики ее изменений.

Процесс познания духовных и социальных явлений приобретает реальное содержание в рамках конкретной доминирующей исторической картины мира. Вместе с тем практическое решение исследовательских задач сопровождается интенсивными эвристическими поисками новых, нередко слабо взаимосвязанных положений, чье место и значение в конкретной мировоззренческой системе не выявлено. Более того, некоторые новые факты могут даже противоречить устоявшимся в культуре представлениям. Подобное обстоятельство постоянно присуще познавательной и образовательной деятельности, обусловлено их внутренней диалектической природой.

Наличие определенных ценностей у субъектов социальной деятельности необходимо влияет на все стороны общественной жизни, начиная с ее изучения и заканчивая интерпретацией результатов. Здесь нет мелочей и по этой причине так важны тщательно собранные данные о малейших изменениях в ценностных предпочтениях всех субъектов социума.

Опыт показывает не только значимость, но и удивительную эффективность в рамках комплексного подхода, применения социологических методов изучения содержания и динамики ценностных предпочтений самой активной части общества – молодежи.

В указанном контексте преподаватели Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина на протяжении многих лет изучают ценностные ориентации студенческой молодежи в контексте и динамике учебного процесса. Репрезентативность выборки определялась в соответствии с установленными в прикладной социологии нормами. Анкетирование предполагало учет довольно широкого спектра факторов ценностного ориентирования молодых людей. Особое внимание уделялось влиянию на ценностные ориентации учебных курсов гуманитарного цикла, в первую очередь философии [1].

Гуманитарные дисциплины занимают особое место в системе образования, они непосредственно участвуют в формировании мировоззрения, выступают центральным звеном этого процесса. Тем не менее, гуманитарное образование

не ограничено стенами учебных заведений в рамках утвержденных государственных программ. Подлинное образование есть процесс, обусловленный самыми разнообразными факторами, а учет этих факторов составляет одну из важнейших методологических проблем философского дискурса.

По этой причине под пристальное внимание попали и другие, не менее влиятельные факторы мировоззрения. К ним в первую очередь следует отнести средства массовой информации, ближайшее социальное окружение, семья и прочие господствующие в общественном сознании ценности, создающие общий духовный фон, в котором постоянно пребывает современный молодой человек. Остановимся только на некоторых сторонах проблемы.

Из достаточно широкого перечня мировоззренческих детерминант, если исключить при этом влияние упомянутых ранее гуманитарных дисциплин, студенты практически всех курсов обучения четко выделяют три важнейших: традиции и образ жизни семьи, мировоззренческие предпочтения своего ближайшего социального окружения и средства массовой информации. Ни один другой компонент мировоззренческого воздействия не идет в сравнение по своему влиянию с этими тремя названными группами.

Указанная проблема чрезвычайно сложна и требует специального системного исследования, однако ее приемлемое решение является неременным условием преодоления мировоззренческой неопределенности и совершенствования не только гуманитарного образования, но и любой социальной деятельности в целом. Пестрая, называемая иногда мозаичной, мировоззренческая картина современного общества исключительно сложна для изучения.

Мозаичность общественного сознания выступает не только яркой чертой любого современного общества, особенно европейского типа, но и существенным фактором его духовного развития. С другой стороны, здесь важно учитывать и то обстоятельство, что мировоззренческое разнообразие при определенных условиях может стать причиной острых политических, религиозных и иных конфликтов, приносящих неимоверные социальные бедствия и страдания людей. Мозаичность мировоззрения и ценностных ориентаций – серьезная проблема не только познания, но и условие его духовного и социального роста. Нельзя не согласиться здесь с тезисом С. А. Данилевича, подчеркнувшим, что «...одним из фундаментальных принципов формирования мировоззрения современной личности является диалогизм...» [2, с. 577].

Системный подход к данной проблеме позволит преодолеть ограниченные рамки отдельных наук и позволит получить объемную картину сложных интегративных процессов духовных процессов современной культуры. Процессов, определяющих подлинное мировоззрение и ценностные ориентиры современного человека.

Литература

1. Философские проблемы образования и воспитания студенческой молодежи / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; под ред. В. А. Степановича [и др.]. – Брест: Альтернатива, 2009. – 250 с.
2. Данилевич, С. А. Философско-мировоззренческий диалог и современное образование / С. А. Данилевич // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса / Нац. академия наук Беларуси, Институт философии; редкол. В. Г. Гусаков (пред.). – Минск, Беларуская навука, 2017. – С. 576–577.

В настоящей статье рассматривается мировоззрение как объект системного философского исследования. Автор обращает внимание на ряд теоретических и методологических проблем интегративного подхода к изучению ценностных ориентаций современной студенческой молодежи. Указана особая роль философской методологии в преодолении гносеологических границ отдельных научных дисциплин. Результаты системного междисциплинарного познания позволяют, по мнению автора, разработать эффективные стратегии социального действия.

Ключевыми понятиями в статье выступают: общество, комплексный подход, мировоззрение, ценностные ориентации, междисциплинарное познание.

This article examines the worldview as an object of systemic philosophical research. The author draws attention to a number of theoretical and methodological problems of an integrative approach to the study of value orientations of modern student youth. The special role of philosophical methodology in overcoming the epistemological boundaries of certain scientific disciplines is indicated. The results of systemic interdisciplinary cognition will allow, according to the author, to develop effective strategies for social action.

УДК159.9:37.015.3

МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ И ЛОЯЛЬНОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

КУДРИЦКАЯ Е. Г.

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Основные направления и приоритеты государственной политики в области оценки качества образования закреплены в Концептуальных подходах к развитию системы образования Беларуси до 2020 года и на перспективу до 2030 года. Стратегической целью концепции является: «сформировать качественную систему образования, в полной мере отвечающую потребностям инновационной экономики и принципам устойчивого развития» [1].

Совершенствование и обновление всей системы образования связано с необходимостью изучения мнений и оценок потребителей качеством образовательных услуг. В условиях конкуренции учебные заведения должны регулярно проводить мониторинг и анализировать эффективность своей деятельности и при этом акцентировать внимание на удовлетворении требований потребителей.

Теоретический анализ свидетельствует, что удовлетворенность следует рассматривать как процесс сравнения между ожиданием и восприятием услуги, поэтому удовлетворенность потребителей образовательных услуг – это результат сравнения между ожиданием потребителей и восприятием оказанных им услуг. Следует обратить внимание, что в зарубежных исследованиях изучение проблемы удовлетворенности рассматривается совместно с категорией лояльность. Так, кембриджский словарь определяет значение термина как «качество, обозначающее приверженность определенной компании или бренду» [2].

По мнению Федерика Ф. Райхельда и Томаса Тила «лояльность потребителей – это свойство, которое не имеет четко очерченных границ, при этом можно выделить три основных аспекта лояльности: лояльность потребителей, лояльность сотрудников и лояльность инвесторов. Они взаимосвязаны и имеют множество разнообразных проявлений» [3, с. 28]. Систематизируя различные подходы и точки зрения, Геннадий Ли определяет лояльность как «образно положительное отношение потребителей в отношении всего, что касается деятельности организации, продуктов и услуг, производимых, продаваемым или оказываемым организацией, персоналу компании, имиджу организации, торговым маркам, логотипу и т. д.» [4]. Отсюда следует, что удовлетворенность напрямую связана с возникновением лояльности. Эти понятия взаимосвязаны и дополняют друг друга, при этом удовлетворенность следует рассматривать как функциональную характеристику, а лояльность как эмоциональную составляющую потребителя.

Для повышения эффективной деятельности и совершенствования учебного процесса существует целый ряд методик для изучения удовлетворенности и лояльности потребителей. Выбор методики зависит от целого ряда факторов: потребностей и возможностей учреждений образования, требований и критериев, предъявляемых к оценке и форме предоставления результатов. Прежде всего обращает на себя внимание национальные индексы удовлетворенности, которые «представляют собой многоотраслевые количественные оценки удовлетворенности заинтересованных сторон и основных факторов успеха организаций, получаемые путем регулярного сбора данных по стране, проводимого независимой организацией» [5, с. 15].

Национальные индексы удовлетворенности потребителей начали разрабатываться в конце 80-х – начале 90-х годов. Их концепции, методики и опыт использования в разных странах различается. Первый появился в 1989 году в Швеции, затем в Германии (1992), Америке (1994), Израиле, Тайване (1995), в Новой Зеландии (1996). В 1996 году Европейская комиссия по приказу Европейской организации по качеству провела исследование с целью развития национального и европейского индекса удовлетворенности потребителя, опираясь на опыте других стран. Особенностью американского индекса удовлетворенности клиентов (ACSI) является то, что он является индикатором экономических показателей и измеряет удовлетворенность потребителей как отдельных фирм, так и по всей экономике США. В начале 1996 года в экономическом центре Базельского университета инициирован исследовательский проект, на базе которого была разработана собственная концепция индекса для Швейцарии. Основная задача данной модели заключалась в «стимулировании швейцарских предприятий, организаций и государственных учреждений в направлении повышения качества, а самое главное – это ориентация на нужды клиента» [6]. Структурные модели американского и европейских индексов удовлетворенности клиентов имеют достаточно схожие элементы, так как основным показателем является, прежде всего, удовлетворенность клиента. В европейских странах широко распространена методика, которую разработали ученые из Стокгольмской экономической школы (Швеция), так называемый индекс удовлетворенности потребителей (Customer Satisfaction Index – CSI). Он рассчитывается

на основе целого комплекса оценки покупателем качества товаров и услуг и позволяет выявить значение и соотношение цены, качества, доступности и других факторов, влияющих на лояльность потребителя. Еще одним из индексов, который может быть использован для измерения удовлетворенности потребителя, является индекс лояльности NPS (Net Promoter Score). Его основоположником считается Фредерик Райхельд, который впервые анонсировал данную методику в статье «The One Number You Need to Grow», опубликованной в «Harvard Business Review» в декабре 2003 года. По его мнению, с «фактической лояльностью клиента связана готовность рассказывать и рекомендовать организацию знакомым» [7]. Суть измерения индекса заключается в следующем: респонденты, ответившие на вопрос: «С какой вероятностью вы порекомендуете нас друзьям?», оценивая его по 10-ти балльной шкале, делятся на 3 категории. Это «промоутеры» (давшие оценки «9–10»); клиенты, которые лояльны компании и готовы рекомендовать ее своим знакомым; «нейтралы» (давшие оценки «7–8»); пассивные клиенты компании, которые в целом удовлетворены, но не обладают стремлением рекомендовать компанию другим; «критики» (давшие оценки «1–6») не удовлетворены компанией, не будут ее рекомендовать. Таким образом NPS рассчитывается как разница между соотношением данных промоутеров и критиков в процентном соотношении.

При анализе методик оценки удовлетворенности потребителей качеством образовательных услуг следует обратить внимание, что значительная часть проводимых исследований рассматривают студента учреждения образования в качестве клиента, поэтому основной задачей сферы образования является удовлетворение потребностей населения в повышении своего уровня образования и приобретение профессиональных компетенций. При таком подходе удовлетворенность является показателем эффективности работы учебных заведений. Парадигма данных исследований основана на современных маркетинговых концепциях и методах, в соответствии с которыми учебные заведения рассматривают друг друга «как конкурирующие учреждения, действующие в весьма насыщенной отрасли, каковой является образование» [8, с. 122].

Для оценки удовлетворенности потребителей в сфере высшего образования широкое распространение получили исследования по определению так называемого «индекса студенческой удовлетворенности» (Student Satisfaction Index). В данной модели используются следующие критерии: «общая репутация учебного заведения; лояльность студентов как основных потребителей услуг; технологическая, организационная и функциональная оценка; внешняя оценка вуза в определенных социальных группах; воспринимаемая ценность получаемого образования в соответствии с ожиданиями потребителей услуг» [9, с. 1265]. Другие авторы, по данной тематике, отдают приоритет «теории запланированного поведения», в соответствии с которой удовлетворенность обучающихся напрямую зависит от внутренней мотивации и модели поведения. Мотивация обусловлена общими характеристиками образовательной среды такими, как наличие мощной исследовательской базы, престижем вуза и его конкурентоспособностью, перспективами трудоустройства и т. д., а также субъективными факторами: влиянием родителей, друзей и знакомых, стоимостью обучения, возможностью получить стипендии и т. д.

Обращает на себя внимание методика оценки качества услуг «SERVQUAL», которая была разработана в 1985 году Л. Берри, В. Зейтмал и А. Парашураманом. По их мнению, качество услуги основывается на потребительском сравнении ожиданий услуги и восприятия полученной услуги. Используя факторный анализ, они выделили 10 компонентов (факторов) качества обслуживания: «1) компетентность (обладание необходимыми знаниями, умениями и навыками для выполнения услуги); 2) вежливость; 3) авторитет (репутация организации); 4) безопасность; 5) доступ к услуге; 6) связь; 7) знание клиента; 8) основные средства и внешний вид помещения, где происходит контакт с получателем услуги и т. п.; 9) надежность; 10) оперативность (готовность организации к быстрому реагированию на нужды потребителей услуг, предоставление своевременных услуг)» [10, с. 117]. Выделенные критерии и показатели несомненно вызывают научный интерес, однако схожесть по некоторым позициям привела авторов к необходимости систематизировать и сократить показатели до пяти основных: «1) «tangibles» (материальное имущество: оценка объектов организации, оборудования, персонала, демонстрационных материалов и т. п.); 2) «reliability» (надежность: способность предоставлять услуги точно и надежно); 3) «responsiveness» (отзывчивость: желание помочь потребителям услуг, предоставить им максимально быстрое обслуживание); 4) «assurance» (уверенность: компетентность и вежливость сотрудников, их способность транслировать уверенность и доверие); 5) «empathy» (эмпатия: забота о клиенте, индивидуальное внимание и индивидуальный подход к нему)» [11].

Широкую известность в проводимых подобного типа опросах получила шкала Лайкерта. Простота процедуры и относительная легкость конструирования для самих респондентов позволяет ее использовать в экономических, социальных и психологических исследованиях, начиная со второй половины прошлого века. Суть данной методики состоит в том, что участники отвечают на несколько десятков вопросов, распределенных по различным категориям-показателям образовательной деятельности: процесс обучения, характер проводимых испытаний (экзамены, тестирование и т. д.), усвоение знаний и возможность их практического применения в рамках будущей профессиональной деятельности. Респонденты выражают свое мнение, используя шкалу возможных вариантов ответов: «совершенно согласен» (5), «согласен» (4), «не знаю» (3), «не согласен» (2), «совершенно не согласен» (1). Используя данную методику при характеристике учебного заведения, можно рассмотреть и проанализировать следующие параметры: квалифицированный профессорско-преподавательский состав, оснащенность аудиторного фонда техническими средствами, современность и регулярность обновления учебных курсов, уровень образовательных технологий, уровень культуры, имидж и репутация, контингент студентов и многие другие. Универсальность расчетов показателей позволяет классифицировать респондентов на связанные категории и затем с высокой степенью точности определить мероприятия, необходимые для повышения удовлетворенности студентов. Обработка результатов исследования осуществляется в 2 этапа: на первом осуществляется формирование фокус-групп для определения исследуемых показателей, а на втором выполняется многомерный анализ полученных данных. Ключевыми параметрами уровня удовлетворенности здесь выступают: «эффективность академических консультаций; общая

эффективность учебного процесса; условия проживания и обеспечение безопасности в общежитии; эффективность работы служб поддержки; отношение к личности; студенческая сосредоточенность на достижении образовательной цели» [12, с. 112].

К методикам «шкалирования» относится метод «семантического дифференциала (от греч. «sematicos» – обозначающий и лат. «differentia» – разность). Данный метод был разработан группой американских психологов во главе Ч. Осгудом в 1952 году. Он получил применение в исследованиях, связанных с восприятием и поведением человека, с анализом социальных установок и личностных смыслов» [13]. Психосемантические методы переводят информацию с когнитивного уровня на аффективный уровень, посредством разнообразных ощущений, поэтому он получил широкое распространение в социальной психологии для получения количественных параметров исследуемого явления в целях объективной оценки его соотношения с другими объектами или социальными процессами. Семантическая дифференциальная шкала «предполагает наличие двух полярных семантических значений (антонимов) или антонимических позиций, между которыми расположено нечетное число градаций. В этом смысле шкала является биполярной. Как правило, рассматривается семь градаций. Среднее положение (средняя градация) считается нейтральным. Оцифровка градаций шкалы может быть униполярной (в виде «1, 2, 3, 4, 5, 6, 7») или биполярной (например, в виде «-3, -2, -1, 0, 1, 2, 3»)» [14]. Обычно полюса шкал задаются вербально (словесно), но разработаны и невербальные семантические дифференциалы, которые используют в качестве полюсов графические изображения. Семантический дифференциал напоминает шкалу Лайкерта, но имеет следующие отличия: во-первых, формулируются оба полярных утверждения вместо одного, а во-вторых, вместо названий промежуточных градаций дается последовательное графическое расположение нечетного числа градаций, расположенных между крайними значениями, например: «хорошо – плохо», или «удовлетворен» – «неудовлетворен». Результаты исследований, проведенные с использованием данных методологий, продемонстрировали наличие ряда тенденций, характерных для всех категории обучающихся, независимо от страны нахождения учреждения образования и его авторитета. Так, было установлено, что «удовлетворенность в значительной степени определяется специализацией подготовки студентов (в зависимости от складывающейся общей конъюнктуры рынка труда в конкретной стране). Однако при этом, студенты с разным уровнем успеваемости отмечали различные факторы, которые влияли на их удовлетворенность (с высокой успеваемостью указывали на важность библиотечного и информационного обслуживания, а низкой – на лояльность преподавателей во время экзаменов)» [15].

Таким образом, большинство проводимых сегодня исследований ориентированы на определение индексов удовлетворенности потребителей образовательных услуг, формируемых на основании избирательно подобранных критериев. Оценка удовлетворенности и лояльности потребителей качеством образовательных услуг имеет достаточно широкий выбор методик в зависимости от поставленных целей и задач учреждения образования и понимания того, что делает образование качественным для заинтересованных сторон. При выборе

методики необходимо, прежде всего, учитывать особенности и специфику самого рынка образовательных услуг, а также множественность факторов учреждения образования, в котором проводится исследование.

Литература

1. Концептуальные подходы к развитию системы образования республики Беларусь до 2020 года и на перспективу до 2030 года : приказ Министра образования Республики Беларусь, 29 нояб. 2017, № 742 // Нормативно-правовые акты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mp.minsk.edu.by/main.aspx?guid=36603>. – Дата доступа : 07.05.2021.
2. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. – Дата доступа: 27.04.2021.
3. Райхельд, Фредерик Ф. Эффект лояльности: движущие силы экономического роста, прибыли и непреходящей ценности / Фредерик Ф. Райхельд, Томас Тил. – М. : Вильямс, 2005. – 384 с.
4. Ли, Геннадий. Удовлетворенность потребителей и лояльность / Геннадий. Ли // Библиотека маркетолога [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.marketing.spb.ru. – Дата доступа : 27.04.21.
5. Удовлетворённость заинтересованных сторон как фактор повышения качества образовательной деятельности физкультурного вуза : монография / под науч. ред. А. Г. Мастерова. – Волгоград : ФГБОУ ВПО «ВГАФК», 2012. – 224 с.
6. Брун, Манфред. Национальный индекс удовлетворенности клиентов: построение и использование / Манфред, Брун // Проблемы теории и практики управления [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ptpu.ru>. – Дата доступа : 27.04.2021.
7. Reichheld, Frederick F. One Number You Need to Grow / Frederick F. Reichheld // Harvard Business Review. – 2003. – Vol. 81, № 12. – P. 46–54.
8. Балясин, М. А. Опыт обучающихся: исследование-опрос как новый подход к оценке программ Erasmus Mundus / М. А. Балясин, Л. Карвальо, Д. Михут // Вопросы образования. – 2016. – №1. – С. 110–134.
9. Alves, H., Raposo, M. Conceptual Model of Student Satisfaction in Higher Education / H. Alves, M. Raposo // Total Quality Management. – 2006. – Vol. 17, № 9. – P. 1296–1278.
10. Дибирова, К. Ю. К проблеме оценки удовлетворенности качеством бюджетных услуг в западной и отечественной социологии / К. Ю. Дибирова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – №1/2. – С.116–121.
11. Parasuraman, A., Zeithaml, V., Berry, L.L. SERVQUAL: A Multiple-Item Scale for Measuring Consumer Perceptions of Service Quality / A. Parasuraman, V. Zeithaml, L.L., Berry // Journal of Retailing. – 1988. – Vol. 62, № 1. P. 12–40.
12. Семантический дифференциал // Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа : <http://www.вокабула.рф/энциклопедии>. – Дата доступа : 05.05.21.
13. Эткин, А. М. Опыт теоретической интерпретации семантического дифференциала / А. М. Эткин // Вопр. психологии. – 1979. – № 1. – С. 17–27.
14. Бурко, О. П. Организация мониторинга удовлетворенности качеством образовательных услуг в Брестском государственном техническом университете / О. П. Бурко, Ю. Д. Данилов, Е. Г. Кудрицкая // Вестник БрГТУ. – 2018. – № 3 (111) : Экономика. – С.81–84.

В статье рассматривается проблема, связанная с методиками оценки удовлетворенности и лояльности потребителей качеством образовательных услуг. Автор раскрывает содержание понятия «удовлетворенность» и «лояльность потребителей», систематизируя различные точки зрения, обосновывает их взаимосвязь и взаимовлияние.

Проанализированы различные подходы, методы и критерии оценки удовлетворенности и лояльности в сфере образовательных услуг, при этом установлено различие между системами оценивания образования в Европе и США.

Ключевые слова: удовлетворенность потребителей, лояльность потребителей, образовательные услуги, качество образовательных услуг, оценка удовлетворенности, оценка лояльности потребителей.

The article deals with the problem associated with the methods of assessing the satisfaction and loyalty of consumers with the quality of educational services. The author reveals the content of the concept of "satisfaction" and "consumer loyalty" systematizes various points of view, substantiates their relationship and mutual influence.

Various approaches, methods and criteria for assessing satisfaction and loyalty in the field of educational services are analyzed, and a difference is established between the educational assessment systems in Europe and the United States.

Keywords: customer satisfaction, consumer loyalty, educational services, the quality of educational services, evaluation of satisfaction, assessment of consumer loyalty.

УДК 348.147.31

ИНТЕРАКТИВНАЯ ЛЕКЦИЯ КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА УЧЕБНОГО ЗАНЯТИЯ СО СТУДЕНТАМИ И СТАРШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ

КУЗЬМИЧ В. Н.

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Применение современных технологий в обучении – одна из наиболее важных и устойчивых тенденций развития мирового образовательного процесса. Сегодня все большее внимание уделяется деятельностному и компетентностному подходам, а также активному обучению, которые являются практико-ориентированными. Однако необходимость теоретической подготовки студентов и учеников никто не отменял, поэтому отказ от лекции как способа подачи теоретического материала является преждевременным.

Есть такая шутка: «Лекция – это самый эффективный метод перенесения содержания конспекта преподавателя в тетради студентов – без участия в этом процессе их мозгов». Действительно, лекция является репродуктивной формой работы, и, следовательно, малоэффективной. А современное образование не может позволить себе тратить время на неэффективные формы работы.

У лекции действительно много недостатков:

- Лекция предполагает пассивную передачу информации, не способствует передаче и применению навыков.
- Лекция – это репродуктивная форма работы, результат которой быстро забывается.
- Лектор концентрируется больше на том, что он хочет сказать ученикам, нежели на том, что им действительно нужно.
- При отсутствии общения лектор не представляет, насколько его изложение темы понятно обучающимся.
- Для разных обучающихся лекция может быть слишком сложной или слишком простой.

- Лекция часто скучна, что приводит к быстрой потере внимания аудитории. Однако, прежде чем отказываться от лекции, следует ответить на вопросы:
- Обеспечивает ли лекция в целом или ее элементы учебную эффективность?
- В каких условиях, для каких обучающихся и для каких учебных целей лекция является продуктивной?

Ответив на них, мы приходим к выводу, что в учебном процессе складывается ряд ситуаций, когда лекционная форма обучения не может быть заменена никакой другой, прежде всего потому, что невозможно за ограниченный промежуток времени изложить большой объем материала другими способами.

Поэтому вопрос следует ставить иначе: как можно усилить преимущества лекционной формы обучения и уменьшить (или ликвидировать) ее недостатки? Ответ прост – сделать лекцию интерактивной.

Понятие «интерактивный» происходит от английского «interact» («inter» – взаимный, «act» – действовать). Интерактивное обучение рассматривается как специальная форма организации познавательной деятельности. По сравнению с другими методами интерактивные ориентированы на более широкое взаимодействие обучающихся не только с преподавателем, но и друг с другом в процессе обучения. Из объекта воздействия обучающийся превращается в субъект взаимодействия, он сам активно участвует в процессе обучения, следуя своим индивидуальным маршрутом. Акцент в такой деятельности делается на партнерство, соуправление, а характер взаимоотношения преподавателя и студента можно определить как субъект-субъектные [1, с. 12].

Перечень основных показателей интерактивности в учебной деятельности включает:

- 1) движение обучающихся;
- 2) возможность выбора или непредсказуемости конечного результата для обучающихся;
- 3) ролевая раскладка (включая этап итоговой рефлексии);
- 4) порционность или пошаговость заданий;
- 5) рабочие (малые) группы.

Для появления эффекта интерактивности на уроке или занятии необходимо сопряжение не менее двух показателей [2, с. 2].

Интерактивная лекция – это лекция, которая объединяют в себе аспекты традиционной лекции и интерактивных форм обучения: дискуссии, беседы, разборы конкретных ситуаций, демонстрации слайдов или учебных фильмов, мозгового штурма и т. д.

Преимущества применения интерактивных приемов на лекции:

- для обучающихся – более полное понимание сути лекции, более устойчивое запоминание ее материала, возможность расставить акценты на наиболее важных аспектах темы;
- для преподавателя – возможность сделать лекцию более понятной, выявить проблемные места и устранить их, удерживать внимание аудитории, активизировать познавательную активность обучающихся;
- для образовательного процесса – создание атмосферы сотрудничества, изменение подхода к обучению, повышение его эффективности [3, с. 4].

Существует несколько ключевых способов сделать лекцию интерактивной. Первый из них – визуализация. У современной молодежи преобладает тип мышления и запоминания, основанный на совмещении нескольких видов памяти, например зрительной, слуховой и двигательной. А с распространением информационных технологий ведущее место стало занимать наглядно-образное мышление. Этот фактор следует использовать при разработке учебных занятий, в том числе лекций.

Подготовка такого типа лекции преподавателем состоит в том, чтобы изменить, переконструировать учебную информацию по теме лекционного занятия в визуальную форму для представления обучающимся через технические средства обучения или вручную. Визуализация помогает правильно организовывать и анализировать информацию. Диаграммы, схемы, рисунки, фотографии, видеофрагменты, карты памяти способствуют усвоению больших объемов информации, легко запоминать и прослеживать взаимосвязи между блоками информации. Лекция трансформируется в связное, развернутое комментирование преподавателем и студентами подготовленных наглядных материалов, выдвижение гипотез, обмен мнениями, формулирование выводов, позволяющие полностью раскрыть изучаемую тему. При этом работу можно организовать как фронтально, так и в парах или группах. Наряду с приобретением новых знаний у обучающихся формируются умение работать с медиатекстом, коммуникативные навыки, аналитическое и критическое мышление.

Следующий способ сделать лекцию интерактивной – это использование лично значимого (субъектного) опыта обучающихся. К субъектному опыту относятся те знания, умения, эмоциональные состояния и оценочные суждения, которые образовались в результате собственного непосредственного чувственно-эмпирического взаимодействия с окружающим миром – обществом и природой. Актуализация субъектного опыта – это совокупность действий преподавателя, направленных на стимулирование желания обучающегося использовать в той или иной учебной ситуации ранее приобретенные знания, умения и навыки. Использование субъектного опыта делает содержание материала лично значимым для студентов, обращает информацию к внутренним, а не внешним мотивам.

Актуализация субъектного опыта может совершенствовать процесс обучения, способствуя:

- усилению мотивации и познавательной активности студентов;
- улучшению понимания изучаемого материала и более прочному усвоению новых знаний;
- развитию рефлексии обучающихся, формированию у них умения применять личный опыт для решения практических и теоретических задач.

Современным средством организации взаимодействия на учебном занятии является геймификация – использование игровых методов, технологий и механизмов в образовании или других неигровых сферах. Главная ее цель – вовлечь в процесс, помочь подать информацию правильно, облегчить восприятие. Геймификация образования – естественный этап развития, связанный с внедрением технологий в обычную жизнь и активизацией поколения, которое понимает игру и хорошо откликается на ее механизмы. Так достигается цель игрового обучения – получить и научиться применять знания (а не пройти этап или получить

хорошую отметку). Использование игровых элементов позволяет разнообразить процесс обучения, сделать его более привлекательным для обучающихся. При этом можно использовать как дидактические игры (анализ конкретных ситуаций, игровое проектирование, путешествие, загадка, беседа и др.), так и элементы современных цифровых игр. Также игровые технологии можно использовать в качестве контроля (квиз, викторина, квест). Уровень репродуктивных умений студентов легко проверяется современными системами тестирования, полностью автоматизируя этот процесс. Степень усвоения продуктивных знаний должна оцениваться разноуровневой системой практических заданий.

Интерактивное обучение невозможно без общения. Для организации взаимодействия на лекции невозможно обойтись без диалога. Он может быть организован в разных формах: управляемая дискуссия, эвристическая беседа, поиск ответов на поставленные вопросы. Среди подобных форм работы следует выделить проблемную лекцию. На такой лекции новое знание вводится через проблемность вопроса, задачи или ситуации. При этом процесс познания студентов в сотрудничестве и диалоге с преподавателем приближается к исследовательской деятельности. Содержание проблемы раскрывается путем организации поиска ее решения или суммирования и анализа традиционных и современных точек зрения.

Проблемная лекция начинается с вопросов, с постановки проблемы, которую в ходе изложения материала необходимо решить. Лекция строится таким образом, чтобы обусловить появление вопроса в сознании студента. Учебный материал представляется в форме учебной проблемы. Она имеет логическую форму познавательной задачи, отмечающей некоторые противоречия в ее условиях и завершающейся вопросами, которые это противоречие объективирует. Проблемная ситуация возникает после обнаружения противоречий в исходных данных учебной проблемы.

Наиболее простой является лекция-беседа. Эта лекция предполагает непосредственный контакт преподавателя с аудиторией. К участию в лекции-беседе можно привлечь различными приемами, так, например активизация студентов вопросами в начале лекции и по ее ходу. Вопросы могут быть информационного и проблемного характера, для выяснения мнений и уровня осведомленности по рассматриваемой теме, степени их готовности к восприятию последующего материала.

Также существует лекция-пресс-конференция (ответы лектора на вопросы аудитории по заявленной заранее теме), лекция-дискуссия (предполагает свободный обмен мнениями, идеями и взглядами по изучаемому вопросу), лекция с заранее запланированными ошибками.

Удерживать внимание студентов позволяет также промежуточный контроль. Для его реализации можно использовать заранее подготовленные вопросы, тесты (как в печатном, так и в цифровом виде), заполнение таблиц, создание схем, кластеров, ментальных карт и даже выполнение мини-проектов.

Таким образом, участие в интерактивной лекции одновременно преподавателя и студента значительно улучшает качество образования. Использование такого вида работы активизирует процесс преподавания, повышает интерес студентов к изучаемой дисциплине и эффективность учебного процесса. Однако использование интерактивной лекции предъявляет более высокие требования

к уровню подготовки преподавателя и его квалификации, который должен уже не только владеть традиционными методиками преподавания, но и уметь модернизировать их в соответствии со спецификой обучаемых, используя современные достижения науки и техники.

Литература

1. Кашлев, С. С. Интерактивные методы обучения педагогике: учеб. пособие / С. С. Кашлев. – Минск: Выш. шк., 2004. – 176 с.
2. Панина, Т. С. Интерактивное обучение / Т. С. Панина, Л. Н. Вавилова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnoe-obuchenie>. – Дата доступа 12.04.2021
3. Рюмина, Ю. Н. Интерактивная лекция как форма обучения в системе профессиональной подготовки бакалавров / Ю. Н. Рюмина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.by/view/0>. – Дата доступа: 13.04.2021.
4. Шаламіцкая, Н. М. Якасць адукацыі: актывізацыя і стымуляванне матываў вучэння / Н. М. Шаламіцкая // Народная асвета. – 2014. – № 10. – С. 68–73.

Ключевые слова: лекция, интерактивная лекция, общение, взаимодействие, визуализация, геймификация.

Key words: lecture, interactive lecture, communication, interaction, visualization, gamification

Статья посвящена одной из современных форм обучения – интерактивной лекции, которая позволяет изложить большой объем теоретического материала за ограниченный период времени, сохраняя активность и внимание студентов. Основными способами сделать лекцию интерактивной являются визуализация, геймификация, актуализация субъектного опыта студентов, организация диалога и контроля.

The article is dedicated to one of the modern forms of teaching – an interactive lecture, which allows to present a large volume of theoretical material in a limited period of time, maintaining the activity and attention of students. The main ways to make a lecture interactive are visualization, games, actualization of the subjective experience of students, organization of dialogue and control.

УДК 159.922.1

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЛАГОНДА Г. В.

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Разрабатывая психологическую теорию брака, мы отталкиваемся от нескольких тезисов, как правило, не вызывающих возражений. Во-первых, брак является формой межличностных взаимоотношений, то есть разновидностью психологической связи между людьми. Во-вторых, поскольку в основе любых форм отношений лежат потребности, постольку сущностью психологической связи между супругами (основным объединяющим их фактором) логично считать брачные потребности. И, в-третьих, в сознании партнёров по браку их

матримониальные потребности конкретизируются в виде супружеских экспектаций [1]. Именно, партнёрские ожидания, на наш взгляд, обладают существенным эвристическим потенциалом для описания и объяснения большинства событий, имеющих место во взаимоотношениях супругов.

Однако, для того чтобы приступить к детальному изучению психологической сущности брачных экспектаций, необходимо решить задачу по обоснованному составлению перечня матримониальных потребностей. Специалисты, работающие в проблемном поле психологии семейных отношений, по-разному решают эту задачу. Выделяемые ими потребности варьируют как по сути, так и по количеству. В некоторых случаях побуждающие интенции ставятся в зависимость от половой принадлежности человека. Несмотря на всю привлекательность обнаруженных нами в литературе теоретических конструкций, все они страдают общим изъяном – отсутствием доказательного обоснования заявленной позиции. В лучшем случае исследователь ссылается на свой клинический опыт.

С нашей точки зрения, формирование обоснованного списка брачных потребностей возможно лишь при выявлении сущностного признака супружеских отношений, то есть такого признака, который в основном предопределяет их специфику. В этом смысле супружество однозначно следует считать формой гендерных отношений. Ведь первый и основной признак, от которого отталкивается человек, создавая брак, – это половая/гендерная принадлежность партнёра, которая в свою очередь детерминируется собственной половой/гендерной принадлежностью.

Несомненно, гендерная составляющая присутствует в любых форматах межличностных взаимоотношений. Как отмечает В. Сатир: «Весь наш мир состоит из мужчин и женщин. И роли, имеющие наибольшее психологическое значение, это те, которые соотносятся с полом исполняющих их людей... Мужчины и женщины имеют также ряд ролей, которые не связаны с половой принадлежностью, такие, как чей-то босс, чей-то учитель. Но обычно половая принадлежность этого босса или этого учителя передаёт особый смысл, основанный на пережитом опыте взаимоотношений, носящем сексуальную окраску» [2, с. 86]. «Гендер оказывается квазиролью, – утверждают Е. Здравомыслов и А. Тёмкина, – которая пронизывает все остальные спецификации, является базовой (идентичностью, если говорить другими словами), на которую нанизываются все другие» [3, с. 167]. В свою очередь Ш. Берн обращает внимание на тот факт, что гендерные когнитивные схемы оказываются самыми востребованными сознанием человека [4]. Таким образом, гендерные отношения буквально пронизывают всю жизнь человека.

В то же время нельзя не отметить, что в жизни этой есть аспекты, в которых гендерная составляющая отношений становится главенствующей. Делая такое утверждение, мы возвращаемся к проблематике супружества. Именно брак является средоточием (эпицентром) гендерных отношений, можно сказать, основной их формой. Данный тезис лишь на первый взгляд кажется малоинформативным. Для нас он представляет особую ценность, поскольку открывает возможность обсуждения темы сексуальности. Её значимость для формирования супружеских отношений отмечали многие исследователи (Д. Л. Буртянский,

Г. С. Васильченко, К. Имелинский, Г. Ф. Келли, С. Кратохвил, И. С. Кон, А. М. Свядош, З. Шнабль и др.) Надо сказать, что, исследуя тематику брака, мы столкнулись с довольно неожиданной тенденцией. Во многих случаях в трудах сексологов она представлена более мощно, нежели в работах психологов, занимающихся проблематикой семьи.

В частности З. Шнабль категорично утверждал, что сексуальность ориентирована на брак [5]. Г. С. Васильченко в разработанной им периодизации сексуального развития этапы становления сексуальности взрослого человека связывает с последовательностью решаемых индивидом жизненных задач. Все они замыкаются непосредственно на супружестве. Выбор брачного партнёра, создание супружеских, а затем и семейных отношений; их поддержание и развитие; нахождение в них резервов для противостояния инволюционным изменениям, происходящим в организме – вот перечень тех жизненных задач, которые взрослый должен решать «с помощью» сексуальности по мере перехода из одной возрастной группы в другую [6]. Схожие идеи мы находим и в разработанной Э. Эриксоном эпигенетической матрицы психического развития человека [7]. Учитывая специфику периодизаций, создаваемых в духе психоаналитической школы, здесь также уместно говорить о психосексуальном развитии.

Подобная трактовка одной из сторон онтогенеза человека свидетельствует о том, что сексуальность его рассматривается исследователями не только в связи с возможностью осуществления интимной близости. Ей придаётся весомое значение и в реализации других потребностей, которые ассоциируются в первую очередь с супружеством. Для того чтобы выявить происхождение данных ассоциаций, необходимо остановиться на сущности сексуальности и её функциях.

Если говорить о сущности, то под сексуальностью мы понимаем функциональную систему анатомо-физиологических и психологических особенностей индивида, определяющую возможности и особенности его гендерных отношений. Другими словами, осуществление любых форм гендерных отношений требует задействования определённых резервов (элементов и свойств) организма и психики. Состав этих элементов и свойств варьирует в зависимости от задачи, на решение которой направлен соответствующий поведенческий акт. При поцелуе набор задействованных элементов будет одним, при отстаивании феминисткой прав женщин во время митинга – другим. Таким образом, сексуальность можно и должно рассматривать именно как функциональную систему. И её основная функция – организация гендерных отношений человека. В свою очередь супружество является средоточием этих отношений, а значит, сексуальность действительно ориентирована на брак.

Упомянутая функция сексуальности имеет несколько граней-подфункций. Принято считать, что до появления на Земле вида *Homo Sapiens* их было две. Причём находились они в нераздельном единстве. Это подфункции прокреации (продолжения рода) и рекреации (отдыха, расслабления и получения удовольствия). Благодаря наличию сознания, человек преобразовал этот установленный природой порядок. Во-первых, создав контрацептивы, а затем и институты усыновления и суррогатного материнства, он разделил данные подфункции. Получение удовольствия стало возможным и без последующего деторождения. Возможной стала (как это ни парадоксально) и обратная ситуация. Во-вторых,

сексуальность начала выполнять коммуникативную функцию. При этом осуществление коммуникативной функции сексуальности сопряжено с использованием как вербальных, так и невербальных средств. В одних случаях супруги отдают предпочтение словам, в других неоспоримые преимущества оказываются «в распоряжении» у невербальных средств. Даже если сузить представления о сексуальности до рамок половой близости, следует признать, что каждое любовное соитие несёт в себе коммуникативную нагрузку. Оно «поставляет» партнёрам информацию о тех чувствах, которые они испытывают по отношению друг к другу. Чтобы лишний раз убедиться в этом, достаточно внимательно под данным углом зрения проанализировать сексуальные похождения Гумберта-Гумберта, главного героя в романе В. Набокова «Лолита».

На наш взгляд, сексуальность человека выполняет ещё одну подфункцию – символическую [8]. По настоящее время она остаётся понятийно и терминологически слабо отрефлексированной, хотя косвенные признания её существования можно найти во многих источниках. К примеру, психоаналитические тексты буквально «пропитаны» мыслью о ней. О том, что многие проявления сексуальности человека имеют для него символическое значение, свидетельствуют и многочисленные клинические случаи, сам факт многочисленности которых говорит о типичности явления. Врачи-сексологи часто ставят мужчинам-пациентам диагноз «невроз ожидания неудачи». Генезис расстройства таков. Мужчина воспринимает физиологические реакции, позволяющие осуществлять сексуальную близость как символ мужественности. Соответственно сексуальное фиаско расценивается им как утрата этой самой мужественности. Отсюда депрессия, боязнь снова испытать, с его точки зрения, унижение и избегание близости с партнёршей. «Какой же я мужчина, если бессилён в постели», – вот литературный перевод наиболее типичного высказывания мужчин в такой ситуации. В свою очередь у пациенток женственность чаще всего находит символическое воплощение в форме чувственности.

Подводя итог рассуждениям о сексуальности, мы констатируем наличие четырёх её функций: рекреативной, прокреативной, коммуникативной и символической. Под функциями же традиционно понимаются сферы жизнедеятельности, связанные с удовлетворением определённых потребностей. Таким образом, мы приходим к нескольким значимым для понимания психологической сущности супружества выводам:

1) брак, будучи средоточием гендерных отношений, позволяет оптимальным образом реализовывать функции сексуальности;

2) поскольку функции детерминируются потребностями, изучение функций сексуальности позволяет осознать стоящие за ними потребности;

3) учитывая суть двух предыдущих выводов, искомые потребности правомерно определить как брачные (супружеские, матримониальные).

Литература

1. Лагонда, Г. В. К проблеме создания психологической теории брака / Г. В. Лагонда // Психологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 72–81.
2. Сатир, В. Психотерапия семьи / В. Сатир. – СПб. : «Речь», 2001. – 283 с.
3. Введение в гендерные исследования. Ч.1: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной – Харьков : ХЦГИ, 2001 ; СПб. : Алтейя, 2001. – 708 с.

4. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн – СПб. : «Прайм-ЕВРО-ЗНАК», 2001. – 318 с.
5. Узы брака, узы свободы. Проблемы семьи и одиночества глазами учёных. Сб. ст. / Сост. Т. Разумовская. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 222 с.
6. Сексопатология. Справочник / Под ред. Г. С. Васильченко. – М. : «Медицина», 1990. – 575 с.
7. Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб. : ЛенАТО АСТ фонд «Университетская книга», 1996. – 590 с.
8. Лагонда, Г. В. Сексуальность и брак: грани интимных отношений / Г. В. Лагонда // Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. – 2008. – № 1 (32). – С. 84 – 89.

Ключевые слова: брачные отношения, брачные потребности, сексуальность, функция.

Key words: marriage relations, marriage requirements, sexuality, function.

Основная задача, которую решает автор статьи – это составление перечня брачных потребностей человека. Для обоснования своей точки зрения он отталкивается от идеи о том, что супружество является разновидностью гендерных отношений. По мнению автора, гендерные отношения человека в целом и брачные в частности обеспечиваются специфической функциональной системой – сексуальностью. В статье рассматриваются прокреативная, рекреативная, коммуникативная и символическая функции сексуальности. Доказывается их связь с брачными потребностями.

The author of the article works out the problem of composition of matrimonial needs enumeration. For a basing his own point of view he exploits the idea that a conjugality is kind of gender relations. From the author opinion a sexuality is such functional system that assures both a gender relations in all and a marriage relations in particular. The author describes procreative, recreative, communicative and symbolical functions of sexuality. He proves their connections with matrimonial needs.

УДК101.8

КАНФЕСІЙНЫЯ КАШТОЎНАСЦІ ЯК МАРАЛЬНЫЯ РЭГУЛЯТЫВЫ ГРАМАДСКАГА ЖЫЦЦЯ Ў ГІСТОРЫІ ФАРМІРАВАННЯ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ

ЛАГУНОЎСКАЯ А. А.

*Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А. С. Пушкіна,
г. Брэст, Беларусь*

Духоўна-маральная спадчына гістарычнага мінулага Беларусі і канфесійныя каштоўнасці як яе неад’емная частка з’яўляецца найважнейшым фактарам, які ўплывае на фарміраванне структурных складнікаў маральнай культуры сучаснага беларускага грамадства: ідэалаў, ведаў, вопыту, пачуццяў. Асэнсаванне і аднаўленне гістарычнага мінулага звязана з неабходнасцю вырашэння надзённых задач сучаснасці, накіраваных на развіццё духоўнай сферы грамадства і яго маральнай культуры. Найбольш значным у сувязі з гэтымі задачамі уяўляецца зварот да генезісу беларускай дзяржаўнасці ў Полацкім княстве і Вялікім Княстве Літоўскім, калі сапраўды грандыёзныя

грамадскія праблемы вырашаліся на духоўна-маральных рэгулятыўных асновах. Працэс духоўнага станаўлення беларускай нацыі і дзяржавы, які ажыццяўляўся на аснове агульнасусветных, еўрапейскіх заканамернасцяў, ўпісаўся ў агульны кантэкст духоўных дасягненняў чалавецтва.

Агульнаеўрапейскія працэсы фарміравання дзяржаўнасці набіраюць сілу з IX ст.: адбываецца фарміраванне дзяржаўных утварэнняў вакол гарадоў Полацка, Кіева, Ноўгарада, фарміраванне каралеўстваў Англіі, Францыі, Германіі... У той час, калі ў Кіеве замацаваўся заходнееўрапейскі прыклад перадачы ўлады ад бацькі да старэйшага сына, у Полацку, Ноўгарадзе, Пскове працягваліся славянскія традыцыі народаўладдзя і пасада князя заставалася выбарнай: веча абірала князя і кантралявала яго дзейнасць, а ў выпадку парушэння пастаўленых умоваў «паказвала князю шлях», г. зн. пазбаўляла яго пасады, як гэта здарылася, напрыклад, з Рагвалодам Барысавічам у 1151 г. і Расціславам Глебавічам у 1158 г. [1, с. 35]. Паўнамоцтвы князя знаходзіліся ў прамой залежнасці ад яго асабістых здольнасцяў. Асаблівай падтрымкай і любоўю палачан карыстаўся князь Усяслаў, у княжанне якога (1044–1101) Полацкае княства дасягнула найбольшай магутнасці, была пабудавана Полацкая Сафія – чацвёрты ва ўсёй Еўропе храм такога тыпу.

Маральная рэгуляцыя сацыяльна-палітычнага жыцця ў перыяд феадальнай раздробленасці і мангола-татарскага нашэсця на Кіеўскую Русь (XII–XIV стст.) была абумоўлена мэтай захавання незалежнасці старабеларускіх зямель. У дадзены часовы перыяд тут, гэтак жа як і ў Заходняй Еўропе (Англіі, Францыі, Германіі), шляхам інтэграцыі адбывалася фарміраванне цэнтралізаванай дзяржавы, тады як дзяржаўныя аб'яднанні Кіеўскай Русі праходзілі этап феадальнай раздробленасці. У Заходняй Еўропе і Кіеўскай Русі перадача вярхоўнай улады ў дзяржаве па старшынстве абумоўлівала немагчымасць законным чынам прэтэндаваць на пасаду кіраўніка ўсім жадаючым. Часта асобы, пазбаўленыя магчымасці кіраваць, імкнуліся заняць гэтую пасаду з дапамогай любых сродкаў і метадаў, у тым ліку і гвалтоўных, аж да ваенных дзеянняў паміж насельнікамі адной дзяржавы. Зрушэнне манархаў было распаўсюджана ў перыяд Сярэднявечча ў Заходняй Еўропе і Кіеўскай Русі, і часцей за ўсё ў такіх выпадках іх пазбаўлялі жыцця. У X–XVI стст. сацыяльна-палітычныя асновы жыцця старабеларускіх зямель абумовілі функцыянаванне маральнай культуры як адзінства, якое замацоўвала фарміраванне агульных правіл, высятляючых абавязкі ў дзейнасці асобы і грамадства. Спецыфіка сацыяльна-палітычнага развіцця старабеларускіх зямель пры адмове ад спадчыны па старшынстве ў той перыяд давала магчымасць прадстаўнікам эліты свабоднага выбару сваёй жыццёвай стратэгіі як накіраванасці на дасягненне жаданага сацыяльнага становішча. Калі сын князя, які кіраваў, імкнуўся заняць пасаду, якая належала раней бацьку, ён, як і ўсе астатнія прэтэндэнты на вярхоўную ўладу ў дзяржаве, вылучаў сваю кандыдатуру. Толькі пры ўмове найбольшай адпаведнасці асобных якасцяў і здольнасцяў пасадзе князя ў параўнанні з іншымі прэтэндэнтамі чалавек мог быць абраны. Свядомыя паводзіны, накіраваныя на дасягненне мэтай сваёй жыцця, як каштоўная арыентацыя асобы спрыяюць ўмацаванню пачуцця адказнасці за свой выбар, добрасумленнасці ў выкананні абавязкаў, якія вынікаюць з яго. Дадаваныя маральныя нормы старабеларускага грамадства сведчаць аб магчымасці раскрыцця творчага патэнцыялу чалавека ў

працэсе рэалізацыі сваёй жыццёвай канцэпцыі на аснове канструктыўных, гуманістычных сродкаў і метадаў.

Творчыя людзі на тэрыторыі Беларусі валодалі свабодай у выбары не толькі сваёй сацыяльнай, але і культурнай арыентацыі (у сэнсе імкнення да грамадскіх ідэалаў і прыняцця пэўных культурных узораў). Першы помнік пісьменства, створаны на беларускіх землях, – «Жыцце Еўфрасінні Полацкай» – адлюстроўвае імкненне неардынарнай асобы пераадолець стэрэатыпы і забароны на шляху да самавыяўлення і творчасці. У жыцці ўнучкі князя Усяслава Чарадзея ўладанне матэрыяльнымі каштоўнасцямі і ўладай, якія вынікалі з княжага становішча, не адыгрывала галоўнай ролі. У іерархіі хрысціянскіх каштоўнасцяў грамадскія, калектыўныя інтарэсы стаяць вышэй за асабістыя. Тым не менш у працэсе актыўнай сацыяльнай дзейнасці арыентацыя на духоўныя каштоўнасці хрысціянства спрыяе раскрыццю духоўнага патэнцыялу асобы, дасягненню ўсіх намечаных чалавекам мэтаў і яго максімальнай самарэалізацыі. Напрыклад Мікола Гусоўскі, з’яўляючыся сынам лесніка, прадстаўляў інтарэсы Вялікага Княства Літоўскага ў якасці дыпламатычнага амбасадара ў Ватыкане, які адыгрываў магутную ролю ў знешняй палітыцы таго часу. Сын купца «сярэдняй рукі» Францыск Скарына змог не толькі паступіць у адзін з найстарэйшых і самых прэстыжных універсітэтаў Еўропы – Падуанскі, але і дабіцца, у сілу адсутнасці грошай, бясплатнага ў ім навучання, атрымаўшы пасля яго заканчэння доктарскую ступень. Дасягнуўшы вяршынь сярэднявечковай адукаванасці, Францыск Скарына прысвяціў жыццё служэнню свайму народу – «людзям паспалітым». Такім чынам, творчы пошук і актыўная жыццёвая пазіцыя Еўфрасінні Полацкай, Кірылы Тураўскага, Міколы Гусоўскага, Францыска Скарыны, Меленція Смятрыцкага, Афанасія Філіповіча і іншых прадстаўнікоў старабеларускай культуры паўстаюць як праўдзіва духоўны феномен, які вызначыў канфесійныя каштоўнасці на паводніцкім узроўні ў служэнні Радзіме і імкненні да духоўна-маральнай дасканаласці, множання сваіх ведаў, здольнасцяў і магчымасцяў незалежна ад сацыяльнага статусу, маёмаснага становішча і паходжання.

Пры даследаванні канфесійных каштоўнасцяў як маральных рэгулятываў грамадскага жыцця ў перыяд Полацкага княства і ВКЛ, неабходна звярнуць увагу на такі важны фактар, які аказаў уплыў на фарміраванне светапоглядных асноў беларускай дзяржаўнасці як узаемадзеянне культур Захаду і Усходу. Асаблівасці асяроддзя пражывання спрыялі замацаванню ў менталітэце беларускага народа талерантнасці, памяркоўнасці, стрыманасці ў меркаваннях, сістэмнасці мыслення, якія адпавядаюць хрысціянскім прынцыпам паводзін, зносін і дзейнасці, што хутчэй спрыяла самаідэнтыфікацыі беларускага этнасу.

Характэрнай асаблівасцю Беларусі з’яўляецца поліканфесійная рэлігійная структура. Вызначальную ролю ў сацыякультурнай прасторы Беларусі іграе хрысціянства, і перш за ўсё дзве асноўныя канфесіі – праваслаўе і каталіцтва. Асаблівасці ўзаемадзеяння паміж хрысціянскімі канфесіямі, кожная з якіх фарміравала свой культурны стэрэатып, фактычна па-свойму інтэрпрэтуючы зыходную хрысціянскую традыцыю і спрабуючы ў той ці іншай меры яе прайграваць, былі абумоўлены тым, што ў культуры ВКЛ сутыкнуліся дзве не зусім чужародныя, але вельмі розныя паводле гістарычнага развіцця культуры, якія вядомы італьянскі славiст Р. Пікія вызначыў як *Slavia Orthodoxa* і *Slavia*

Romana, што прывяло да ўзаемадзеяння розных культурных стэрэатыпаў, розных хрысціянскіх традыцый і вымусіла так ці інакш парваць з адзінай хрысціянскай традыцыяй. Такім чынам, у адзінай хрысціянскай традыцыі на беларускіх землях сфарміраваліся і развіваліся дзве традыцыі, несумяшчальныя адна з адной – ісіхазм і гуманізм, прасякнутыя вострай рэлігійнай палемікай у эпоху «залатога стагоддзя».

Праваслаўныя беларускія землі, якія ўвайшлі ў XV–XVI стст. у арэал заходнееўрапейскай каталіцкай культуры, вымушаныя былі захоўваць і адстойваць сваю культурную ідэнтычнасць у канфесійнай, бытавой, моўнай, творча-мастацкай, гістарыялагічнай, генеалагічнай, геапалітычнай і іншых сферах. Ісіхасцкае вучэнне (паламізм), якое заклікае да маўклівага разумнага дзеяння, і, як яго вынік, асабістыя зносіны з Богам і абагаўленне хрысціянна ў яго яшчэ зямным быцці, аказала важны ўплыў на працэс духоўнага станаўлення беларускага народа. Нездарма цэнтральнай праблемай ісіхасцкай антрапалогіі стала праблема абагаўлення і асабістага богападабенства – праблема вобраза і падабенства Бога ў чалавеку як падстаў чалавечай асобы. Ісіхазм і гуманізм – два шляхі развіцця хрысціянскай цывілізацыі, прадстаўленыя ў гістарычным развіцці Беларусі XIV–XVI стст. – знайшлі сваё адлюстраванне ў Статутах ВКЛ і развіцці беларускай духоўнасці ў наступныя эпохі.

Статут Вялікага Княства Літоўскага – першы збор законаў у феадальнай Еўропе, распрацаваны навукоўцамі і юрыстамі-практыкамі старабеларускай дзяржавы на аснове кадыфікацыі і сістэматызацыі норм мясцовага права, выйшаў у 1529 г. Напісаны на старабеларускай мове, ён быў даступны ўсім пісьменным людзям таго часу. Прававыя нормы, выкладзеныя ў Статуте, у сваёй сукупнасці складалі своеасаблівую феадальную канстытуцыю, у якой былі закладзены новыя прынцыпы адзінства права і прыярытэту пісанага права. Такім чынам склалася парадаскальная сітуацыя: у ВКЛ развіццё права апырэдзіла развіццё капіталістычных адносін. Феадальным адносінам таго часу была ўласцівая строгая іерархічнасць: эканамічныя, палітычныя, сацыяльныя правы належалі выключна першаму і другому саслоўям, у той час як трэцяе саслоўе, якое было бяспраўным, забяспечвала іх дабрабыт.

Менавіта з асяроддзя трэцяга саслоўя ў Заходняй Еўропе вылучылася буржуазія, барацьба якой за свае правы і прывяла пасля да падрыхтоўкі Канстытуцыі ЗША (1786), французскай Дэкларацыі правоў чалавека і грамадзяніна (1789). На беларускай тэрыторыі адзначаліся нізкія тэмпы генезісу буржуазных адносін: нават у XIX ст. колькасць гандлёвых і гільдый купецтва, здольных паўплываць на ўзмацненне працэсу капіталізацыі, была нязначнай. Аднак узровень развіцця цэхавай вытворчасці, які падтрымліваўся прадстаўнікамі першага саслоўя ў ВКЛ, у тым ліку і самым буйным зямельным уласнікам – вялікім князем, аказаў дэтэрмінуючае ўздзеянне на дэмакратычныя нормы Статутаў, што адпавядала дзяржаўным працэсам таго часу.

У рэчышчы хрысціянскай асветы Статуты замацоўвалі канфесійныя каштоўнасці – маральныя нормы жыццядзейнасці грамадства на дзяржаўным узроўні. Творчы і духоўна-маральны патэнцыял каштоўнасцяў хрысціянства ў сваёй асветніцкай дзейнасці выкарыстоўвалі Еўфрасіння Полацкая, Клімент Смаляціч, Кірыла Тураўскі і іх паслядоўнікі. Яшчэ Кірыла Тураўскі сцвярджаў: «Аще бо в глубину Божиих книг внидох, ... Бог же мира многою милостию да

створит вашему отчеству...» [2, с. 425]. Францыск Скарына імкнуўся данесці «людю простаму, паспалітаму» каштоўнасці хрысціянства, якія змяшчаюцца ў Бібліі. Прадстаўнікі свецкай літаратуры, заснаванай на хрысціянскіх каштоўнасцях, у эпоху Адраджэння «ўпершыню ў нашым рэгіёне перанеслі хрысціянскую любоў, дабро і праўду на свой народ, сваю краіну і родную мову» (У. Конан).

У эпоху Адраджэння індывідуалізм заходнееўрапейскага грамадства, заснаваны на антрапацэнтрызме, прывёў да ўзброенай барацьбы буржуазіі за свае правы, вынікам якой з'явілася стварэнне і развіццё права ў яго пазітывісцкім варыянце. У пазітывісцкай канцэпцыі сутнасць права вызначаецца зыходзячы з рэальнай сітуацыі: правы чалавеку дае дзяржава пры ўмове, што ён з'яўляецца грамадзянінам, а цэнтральнымі паняццямі выступаюць «норма», «прымус», «аўтарытэт». Згодна з натуральна-прававой канцэпцыяй, прыхільнікамі якой з'яўляліся Ф. Скарына, С. Будны, М. Літвін, А. Волан і інш., сутнасць права заключаецца ў ідэі права: у тым, якім права павінна быць, а яго змест раскрываецца праз паняцці «свабода», «розум», «справядлівасць» і інш. Сама прыналежнасць да чалавечага роду ў натуральна-прававой канцэпцыі разглядаецца як галоўная ўмова для атрымання чалавекам права на жыццё, свабоду, асабістую недатыкальнасць, што адпавядае прынцыпам хрысціянства: правы чалавек набывае пры нараджэнні, таму што ён іх варты. Каштоўнасцю хрысціянства з'яўляецца павага да ўсіх людзей, створаных па вобразе і падабенстве Божым. У хрысціянстве вобраз і падабенства Божае выступаюць як ідэал, дзейснае імкненне да якога ўзвышае чалавека, спрыяе фарміраванню маральнай культуры адносінаў з людзьмі і грамадствам. Носьбітам хрысціянскай свядомасці ў перыяд Полацкага княства і ВКЛ была перш за ўсё эліта, якая імкнуўся ўвасобіць на практыцы хрысціянскі ідэал маральнага жыцця (пра што сведчыць інстытуцыяналізацыя каштоўнасцяў хрысціянства ў Статутах ВКЛ).

У перыяд генезісу і станаўлення беларускай дзяржаўнасці агульначалавечыя маральныя нормы і гуманістычныя каштоўнасці арыентацыі, якія развіваліся ў рэчышчы хрысціянскага светапогляду, з'явіліся платформай для фарміравання першапрычын грамадзянскай супольнасці. Як асноўны закон, Статуты фарміравалі асноўную лінію мэтапакладання грамадства і кожнай асобы, рэпрэзентуючы адзінства індывідуальнага і грамадскага, закліканае рэалізавацца ў сацыяльнай практыцы з дапамогай індывідуальнага ўдзелу. Феномен маральна-прававой рэгуляцыі дазваляў упарадкаваць, падтрымліваць у пазітыўна-функцыянальным стане сістэму асноўных відаў грамадскіх адносін, рухацца па шляху цывілізацыйнага развіцця ў працэсе фарміравання беларускай дзяржаўнасці. Паспехі ў вырашэнні задач дзяржаўнага будаўніцтва ў перыяд Полацкага княства і ВКЛ сведчаць пра канструктыўны характар абранага кірунку развіцця грамадства і дзяржавы, заснаванага на канфесійных каштоўнасцях.

Літаратура

1. Ігнатоўскі, У. М. Кароткі нарыс гісторыі Бедарусі / У. М. Ігнатоўскі. – 5-е выд. – Мінск : Беларусь, 1992. – 190 с.
2. Тураўскі, К. Творы Кірыла Тураўскага / К. Тураўскі // Кірыл, епіскап Тураўскі: Жыццё. Спадчына. Светапогляд / склад. і навук. рэд. А. А. Мельнікаў. – Мінск, 2000. – С. 252–452.

Ключавыя словы мараль, духоўнасць, канфесійныя каштоўнасці, хрысціянства, маральная культура, Полацкае княства, Вялікае Княства Літоўскае.

Key words morality, spirituality, confessional values, Christianity, moral culture, Polotsk principality, Grand Duchy of Lithuania.

Прадстаўлена аўтарскае бачанне фарміравання маральных асноў старабеларускага грамадства ў кантэксце духоўных каштоўнасцей хрысціянства. Разглядаюцца сацыяльны механізм распаўсюджвання канфесійных каштоўнасцей, працэсы духоўна-маральнай жыццядзейнасці народа. Асаблівая ўвага надаецца феномену маральна-прававой рэгуляцыі.

Lahunouskaya A.A. The author's vision of the formation of the moral foundations of the old Belarusian society in the context of the spiritual values of Christianity is presented. The social mechanism of dissemination of confessional values, processes of spiritual and moral life of the people are considered. Particular attention is paid to the phenomenon of moral and legal regulation.

УДК 101.1:316

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

ЛИСОВСКАЯ Т. В.

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

В условиях трансформации современного общества изменениям подвержены и взаимоотношения общества с церковью. В современной науке существуют три ключевых гипотезы о положении религии и церкви в обществе: во-первых, фиксируется тенденция к повсеместному снижению роли церкви в обществе под давлением достижений научно-технического прогресса, во-вторых, отмечаются секуляризационные процессы преимущественно в странах с высоким уровнем благосостояния, однако среди стран третьего мира фиксируется более высокий уровень религиозности¹. В-третьих, наметилась тенденция к трансформации мировых религий в пользу индивидуалистских предпочтений, к религиозности вне рамок традиционных религиозных организаций. Все три данные гипотезы отмечают наличие секуляризационных тенденций при взаимодействии церкви и общества, индивидуализацию и приватизацию религии, что ведет к снижению институционального закрепления религиозных институтов в обществе.

Секуляризация в современном обществе проходит двумя способами – посредством институциональной и идеологической сепарации. В ходе институциональной сепарации происходит разделение институтов государства и церкви, их полномочий и сферы деятельности. Так, в Швеции в 2000 г. законодательно ликвидирован государственный статус евангельско-лютеранской церкви и началась трансформация от идентификационной модели к модели скоординированной сепарации. Те же процессы прошли в Финляндии в 1999 г. До II Ватиканского Собора ещё существовали католические государства как закрытого

¹ Согласно данным «Gallup International/WIN «Глобальный барометр надежды и отчаяния» (Global Barometer on Hope and Despair) за 2012 г.

типа (Испания), так и открытого (Венгрия, Люксембург, Ирландия, большинство стран Латинской Америки), однако после 1965 г. произошла их трансформация в светские государства скоординированной сепарации. Однако следует отметить, что официальное институциональное отделение государства от религиозных институтов происходит медленными темпами, и традиционно сохраняются относительно крепкие связи между государственными, общественными институтами и церковными [2].

Идеологическая сепарация направлена на отделение общественного мировоззрения от религиозных доктрин, ценностей, традиций, происходит переход религиозной доктрины из сферы общественной идеологии к исключительно сфере личностного мировоззрения [3]. В целом, конец XX – начало XXI века характеризуется снижением уровня религиозности, в особенности в странах Западной Европы. Оценка уровня религиозности современного общества проводилась не единожды разными организациями: Gallup International/WIN «Глобальный барометр надежды и отчаяния» (Global Barometer on Hope and Despair), «Мировые ценности» (World Values) для сопоставления ценностей и психологических установок в общества. Оба этих проекта отмечают тенденцию к снижению религиозности в процессе модернизации. Социологический опрос в рамках World Values за 2010–2012 гг. [4] выявил существенную конфессионально-цивилизационную специфику: активные секуляризационные процессы и низкий уровень религиозности протестантских стран Западной Европы, которые идут не только по пути институциональной секуляризации, но и придерживающиеся принципа религиозной нейтральности. Наибольшей резистенцией к модернизационно-секуляризирующим процессам отличается ислам, за ним (и при этом с очень заметным отставанием) следуют католическое христианство и православие. Наибольший индекс религиозности (0,75) – в Индонезии, (преимущественно исламская страна), за ней следуют три исламские арабские страны (Египет, Иордания, Марокко), далее – Нигерия (мусульманско-христианская). Все страны Африки к югу от Сахары попали в двадцатку наиболее религиозных стран мира [7]. Из 25 самых религиозных стран нет ни одной европейской страны, католическая Польша на 29 месте с индексом 0,56. Большинство европейских стран попали в группу стран с наименьшим индексом религиозности. Индекс религиозности Беларуси составляет 0,34, России – 0,35.

В целом можно говорить о крайне низком уровне религиозности всего стран западной цивилизации (включая Канаду, Австралию, Новую Зеландию и Японию), исключение составляют США с индексом 0,59 (29 место).

Следует отметить, что правительственные отчеты большинства стран Западной Европы об отношении государства к религии отражают эту проблему, когда они подчеркивают, что вера и мировоззрение – общественное благо. Религия и мировоззрение помогают выдержать чувство единения в обществе, она содержит и воспитывает ценности, поддерживают и передают традиции и поэтому религия должна рассматриваться как благо для общества. Такой подход о ценности религии для общества и государства обосновывает концепцию необходимости взаимодействия государства и общества с религиозными институтами.

Значимым показателем поворота государства в сторону религиозных институтов является доклад Министерства образования Франции («Доклад Режиса

Дебрэя», 2002 г.) «Преподавание в светской школе предметов, касающихся религии» [1], который содержит тезис об ущербности национальной системы образования на основе атеистическо-антирелигиозной или внерелигиозной парадигмы. Не смотря, а может быть и именно на основе того, во Франции создана система враждебной сепарации, в докладе отмечено: «Для всех очевидны нравственная, социальная и наследственная растерянность; всеобщее помутнение, смятение, нетерпимость, заблуждение, плохое состояние духа... Образовался некий разрыв в передаче наследия, которым раньше занимались церковь, семья, обычай, гражданственность, что впоследствии легло на плечи народного образования, которое должно было обеспечить элементарную ориентацию в пространстве и во времени. Однако гражданское общество оказалось не в состоянии все это обеспечить» [1].

Сегодня идет активное обсуждение, в каком направлении следует развиваться взаимоотношения государство/общество – церковь, в каком направлении должна эволюционировать система сепарации государства и церкви? Характерно, что вопрос о сближении государства и церкви активно обсуждается во Франции, в системе «враждебной сепарации», где государство стремилось вытеснить религию из всех сфер общественной и государственной жизни. Сторонником идеи активного сотрудничества государства с религиозными институтами был предыдущий президент Франции Николя Саркози, который сформулировал принцип «позитивной светскости» государства – необходимым элементом общественных отношений является сотрудничество государства и церкви в реализации социально значимых задач при сохранении принципа разделения государства и церкви.

Таким образом, следует отметить, что общепринятым является понимание необходимости сотрудничества государства и религиозных организаций особенно в процессе формирования нравственности и социализации молодого поколения, сохранения традиционных ценностей и интеграции общества, что становится особенно актуальным в условиях глобализации и связанных с ней негативных последствиях.

Во взаимоотношениях государство/общество – церковь позиция религиозных организаций основывается на традиционном подходе определения места церкви в обществе. Ортодоксальная трактовка взаимодействия церкви и государства предполагает невмешательство церкви в мирскую, а тем более политическую, государственную жизнь, так как важнейшей миссией религиозной общины является создание условий для внутреннего общения верующего с Богом, целью которого является утверждение человека на пути «обожения» или устранения многочисленных наслоений неподобия Богу, связанных с греховностью и тварностью человеческой природы [8]. В отношении социальной концепции христианства опирается на принцип всеобщего предназначения земных благ для обеспечения социального равенства и справедливости посредством помощи социально незащищенным категориям общества.

Социальная доктрина религиозных организаций основана на религиозной концепции и декларируется в программных документах – доктрине, концепции, позиции той или иной организации. Как правило, все программные документы конфессий направлены на определение отношений церкви и других социальных институтов общества, прежде всего властных.

Программным документом, представляющим социальное учение Русской православной церкви, являются «Основы социальной концепции РПЦ» (2000 г.) [12], Римо-католического костела – Компендиум социального учения Церкви [6] (2004 г.), протестантских деноминаций – «Социальная позиция протестантских церквей России» [14], «Вероучение Объединенной церкви христиан веры евангельской в Республике Беларусь» (2021 г.) (2003 г.), мусульман – «Основные положения социальной программы российских мусульман» (2001 г.), социальное учение иудаизма изложено в «Основах социальной концепции российского иудаизма» (2002 г.) [13].

Традиционно областями сотрудничества Церкви и государства в нынешний исторический период являются, в частности, дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ; труды по профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы; поддержка института семьи, материнства и детства. Однако сфера заинтересованности и области взаимодействия церкви и общества выходят за рамки традиционных социальных программ и благотворительности и включают вопросы биоэтики, милитаризации, экологии, СМИ, глобализации и секуляризма.

Во всех вышеперечисленных программных документах определены сферы взаимодействия церквей и государства: поддержка института семьи, материнства и детства; служение милосердия и благотворительность; посильная деятельность в профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы.

В целом, в социальной позиции религиозных организаций можно выделить несколько аспектов:

- вопросы социализации церкви и верующих (вопросы взаимодействия с обществом и государством);
- вопросы реализации принципа социальной справедливости и солидарности;
- вопросы отношения к вызовам/аспектам развития современного общества, находящимся в плоскости религиозно-нравственных установок.

Вопросы взаимоотношения религиозных институтов с государством достаточно сложные. Программные документы вышепредставленных церквей все декларируют принцип политической нейтральности. Религиозные организации не участвуют в политической борьбе, у них нет политических амбиций. Вместе с тем между церковью и государством должен быть диалог и сотрудничество в решении разнообразных жизненно важных вопросов, а также документы предоставляют право участия в политической деятельности своим последователям. Однако исследователи отмечают, что рост геополитической напряженности в мире, изменение конфигурации мирового порядка после распада СССР, вспышки межнациональных и межконфессиональных конфликтов спровоцировали пересмотр политики отдельных религиозных организаций по отношению к государству. Особенно ярко эта тенденция проявляется в деятельности Руской православной церкви, украинских неопятидесятников [9, с. 195; 10, с. 104; 11, с. 16]. Так, если социальная концепция РПЦ, принятая в августе 2000 г., предполагала невмешательство церкви в дела политические, то в своем докладе на Архиерейском Соборе РПЦ 2 февраля 2013 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл сделал акцент на активном осуществлении диалога и сотрудничества Русской

православной церкви со всеми ветвями и уровнями государственной власти [5]. Таким образом, если в 2000 г. в «Основах социальной концепции Русской православной церкви» РПЦ открыто высказала свою позицию, направленную на отделение религиозной организации от государства, то уже с 2003 г. вектор церковно-государственных отношений изменился, произошел перелом в пользу партнерства. В 2010 г. представители духовенства и власти начали обсуждать стратегию развития государственно-конфессиональных отношений на современном этапе, где политические и идеологические функции церкви существенно расширились в контексте поставленных светской властью задач [8, с. 80].

Следует отметить, что в социальных доктринах современных церквей разработаны принципы сотрудничества с обществом и выполнением каждого из верующих своих гражданских обязанностей.

В центре концепции взаимоотношения с обществом – христианская концепция социального Евангелия, которое заключается в активизации детальности верующих в обществе, большего восприятия ими общественных, образовательных, социальных и политических сфер бытия. Социальное взаимодействие последовательно реализует принцип социальной справедливости (во всеобщем предназначении земных благ) и солидарности (соучастия в нуждах и потребностях общества). Важным является то, что социальное служение церквей не ограничивается только восстановлением справедливости там, где она попорана, но включает и борьбу за достоинство человеческой личности средствами милосердия и любви, а также внеконфессиональный и вненациональный характер помощи: ближний тот, кто нуждается в помощи. Кроме того, социальная деятельность церквей выходит за пределы деклассированных слоев населения.

Одной из актуальнейших проблем современности является бурное развитие биомедицинских технологий, в связи с чем возникает ряд этических и нравственных вопросов, касающихся вопросов эвтаназии, донорства, палиативной терапии, клонирования, экстракорпоральных технологий, суррогатного материнства. В отношении ряда инновационных технологий религиозные организации позитивно принимают инновации. Однако в отношении отдельных аспектов научно-технического прогресса закрепляются традиционные религиозно-нравственные установки (клонирование, эвтаназия, ЭКО).

Сравнительный анализ социальных доктрин традиционных религиозных течений позволяет говорить о существующем единстве понимания основной роли религиозных общин в обществе – социальное служения. В качестве основных элементов выступают: доступность социальной помощи людям религиозным и нерелигиозным; сотрудничество различных конфессиональных организаций; взаимодействие с государственными учреждениями в социальном служении.

Таким образом, рассматривая вопросы взаимодействия религиозных организаций с обществом на современном этапе можно отметить тенденцию к трансформации места религии и ее институтов в общественном сознании, что проявляется в секуляризационных процессах и деинституционализации религии. При этом, в данных условиях религиозные организации, сохраняя традиционные духовно-нравственные установки, активизируют социальную деятельность, включаются в социальную среду через свои социальные проекты, демонстрируют большую открытость обществу.

Литература

1. Debray, Régis. Rapport au ministre de l'Education nationale «L'enseignement du fait religieux dans l'Ecole laïque», Février 2002. – Paris: Odile Jacob, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://journals.openedition.org/assr/1215>. – Дата доступа : 1.07.2012.
2. Jonathan Fox and Shmuel Sandler. Separation of Religion and State in the Twenty-First Century: Comparing the Middle East and Western Democracies.
3. Rex, Ahdar. Religious Freedom in the Liberal State / Rex Ahdar, Ian Leigh. – Oxford University Press, 2005.
4. World Values Survey 2010–2012 // World Values Survey [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>. – Дата доступа : 1.06.2021.
5. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Архиерейском Соборе Русской православной церкви 2 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3453393.html>. — Дата доступа: 28.05.2021
6. Компендиум социального учения Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.caritas-spb.org.ru/wp-content/uploads/2011/12/Compendium.pdf>. – Дата доступа : 1.05.2021.
7. Коротаев, А. В. Религиозность в странах современного мира: сравнительный анализ / А. В. Коротаев, Т. И. Столярова. Д. А. Халтурина // Историческая психология и социология истории. – 2012, Т. 5, № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sociounauki.ru/journal/articles/148921/>. – Дата доступа : 28.05.2021
8. Мазур, С. О. Взаимодействие церкви и государства в контексте современной геополитической ситуации / С. О. Мазур // Философия и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 79–82
9. Мокієнко, М. М. Пізній протестантизм в Україні: інституційний та суспільно-політичний аспекти (1991–2004 рр.) : дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / М. М. Мокієнко. – Запоріжжя, 2007. – 220 с.
10. Надтока, Г. Активізація діяльності релігійних організацій в контексті побудови громадянського суспільства в Україні / Г. Надтока // Релігійна свобода: природа, правові і державні гарантії. – К., 1999. – С. 99–105.
11. Назаркіна, О. І. Протестантські конфесії України в 90-ті роки ХХ ст.: баптистські та п'ятидесятницькі течії : автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / О. І. Назаркіна; Донецький нац. ун-т. – Донецьк, 2003. – 19 с.
12. Основы социальной концепции РПЦ // Русская православная церковь. Официальный сайт Московского патриархата [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>. – Дата доступа : 3.12.2012.
13. Петрова, И. Э. Социальное учение и социальное служение конфессиональных организаций в России / И. Э. Петрова // Социология. Психология. Философия Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 3. – С. 289–293.
14. Социальная позиция протестантских церквей России // Российский объединенный союз Христиан веры евангельской [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1379387>. – Дата доступа : 12.03.2021.

Ключевые слова: социальная работа, благотворительность, секуляризация, церковь и государство.

Key words: social work, charity, secularization, Church, State.

В статье поднимаются вопросы взаимоотношений церкви и общества, отмечена тенденция к трансформации места религии и ее институтов в общественном сознании в рамках процесса секуляризации общества, которая проявляется в форме институциональной и идеологической секуляризации. Автором проанализирован уровень религиозности общества, социальные концепции основных конфессий и сделаны выводы, что религиозные организации в данных условиях, сохраняя традиционные духовно-нравственные установки, активизируют социальную деятельность, включаются в социальную среду через свои социальные проекты, демонстрируют большую открытость обществу.

The article raises questions of the relationship between the Church, State and society, notes the tendency to transform the place of religion and its institutions in the public consciousness within the framework of the process of secularization of society, which manifests itself in the form of institutional and ideological secularization. The author analyzed the level of religiosity of the society, the social concepts of the main confessions and concluded that religious organizations in these conditions, while maintaining traditional spiritual and moral attitudes, intensify social activity, are included in the social environment through their social

УДК 008 (470) + 37.018.11

СТАНОВЛЕНИЕ И СПЕЦИФИКА СЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

ЛОЙКО Н. Н.

*Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь*

Самым первым институтом, в котором закладываются все фундаментальные ценности, становится для человека семья. Здесь начинается воспитание личности, здесь формируются самые первые нравственные принципы, здесь создается эмоциональная среда, в которую человек будет либо стремиться, либо всячески избегать.

Еще до становления системы образования и появления школ и профессиональных учебных заведений семья давала ребенку первые представления о добре и зле, первые знания об окружающем мире, а нередко и азы грамотности.

В русской культуре, начиная с периода принятия христианства, появляется особое понимание цели образования. Критерием рассмотрения человека становится его сотворение по образу и подобию Бога. Соответственно, конечная цель всякого образования – совершенствование образа Божьего в человеке, т. е. всех духовных даров: свободы, творчества, любви, познания истины, сокрытой не во внешних знаниях, которые могут лишь навредить душе, а в богопознании, обретении «мудрости свыше». Классическими в данном случае выступили Священное Писание и святоотеческие тексты. В данном контексте образование стало пониматься как возможность достижения предельного смысла существования человека, как приобщение божественному миру, осуществление богочеловеческого процесса.

Уже в Древней Руси образование и воспитание, становясь единым целым, осуществляется в лоне семьи и основывается на указанной образовательной установке: воспитать прежде всего достойного христианина.

Показательным здесь может стать пример из записи в «Повести временных лет», которая гласит, что еще князь Владимир «посылал собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное». При этом «матери же детей плакали о них, ибо не утвердились еще они в вере, и плакали о них, как о мертвых» [6].

Данные идеи неоднократно подчеркиваются в «Домострое», «Гражданстве обычаев детских» Епифания Славинецкого, «Вечере душевной» Симеона Полоцкого и других источниках.

«Домострой», например, повелевает «заботиться отцу и матери о чадах своих; обеспечить их и воспитать в доброй науке: учить страху Божию и вежливости, и всякому порядку» [2].

Помимо религиозного воспитания личности, в семье передавались и профессиональные навыки. В крестьянских семьях ремёсла переходили по наследству. Дети князей также получали семейное образование, однако более высокого уровня. К ним приглашали наставников из числа знатных бояр. Княжеских детей обучали не только седлать лошадей или печь хлеб, но и грамоте. Образование имело также религиозную направленность – грамоте обучали по церковным книгам, а главной функцией приглашенных учителей также было нравственное воспитание и духовное развитие детей.

Ценность обучения и передачи важнейших христианских знаний, заключенных прежде всего в Священных книгах, показывает следующий пример. Книги стоили достаточно дорого для среднестатистической семьи. Сохранилась запись архиепископа Афанасия о покупке церковных книг: «Новый Завет приобрели за три рубля», «Мир с Богом» за один рубль и «Ключ разумения» за четыре рубля. На эти деньги в то время можно было купить лошадь [6]. Поэтому важнейшие тексты, например Псалтири, зачастую заучивались наизусть и передавались из уст в уста.

Итак, в древнерусский период семейное образование основывалось на «домашнем учении», приоритетным в котором было христианское воспитание, нежели получение знаний.

Уже при Петре I меняется концепция образования, что было связано с нарастающей потребностью государства в образованных служащих и привело к открытию первых учебных заведений среднего и высшего звена. Заниматься там могли только дворянские дети. При поступлении они должны были уметь читать, писать и считать, то есть получить в домашних условиях начальное образование.

Петр I сформировал потребность в качественном образовании, основу которого также закладывала семья. Дворяне, желающие дать хорошее образование своим детям, которое бы способствовало их продвижению по службе, стали приглашать иностранных учителей. Началась эпоха гувернёров в обучении дворянских детей. Гувернёр (от французского *gouverner* – «управитель») – нанятый воспитатель, который занимался с детьми определёнными дисциплинами. Для младших это был счёт и грамота, подросткам преподавали арифметику, геометрию, русскую словесность, иностранные языки, историю, географию, физику, астрономию, рисование и музыку.

Кроме того, часть предметов носила чисто прикладной характер, чтобы применять знания в реальной жизни. Мальчиков учили военным наукам для поступления на службу, а также архитектуре, чтобы периодически перестраивать усадьбу. Девочек приучали к рукоделию и домоводству, чтобы в будущем стать хорошими женами.

Важным условием домашнего образования являлся дух семейного уклада. В наставники старались брать тех, кто мог стать для ребёнка примером для подражания. Гувернёрами в своё время работали, например, поэт Василий Жуковский и баснописец Иван Крылов. Благодаря приглашённым иностранным педагогам члены императорской фамилии и аристократии в домашних условиях получали блестящее образование.

Однако не все имели возможность нанять хорошего учителя. Мелкопоместные дворянские семьи часто пользовались услугами сельских священников, грамотных крестьян, случалось, что сами родители занимались домашним обучением детей. Иногда семьи, живущие по соседству, нанимали одного гувернёра для нескольких детей.

В 1737 году императрица Анна Иоановна издала указ об обязательном начальном образовании дворянских детей: к двенадцати годам недоросли должны были быть грамотными, кто же из них ничему не научался и к шестнадцати годам, тех отдавали в матросы. Учебная повинность для «губернских дворянских и приказного чина, дьячих и подьячих детей от 10 до 15 лет» вызвала недовольство родителей, поскольку купцы и ремесленники традиционно учили наследников грамоте сами, одновременно с этим обучали и торговле. Из-за этого купцы не могли своевременно передать семейное дело детям [4].

При Екатерине Великой в 1764 году впервые появляется учебное заведение для девушек – «Императорское воспитательное общество благородных девиц», впоследствии «Смольный институт». Оно было основано по инициативе И. И. Бецкого, видевшего необходимость воспитать новую породу людей на принципах Просвещения. Но кроме этого важной целью обучения девушек стало желание взрастить тех, кто сможет дать это благо знаний своим детям, то есть прежде всего в семье. В воспитанницах Смольного института А. П. Сумароков, убежденный сторонник женского образования в России, видел «будущих культурных матерей, причастных развитию искусства и науки России» [5, с. 81].

Семейное (домашнее) образование в первой половине XIX в. осуществлялось «отечественными священнослужителями, преподавателями высших учебных заведений (в начале века – чаще иностранцами), студентами российских университетов и духовных академий, выпускниками гимназий и пансионов, а также образованными слугами. В зависимости от социального положения, уровня образованности, вероисповедания и других факторов одни из них становились домашними наставниками и учителями, а другие (это относилось к слугам, чаще иностранного происхождения) – боннами (нянями) и гувернерами (воспитателями)» [1]. Важную роль в образовании и воспитании ребенка играли его родители, которые, по сути, сами выбирали учителей и следили за их нравственным обликом.

Чтобы повысить качество домашнего обучения, в 1834 году было принято два важнейших документа: «Положение о домашних наставниках и учителях» и «О воспреещении принимать в должности по домашнему воспитанию иностранцев, не получивших аттестатов от русских университетов». С принятием этих законов учителя должны были быть христианами и российскими подданными, обязательным стало наличие «Удостоверения о нравственных качествах».

Идеи, в которых осмыслялось место и роль семьи в воспитании ребенка, прослеживались у многих представителей русской философско-педагогической мысли. Особенно ярко размышления о семье как истинной школе звучат у В. В. Розанова. «Лишь семья ... может воспитать в детях существеннейшие стороны культуры, привить ее самые одухотворенные, эфирные частицы» [7, с. 222]. Схожая мысль звучит и у К. Д. Ушинского, который создавал свои учебные книги не только как пособия для учителей с целью изучения в школе,

но как пособия для семейного чтения, и рекомендовал их для родителей (прежде всего, матерей), способных подготовить ребенка к последующему обучению в гимназии. «Я желал бы, чтобы русская женщина, испытав глубокое наслаждение самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслаждения никому без крайней необходимости» [8, с. 281]. К. Д. Ушинский также развивает идею о том, что семья ответственна и за национальное воспитание ребенка, приоритетным в котором становятся родной язык, православная вера, патриотизм. Продолжая эти рассуждения, видный русский философ И. Ильин призывает к тому, чтобы семья, закладывая в ребенке основы духовности, посредством воспитания в нем веры, пробуждения сердца, раскрытия совести, воспитания деятельной воли. «Семья есть исходная ячейка духовности, ...так как именно в семье человек впервые научается (или, увы, не научается!) *быть личным духом*» [3, с.187]

Мы видим, что здесь звучит одна очень важная, не до конца еще понятая сегодня мысль о том, что прежде даже личности учителя и прежде всякого знания человек должен обрести подлинную семейную школу любви, где формируются первые и самые важные представления о мире и ценностях. И чем больше ребенок находится в семье, а не в «структуре», тем легче ему впоследствии обрести собственную целостность и внутренний стержень.

Подлинное образование, которое начинает формироваться еще в семье, исходя и из древнерусской мудрости, и опираясь на русскую философско-педагогическую мысль – это не приращение знаний и навыков (что лишь затмевает истинную цель существования человека), а постижение божественной мудрости, и, как итог – восстановление духовности и утраченного образа Божьего в человеке.

Именно семейное воспитание и образование стало важным этапом в формировании большинства гениальных исторических личностей и является неотъемлемым этапом становления классического образования в современном мире. Сегодня данная традиция возрождается во многих странах, где, в силу ряда исторических причин, оно было отодвинуто на второй план. Традиция начального домашнего образования, которое было характерно для дворянской культуры XVIII–XIX века, восстанавливается на постсоветском пространстве, создаются семейные классы на основе объединяющих их ценностей.

Например, в России с 1992 года семейное образование вернулось в правовое поле, а в 2012-м стало самостоятельной формой обучения наравне со школьным. В Беларуси также многие родители выбирают семейное образование (переходя на индивидуальный план обучения) как альтернативу школьному образованию, понимая насколько важным является для ребенка семья, и посвящая себя воспитанию и образованию творческой личности, раскрывая все заложенные в ней таланты.

Литература

1. Домашнее образование в России в первой половине XIX в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1193140252&archive=1195596785&start_from=&ucat=&. – Дата доступа: 31.05.2021.

2. Домострой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://librebook.me/domostroi-vol1/21>. – Дата доступа: 31.05.2021.

3. Ильин И. Путь духовного обновления / И. Ильин // Основы христианской культуры. – СПб. : Шпиль, 2004. – С. 64–351.

4. История образования: от первых школ Руси до советских [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/253541/istoriya-obrazovaniya-ot-pervykh-shkol-rusi-do-sovetskikh>. – Дата доступа: 31.05.2021.

5. Лотман, Ю. М. Женское образование в XVIII – начале XIX века / Ю. М. Лотман // Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). – СПб : Искусство-СПБ, 1998. – С.75–88.

6. Первые книги для детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/253021/pervye-knigi-dlya-detei>. – Дата доступа: 31.05.2021.

7. Розанов, В. В. Семья как истинная школа / В. В. Розанов // Сумерки просвещения. – М. : Педагогика, 1990. – С. 219–227.

8. Ушинский, К. Д. Родное слово. Книга для учащихся / К.Д.Ушинский // Родное слово. Книга для детей и родителей. – М. : Лествица, 2003. – С. 279–378.

Ключевые слова: семья, семейное образование, христианское воспитание.

Key words: family, family education, christian upbringing.

В статье раскрывается история развития и становления семейного образования в русской культуре, начиная с древнерусского периода и до наших дней. Особая роль отводится месту христианского воспитания в семье как основе духовного становления личности.

The article reveals the history of the development and formation of family education in Russian culture from the Ancient Russian period to the present day. A special role is given to the place of Christian upbringing in the family as the basis for the spiritual development of the individual.

УДК 159.95

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРИВЫЧКИ ВЗРОСЛЫХ С РАЗНЫМИ РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫМИ СИСТЕМАМИ

МЕДВЕДСКАЯ Е. И.

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

В информационном обществе наряду с существованием различного контента информации присутствует также и разнообразие ее носителей, которое по полюсам «традиционный – современный» может быть представлено как «бумажный – цифровой».

Тенденция к сокращению числа любителей книги и традиционного чтения начала фиксироваться специалистами несколько десятилетий назад, еще в эпоху расцвета телевидения как итог вполне ожидаемого выигрыша новой технологии в конкурентной борьбе за потребителя информации. Однако гуманитарные последствия этого выигрыша обобщенно можно охарактеризовать как деинтеллектуализацию, поскольку именно с привычкой длительных телепросмотров специалисты связывают рост числа функционально неграмотных (т. е. лиц, не умеющих пользоваться печатными текстами для бытовых, учебных, производственных нужд, несмотря на наличие определенного уровня

образования) среди подростков / юношей и рост числа алитератов (т. е. лиц, обращающихся к письменной речи только при необходимости, под давлением жизненных обстоятельств) среди представителей более старших поколений.

Согласно данным, полученным российской исследовательской организацией «Левада-Центр» в 2008 г. по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, россияне стали читать намного меньше, о чем свидетельствует статистика как посещения публичных библиотек, так и наличия собственных собраний книг. В частности, с 1995 по 2005 г. количество семей, вообще не имеющих домашнюю библиотеку, увеличилось с 58 до 70 %. По мнению социологов, такой значительный рост свидетельствует о «...разрастании социального массива, не нуждающегося в письменно-печатной культуре и довольствующегося ТВ, “общества телезрителей”» [1, с. 184]. Подобные тенденции наблюдаются во всем мире. К примеру, читательская активность 18–35-летних американцев за менее чем 20 лет сократилась на 28 %, т. е. читают в основном люди взрослого и пожилого возраста [2]. Это дает основание говорить о том, что будущее скорее за цифровыми технологиями, чем за печатными СМИ и даже телевидением (которое молодым людям кажется слишком медленным).

Интернет можно считать приемником телевидения по критерию экранного способа передачи информации. Он не просто ускоряет информационный поток, персонифицирует его и переводит в интерактивный режим производства / потребления. Интернет-технология расширяет и варианты кодирования информации, добавляя к привычному для зрителя у телеэкрана потоку «сырой» визуально-аудиальной модальности (симуляция реальности) возможности передачи информационного сообщения в уже обработанной и превращенной форме (письменное слово, графика, схема и др.). Таким образом, интернет расширяет каналы восприятия информации у ее пользователей. Поэтому можно предположить, что этот более широкий спектр модальностей кодирования информации является одной из причин популярности данной технологии.

Благодаря теоретико-эмпирическим работам в парадигме нейролингвистического программирования в психологии достаточно прочно закрепилось понятие репрезентативной системы как доминирующего способа восприятия и переработки информации. Это понятие широко применяется не только в практике оказания психологических услуг (бизнес-консультирование, разрешение межличностных конфликтов и др.), но и в образовательной практике на разных ступенях. Думается, что его использование априори оправдано в области объяснения также практики повседневного использования определенных информационных носителей в сложившихся условиях их плюрализма. Следует также отметить, что информационные привычки только начинают становиться предметом изучения. К примеру, одни специалисты, занимающиеся конструированием формальной модели способов использования ИКТ, используют термин «цифровая привычка» [3] вместо имеющего достаточно высокую эмоциональную нагрузку термина «цифровой след». Другие, обосновывающие направления предупреждения различных техногенных зависимостей, говорят о «мониторных» привычках [4] или привычках длительного взаимодействия с экранами электронных устройств. Поэтому в контексте настоящего, более широкого контекста анализа, вполне оправданным представляется и более широкий термин: информационная привычка – как наиболее удобный, приемлемый для пользователя способ обращения к определенному носителю информации.

Организация исследования

Сбор эмпирических данных осуществлялся на протяжении 2020 гг. Общая выборка исследования составила 200 взрослых (от 36 до 64 лет) разного пола. Все респонденты имеют высшее образование и работают по специальности (педагоги, медики, экономисты, работники учреждений культуры, инженеры). Таким образом, выборку можно считать гомогенной по трем критериям:

1) завершенность основных циклов когнитивного и личностного развития респондентов в доцифровую эпоху; 2) интеллектуальный характер труда; 3) равноценное профессиональное владение различными системами информации (традиционной/печатной и современной/цифровой).

Одной из существенных методических проблем является дифференциация выборки по основанию их привычек использования (привычка – это «поведение, образ действий, склонность, ставшие для кого-нибудь в жизни обычными, постоянными» [5, с. 588]) информационных носителей. В последние десятилетия все квалифицированные работники умственного труда (а именно так обобщенно можно охарактеризовать выборку) приобрели разнообразные навыки использования цифровых технологий, которые особенно расширились в условиях пандемии Covid-19. Кроме того, с распространением мобильного Интернета социокультурная среда из техногенно насыщенной превратилась в смешанную реальность [6] или реальность онлайн [7], в условиях которой фактически невозможно отследить длительность использования определенного информационного носителя. Указанные причины не позволяют использовать наиболее очевидные основания, каковыми являются навыки и время обращения с носителями информации, для дифференциации выборки. Однако, если рассматривать привычку не только как поведение, а как склонность, то таким основанием может стать самостоятельный выбор субъектом предпочитаемого носителя информации. Этот выбор в настоящем исследовании был операционализирован в анкете, которая, среди прочих, содержала следующую вопросную ситуацию: «У вас 1 час свободного времени. Перед вами интересная для вас книга и компьютер с доступом в Интернет. Как вы проведете этот час: с книгой или Интернетом. Почему?».

Изучение доминантной репрезентативной системы участников исследования осуществлялось посредством одноименного теста Т. James (1990), позволяющего определять следующие системы: визуальную (зрение), аудиальную (слух), кинестетическая (ощущения) и дигитальную (логика).

Результаты и их обсуждение

Обработка данных анкетирования показала следующее.

41 участник исследования однозначно отдает свой выбор печатной книге (20,5 %). В дальнейшем обсуждении эта подгруппа будет обозначаться как «активные читатели».

73 человека также однозначно предпочитают Интернет (36,5 %) и фиксироваться при дальнейшем анализе будут соответствующим образом («активные интернет-пользователи»);

Оставшиеся члены выборки (43 %) не имеют четких приоритетов в своей склонности использования определенных информационных носителей, поэтому из дальнейшего анализа они исключены.

В таблице представлены итоги измерения ведущей репрезентативной системы для двух выборок взрослых, контрастно отличающихся по своим информационным привычкам.

Таблица – Доминантная репрезентативная система у взрослых с разными информационными привычками

Ведущая репрезентативная система	Активные интернет-пользователи	Активные читатели	Значения критерия Фишера
Аудиальная	10	17	0,2
Визуальная	7	10	0,1
Кинестетическая	34	23	1,25
Дигитальная	39	42	0,05
Смешанная	10	8	0,07

Данные, содержащиеся в таблице, позволяют сделать несколько основных заключений.

Во-первых, наиболее распространенными среди исследованных взрослых являются две системы: дигитальная и кинестетическая. Эти данные полностью отвечают исследованиям на выборке белорусских студентов, у которых названные две системы оказались доминантными, а аудиальная и визуальная – субдоминантами [8]. Если преобладание дигитальной репрезентативной системы вполне объяснимо с учетом рода занятий студентов и профессионалов, то распространенность кинестетической системы (опять же, у лиц разных возрастов) еще нуждается в своем дальнейшем изучении. Кроме того, представленные данные отличаются от результатов сравнительных исследований российских ученых [9], в которых установлено, что кинестетическая система доминирует в младшем школьном возрасте. У студентов (20–22 года) начинает преобладать визуальная модальность восприятия, а в более старшем возрасте (30–35 лет) у женщин доминирующей становится аудиальная, а у мужчин – кинестетическая репрезентативная система.

Во-вторых, как демонстрируют расчеты критерия углового преобразования Фишера, у активных интернет-пользователей и у активных читателей отсутствуют достоверные отличия по доминирующим репрезентативным системам ($\phi = 1,64$ для $p \leq 0,05$).

В целом, полученные эмпирические данные позволяют отвергнуть высказанную гипотезу, а вместе с ней и психофизиологические объяснения привлекательности для потребителей информации определенных ее носителей.

Литература

1. Дубин, Б. В. Чтение в России-2008. Тенденции и проблемы / Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая. – М. : Межрегион. центр библиотечного сотрудничества, 2008. – 80 с.
2. National Endowment for the Arts. Reading at risk. A Survey of Literary reading in America : Research Division Report. – Washington. 2004.
3. Рыжов, Э. П. Об одной модели цифровых привычек / Э. П. Рыжов, П. А. Новиков // Интеллектуальные системы. Теории и приложения. – 2017. – Т. 21, Вып. 4. – С. 91–100.
4. Кудрявцев, М. Д. Влияние мониторинговых вредных привычек на здоровый образ жизни студентов / М. Д. Кудрявцев, И. Е. Крамида, А. Ю. Осипов // Теория и практика физической культуры. – 2016. – № 6. – С. 24–26.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

6. Солдатова, Г. У. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности / Г. У. Солдатова // Культурно-историческая психология. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 87–97.

7. Floridi, L. The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality / L. Floridi. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 264 p.

8. Лобанов, А. П. Ведущая репрезентативная система и динамика ее развития в контексте теории сенсорно-перцептивных способностей / А. П. Лобанов, Н. П. Радчикова // Вестник Псковского государственного университета. Сер. «Психолого-педагогические науки». – 2016. – № 4. – С. 125–131.

9. Быструшкин, С. К. Влияние психологических свойств личности на ушкин, воспроизведение зрительной информации / С. К. Быструшкин [и др.] // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 4. – С. 136–144.

Ключевые слова: репрезентативная система, информационная привычка, печатная книга, цифровой носитель информации, сравнительный анализ.

Key words: representational system, information habit, printed book, digital storage medium, comparative analysis.

Представлены результаты эмпирической проверки гипотезы о формировании практики использования определенного носителя информации в зависимости от ведущей системы восприятия субъекта. Сравнительный анализ показал наличие статистически одинакового числа лиц с разными доминирующими репрезентативными системами в группах взрослых, отличающихся своими информационными привычками (любителей традиционного бумажного чтения и активных интернет-пользователей).

The article presents the results of an empirical test of the hypothesis about the formation of the practice of using a certain information carrier, depending on the leading perception system of the subject. Comparative analysis showed the presence of a statistically equal number of persons with different dominant representational systems in groups of adults differing in their information habits (lovers of traditional paper reading and active Internet users).

УДК 008:304.2

ДИНАМИКА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРОВАННОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

МЕДИЧЕНКО Л. Е.

*Государственное учреждение образования
«Брестский областной институт развития образования»
Республика Беларусь*

В современном мире глобализационные процессы, как внешняя причина социокультурной динамики, способствуют развитию межкультурной коммуникации как источника динамики национальной культуры. Результатом вовлечения национальных (локальных) культур в единое коммуникативное пространство является изменение структуры локальной идентичности, что оказывает влияние на социализацию молодежи.

Структура локальной идентичности меняется в зависимости от того, как возрастает или наоборот снижается вес тех или иных составляющих уровней и базовых элементов коммуникационных процессов. Динамика национально-культурной идентичности связана с тем, что глобализированная межкультурная коммуникация дополняет прежние формы локальной идентичности новыми качествами: множественностью, незаконченностью, подвижностью, гибкостью, что является отражением способности индивида отвечать на постоянно меняющиеся вызовы окружающей культурной действительности [1].

Процессам вовлечения локальных культур в единое коммуникативное пространство способствовали современное технологическое развитие, ориентированное «на унификацию, на единые стандарты и гомогенизацию»; распространение массовой культуры; мозаичность культуры постмодерна [2, с. 7]. Результатом воздействия глобализированной межкультурной коммуникации является трансформация локальных традиций, так как ценностные ориентиры и локальные культурные практики нередко не вписываются в параметры глобализации, что, в свою очередь, активизировало ряд социальных противоречий, где особое место занимает проблема локальной идентичности.

Тем не менее, современные исследования показывают, что динамика идентификационных практик локальных культур ориентирована на формирование межкультурного коммуникативного потенциала, содержание которого обусловлено сформировавшейся мировой идентификационной моделью. Она предполагает одновременное взаимодействие двух тенденций: глобальной (принадлежность каждого индивида к абстрактному человеческому сообществу) и локальной (принадлежность индивида к самобытному культурному образу, избираемому по “мягкому” принципу с открытой возможностью изменения ситуации) [1, с. 16]. Мы видим, что различные модусы идентичности специфически выражают противоречивый характер современной межкультурной коммуникации. Поэтому в современной культуре обретение национальной (локальной) идентичности не только является объектом информационного противоборства [3], но и дает возможность индивиду, исходя из многообразия существующих тенденций, открывающихся ему в пространстве глобализированной межкультурной коммуникации, создавать себя самому в соответствии со своим выбором. Следовательно, национальная (локальная) идентичность, представляя собой конструкт, должна формироваться и поддерживаться с учётом потребностей социума, ориентируясь на специфику социокультурной ситуации.

В эпоху глобализации доминирующей формой развития и гарантом культурного суверенитета выступает национальная (традиционная) культура, выступающая в гражданском обществе не только символ нации, но и одним из маркеров гражданской национально-культурной идентичности. Это дает нам возможность предположить, что самоидентификация представителей современных наций в меньшей, чем в предшествующие эпохи степени зависит от их этнической принадлежности. В большей степени самоидентификация индивидов зависит от свободного выбора в связи с разделением ими основных ценностей культуры и ментальных черт общности, с которой они себя идентифицируют.

Специфические требования обретения национально-культурной идентичности, предъявляемые индивиду глобализированной межкультурной коммуникацией, подталкивают его к необходимости поиска адекватных способов адаптации к новым условиям. Однако, в современном мире для индивида приоритетным становится «индивидуальный проект» существования, производящий как внешнее, так и внутреннее структурирование представлений о культурной реальности, переживаемой в высшей степени персонально (персонификация идентичности), что является отражением кризиса локальной идентичности и фактором динамики, диктующим усиление ее интенсивности.

Сегодня в современном социальном познании преобладающей является конструктивистская парадигма трактовки нации, как «воображаемой политической общности» (Б. Андерсон, В. А. Тишков, Б. Г. Капустин, А. Г. Здравомыслов). При конструктивистском подходе в процессе формирования модели национальной культуры для ее носителей важно существование согласованного мнения о том, какие признаки являются дифференцирующими, т. е. отличающими данную национальную культуру от других. Важна не сама по себе культурная отличительность группы, а общность представлений ее членов о маркерах, определяющих процессы самоидентификации. Значение и роль маркеров в восприятии носителей национальной культуры меняются в зависимости от исторической ситуации, от особенностей этнического окружения и многих других факторов. Поэтому мы становимся свидетелями того, что в современном гражданском обществе конструируются механизмы идентификации и социализации индивидов на основе актуализация значимости своей национальной культуры как стратегического фактора социального единства.

Таким образом, характер и проблемы национально-культурной идентичности определяются социально-культурным контекстом – состоянием культуры, спецификой менталитета народа. Как отмечают исследователи, «белорусский менталитет формировался в особом геополитическом пространстве, на перекрестке восточной и западной цивилизаций, что обусловило влияние разных культур, традиций, религий, государственных форм. Белорусы на протяжении своего исторического пути впитывали и соединяли в своей культуре, отношении к миру, характере различные ценностные системы, ориентиры, идеалы. Это привело к тому, что культура и менталитет современных белорусов занимают срединное положение между социокультурными традициями Запада, как носителя технократической культуры, и Востока, как носителя коллективистской культуры» [4, с. 260]. «Основным принципом жизнедеятельности белорусов является коллективизм, который проявлялся в форме громады, сельской или соседской общины, возникшей на основе необходимости регулирования практики землепользования, организации труда и быта...» [5, с. 106]. Вместе с тем обнаруживаются отличительные особенности белорусов и русских в понимании фундаментального принципа коллективизма и существенные различия в специфике его формирования. Для русской ментальности характерен коллективизм общинного типа, а для белорусов, в свою очередь, коллективизм является скорее совокупностью норм, правил поведения в условиях совместной деятельности [6, с. 341].

Однако белорусам отнюдь не чуждо и индивидуалистическое начало, признающее автономию личности в ее отношениях с другими людьми и обществом, что является отражением умения белорусов синтезировать позитивные достижения цивилизаций полярных типов. Оно находит свое проявление в органическом сочетании коллективистских и индивидуалистических начал в формах их жизнедеятельности: «...белорусы генетически тяготеют к коллективизму, но понимают и ценят значение принципа индивидуализма как в жизни отдельного человека, так и общества в целом. Иными словами белорусы составляют своеобразную индивидуалистическо-коллективистскую общность. В отечественной традиции общественной мысли эта индивидуалистическо-коллективистская этическая установка выражается в понятии соборности» [7].

В XX веке по мере преобразования уклада жизни сельских жителей и нарастания процессов урбанизации белорусского общества, значение громады стало снижаться; ее место заняли другие формы деятельности, в которых возрос удельный вес индивидуалистического начала. Сегодня, в период глобальной трансформации общества, это связано и с возрождением видов деятельности, основанных на частной форме собственности, которые направлены на реализацию индивидуальных потребностей и интересов.

Белорусы успешно осваивают формы жизнедеятельности, адекватные современным общественным реалиям и новейшим технологиям, но они и не утратили и коллективистских начал организации своей жизнедеятельности, что становится огромным их преимуществом в условиях формирующегося глобализированного информационного общества. Исследователи социальных изменений, которыми сопровождается процесс становления такого общества, приходят к выводу, что для своего успешного функционирования и развития такое общество предполагает наличие у людей доверия друг к другу, навыков согласованных действий – словом, искусства жить в ассоциации автономных индивидов. Информационное общество, отрицая индивидуализм индустриального общества, возвращается к неотрадиционным, а это значит, к соборным по своей сути способам деятельности людей. Естественно, что адаптация к таким ценностям будет даваться легче тем сообществам, которые на индустриальной стадии своего развития меньше других ушли от коллективистских начал организации жизнедеятельности. Оставаясь по преимуществу коллективистами, белорусы без особых сложностей вступают в постиндустриальную стадию своего развития [8]. Таким образом, особые специфические черты белорусов исследователи определяют как маркеры национально-культурной идентичности народа как самобытной общности.

Анализ основных факторов актуализации национально-культурной идентичности в условиях глобализированной межкультурной коммуникации показывает, что формированию глобальной идентичности будет способствовать осознание многообразия культур и идентичностей, что и поможет преодолению кризиса идентичности. Ведь, несмотря на интеграционные и глобализационные процессы, многообразие культур в мире далеко от унифицирования. Поэтому мы становимся свидетелями того, как в современном гражданском обществе динамика практик национально-культурной идентичности в процессе глобализированной межкультурной коммуникации напрямую связана с конструированием механизмов актуализацией значимости своей национальной культуры.

Литература

1. Сурова, Е. Э. Идентификационный принцип в культуре / Е. Э. Сурова // Политики культурной идентичности. – 2010. – №1(1). – С.6–17.
2. Благородова, Е. А. Культурная политика как возможность преодоления кризиса национальной идентичности: автореф. дис. канд. филос. наук / Е. А. Благородова // Электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/>. – Дата доступа 01.04.2021.
3. Батырев, Д. Н. Проблема национальной идентичности в глобализирующемся мире (социально-философский анализ): автореф. дис. канд. филос. наук / Д. Н. Батырев // Электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/>. – Дата доступа 01.05.2021.
4. Вансович, Л. В. Традиции толерантности в менталитете белорусского народа / Л. В. Вансович // Национальная философия в контексте современных глобальных процессов: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 16–17 дек. 2010 г.). – Минск, 2011. – С.258–262.
5. Батраева, О. Беларусь как социокультурный тип в контексте восточного славянства / О. Батраева // Беларуская думка. – 2010. – № 2. – С.102–107.
6. Кирвель, Ч. С. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч. С. Кирвель. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы.
7. Мельник, В. А. Основы идеологии белорусского государства: учеб. пособие / В. А. Мельник. – 3-е изд., испр. – Минск : Выш. шк., 2013. – 343 с.
8. Фукуяма, Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М. : «АСТ», 2004.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; национально-культурная идентичность; менталитет.

Key words: intercultural communication; national and cultural identity; mentality.

В статье рассматривается влияние глобализированной межкультурной коммуникации на формирование национально-культурной идентичности личности. Динамика идентичности представлена как процесс адаптации индивида к новым условиям. Анализируются способы преодоления кризиса идентичности; факторы актуализации идентичности.

The article “Dynamics of national-cultural identity in the context of globalized intercultural communication” examines the influence of globalized intercultural communication on the formation of a person's national and cultural identity. The dynamics of identity is presented as a process of adaptation of an individual to new conditions. The ways of overcoming the identity crisis are analyzed; factors of identity actualization.

УДК 94 (476.7)

ТРАНСФОРМАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ЗЕМЕЛЬ ИВАНОВЩИНЫ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

МИЛАЧ Т. М.

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

В результате разделов Речи Посполитой территория Ивановщины вошла в состав Российской империи. По указу Екатерины II от 14 декабря 1795 г. присоединённые земли были разделены на Виленскую и Слонимскую губернии.

Ивановские земли вошли в состав Слонимской губернии, которая в августе 1796 г. была переименована в наместничество, включавшее в себя 8 поватов (Слонимский, Гродненский, Брестский, Новогрудский, Волковысский, Лидский, Пружанский, Кобринский). Такое деление просуществовало до новой административно-территориальной реформы, проведенной Павлом I в конце 1796 г. Указом от 12 декабря 1796 г. в результате создания новых губерний Белорусской, Минской, Литовской – Ивановщина вошла в Литовскую. В 1801 г. Александр I провёл новую административно-территориальную реформу. Согласно ей Белорусская губерния была разделена на Могилёвскую и Витебскую (вошли в состав Белорусского генерал-губернаторства); Литовская – на Виленскую и Гродненскую губернии (вошли в состав Литовского генерал-губернаторства). Таким образом, территория современного Ивановского района вошла в состав Гродненской и Минской губерний.

После разделов Речи Посполитой и включения белорусских земель в состав Российской империи царское правительство начало распространять на них свою систему местного государственного управления. Она создавалась по аналогии с российскими губерниями. Главной фигурой в губернии был генерал-губернатор, который считался наместником царя и возглавлял местную администрацию подчинённых ему территорий. Фактически генерал-губернатор был наделён широкими полномочиями. Ему подчинялись армейские и гражданские губернаторы. В обязанности гражданского губернатора, который командовал местным гарнизоном, входил контроль за сборами налогов, отбором рекрутов, ходом следствий, заключением казённых подрядов и поставок, поддержанием общественного порядка. В каждой губернии действовало губернское правление в составе «общего присутствия» и канцелярии. Хозяйственными и финансовыми вопросами руководила Казённая палата, которую возглавлял вице-губернатор. Она занималась расписанием и сбором налогов, руководством и наблюдением за казённым имуществом. В губерниях действовали рекрутские управы, приказ общественной опеки, межевая контора, мещанские управы [1, 51].

На территории Ивановщины было две мещанские управы: Ивановская и Мотольская. Ежегодно в мещанскую управу проводились выборы. В выборах принимали участие домовладельцы местечка, однако, как показывает практика, не все домовладельцы участвовали в выборах [2, Л. 6]. В местечке Иваново за 1878 г. в баллотировочном списке представлено 36 чел [3, Л. 3], за 1882 г. в списке домовладельцев указана цифра 164, на практике в выборах участвовали только 88 человек [3, Л. 10]. В деле о выборах в Ивановскую мещанскую управу за 1883 г. представлен список людей с количеством голосов, которые баллотировались, а так же список владельцев недвижимого имущества (185 чел.) и еврейского общества (108 чел.). Значительное количество голосов было отдано за Гершу Гольдмана (89 чел. – «за»; 19 чел. – «против»), на втором месте Мовша-Вольф Перельман (63 чел. – «за»; 45 чел. – «против») [4, Л. 4]. В 1885 г. количество дворов по выборам в управу составило 175 чел., количество мещан – 73 чел., кандидатура, за которую подали самое большое количество голосов – это Генрих Гольдман (73 чел. – «за»; 2 – «против») [4, Л. 10].

В 1888 г. ситуация в существовании Ивановского еврейского общества была неустойчивой. Из доноса члена общества следовало, что в течении 4 месяцев

«в обществе существует странная неурядица, потому что мещанская управа осталась без управителя старосты. Бывший староста Гольдман должен был отказаться от своей должности по причине неблагородного поступка». По мнению человека, составившего донос, «общество без управы как стадо баранов, тогда как можно было бы за один день прекратить все беспорядки [5, Л. 7, 8]. Однако ситуация и после выборов кандидатуры не изменилась. В результате выборов Гольдман набрал 80 голосов «за» и 7 «против», а Авраам Янишевский 76 «за» и 11 «против» [5, Л. 13]. Завидное постоянство по выборам в мещанскую управу местечка Иваново наблюдалось и в 1890 г., когда вновь был избран Гольдман, однако выборы выявили уменьшение количественного состава голосовавших до 20 чел., из них 18 проголосовали в пользу данной кандидатуры [6, Л. 4]. В 1910 г. мещанскую управу в Иваново возглавил Борух Гиршович Каплан [7, с. 289].

В местечке Мотоль так же проводились выборы в мещанскую управу. По данным 1878 г. количество избирателей составило 97 чел., из которых была выдвинута кандидатура Юделя Шмульовича Пулика на должность старосты (83 чел. – «за», 14 – «против») и помощника старосты – Евзора Хаимовича Вейцмана (90 чел. – «за», против «нет») [8, Л. 10,12]. В 1880 г. в списках избирателей насчитывался 61 чел. Основным претендентом на должность был Евзор Хаимович Вейцман (52 чел. – «за», 9 чел. – «против»), на должность заместителя баллотировался Югель Шмеркович Кривицкий (44 чел. – «за», 17 чел. – «против») [8, Л. 53]. В 1882 г. на должность старосты был избран Вейцман (57 чел. – «за», 11 чел. – «против»), заместителя – Сроль Мовшович Чемеринский (60 чел. – «за», 8 – «против») [9, Л. 2]. В 1910 г. мещанскую управу Мотоль возглавил Шмуль Шликович Писсецкий [7, с. 289].

С целью регулирования хозяйственных вопросов в волостях создавались волостные управы, во главе которых стояли волостные старшины. В 1910 г. во главе Ивановской стоял Антон Давидов Шевчук, Мотольской – Матвей Александров Минюк, Дружиловичской – Николай Вакулов Косюк, Одрижинской – Тимофей Амвросиев Кухановец, Осовницкой – Максим Константинов Багновец.

Главным органом поветовой власти считался нижний земский суд, который одновременно выполнял административно-полицейские и судебные функции. Возглавлял его земский исправник. В отличие от российских губерний, он не избирался, а назначался Сенатом. В состав суда входили два-три заседателя, назначенные из дворян. Нижний земский суд следил за поддержанием порядков в повете, обеспечивал своевременную выплату жителями налогов и следил за выполнением ими различных повинностей.

Гродненская губерния была разделена на 9 поветов (уездов), которые делились на несколько станов во главе со становыми приставами. Станы делились на приходы. В повете не было единого органа управления, был только полицейский орган – низший земский суд во главе с земским исправником, который выполнял полицейские функции. Земский исправник назначался Сенатом по представлению министра внутренних дел.

С целью приближения административного управления по российской системе, основанной на общине как единице обложения, составлялись именные списки имений по поветам и губерниям, которые были завершены в 1823 г.

Следующим этапом реорганизации управления и структуры власти стало письмо Министерства закладных имуществ Виленскому генерал-губернатору от 24 декабря 1840 г. Генерал-губернатор направил копию предписания Гродненскому общественному губернатору с требованием предложений об утверждении сельских обществ в наследственных имениях. Функции волостных правлений передавались сельским управам, которые создавались по примеру сельских обществ России [10, Л. 1, 2–6].

После реформы 1861 г. возникла необходимость централизации городской и поветовой полиции. 25 декабря 1862 г. были утверждены «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний по общему учреждению управляемых», по которым бывшие полицейские органы в поветовых городах и земские суды в поветах были объединены в поветовые полицейские управы. Во главе управы стоял поветовый исправник, которому подчинялось население всего повета, кроме губернских городов и городов, которые имели свою полицию. В состав поветовой полицейской управы входили: поветовый исправник, его помощник, общее присутствие поветовой полицейской управы. Поветовому исправнику подчинялись становые приставы, урядники, охранники и мелкие полицейские чины. Поветы делились на станы, во главе со становым приставом, которому помогали волостные старшины, сельские старосты, сборщики налогов.

Уездное полицейское управление в 1910 г. на территории Ивановского района было представлено в лице пристава местечка Иваново Главинского Дмитрия Иосифовича, урядника 5 стана 1-го участка Феодосия Ивановича Дытко; 2-го участка Николая Григорьева Вольского, 3-го – Петра Степанова Игнатьюка, 4-го – Якова Степанова Сацевича, 5-го участка – Ивана Аверкиева Антюшева, 6-го Макария Симонова Шайновича (это по Мотолю) [7, с. 289]. 2 участок судебных следователей округа находился в местечке Иваново, в который входили Мотольская, Осовницкая, Дружиловская, Опольская, Одржинская волости.

Значительную роль в административно-хозяйственной жизни Ивановщины играла почтовая служба. Своевременная доставка корреспонденции способствовала разрешению вопросов различного характера. В начале XX в. начальником Ивановского почтово-телеграфного отделения был Александр Владимиров Ригерман, почтово-телеграфным чиновником VI разряда – Михаил Иванов Коровай, начальником Мотольского почтового отделения был Михаил Иванов Севастьяник. Земские почтовые станции содержались на деньги губернского земского собора, а стайковые пункты – населением при волостных правлениях [7, с. 79]. Так, на почтовой станции Осовница для доставки почты использовалось 2 лошади, в Иваново – 6, в Вороцевичах – 3, в Дружиловичах – 4, в Мотоле – 2. Почта доставлялась в основном по Ивановский тракту: в Мотоль ежедневно приход почты был в 11 часов, кроме воскресенья; отправка ежедневно в 3 часа, кроме воскресенья. В Иваново ежедневно получение почты осуществлялось в 3 ч. 55 мин., отправка в 2 часа. По Иваново-Польскому железнодорожному направлению и по Мотольскому направлению ежедневно получение в 6 часов, кроме воскресенья; отправка в 8 часов ежедневно, кроме воскресенья [7, с. 71]. Почтово-телеграфное отделение Поречья возглавлял Осип Фёдорович Бобровицкий;

Бродницкое правление – староста Яков Батюшко, писарь – Терент Шпудейко, Поречское – староста Юльян Видзайло, писарь – Пётр Лапич [11, с. 176].

Призывной участок для отправления воинской повинности для Ивановской волости находился в Дрогичине к нему относились и Одрижинская, Вороцевичская, Мотольская, Дружиловская волости [7, с. 289]. Военно-конские участки находились в Одрижине, Вороцевичах, Иваново, Дружиловичах, Осовнице, Мотоле. Фельдшерские пункты – в Мотоле, Иваново и Одрижине. В Иваново существовал аптека, провизором был Антон Сончин (он же управляющий). В Иваново действовало страховое общество – бюро строений «Саламандра», которое принадлежало Вольфу Бейраковичу [7, с. 289].

Таким образом, вхождение земель Ивановщины в состав Российской империи обусловило трансформацию административно-территориального устройства, образа жизни, сознания местных жителей.

Литература

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Мінск : Экаперспектыва, 2005. – Т. 4. – Беларусь у складзе Расійскай імперыі.
2. Дело о выборах в Ивановскую мещанскую управу (февраль 12 1882 по 27 февраля 1882 г.) // НИА в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 17. – Д. 135.
3. О проведении выборов общественного управления в м. Иваново Кобринского уезда (10 февраля 1878 г., мая 1879) // НИА в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 16. – Д. 8.
4. Дело о выборах в Ивановскую мещанскую управу (24 февраля 1883 г – 21 марта 1883 г.) // НИА в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 17. – Д. 320.
5. Дело о выборах мещанского старосты в м. Иваново (21 февраля 1887 – 29 декабря 1888 г.) // НИА в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 17. – Д. 1251.
6. Дело о мещанских выборах в м. Иваново 1890 г. // НИА в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 17. – Д. 1691.
7. Памятная книжка Гродненской губернии за 1910 год // Издание Гродненского губернского статистического комитета. – Гродно : Губернская типография.
8. О выборах должностных лиц в мещанскую управу в местечке Мотоль Кобринского уезда (31 июля 1881 – 14 сентября 1881) // НИА в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 16. – Д. 7.
9. О производстве выборов мещанского старосты по м. Мотоль (2 сентября 1882 – 3 октября 1882 г) // НИА в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 17. – Д. 159.
10. Об устройстве сельских обществ // НИА в г. Гродно. – Ф.1. – Оп. 5. – Д. 100.
11. Памятная книжка Минской губернии за 1909 г. // Минский губернский статистический комитет. – Минск : губернская типография, 1908.

В статье рассматривается трансформация административно-территориального устройства на землях Ивановщины в связи с вхождением в состав Российской империи.

The article examines the transformation of the administrative-territorial structure on the lands of the Ivanovo region in connection with the entry into the Russian Empire.

Ключевые слова: трансформация, административно-территориальное устройство, выборы, управа, губерния, повет.

Key words: transformation, administrative-territorial structure, elections, government, province, povet.

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И ПАНДЕМИЯ

НАУМОВА В. И.

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Декабрь 2019 года не обещал ничего исключительного. Мир готовился встретить Новый 2020 год, и никто тогда не думал, что наступающий год изменит глобальный мир до неузнаваемости. В конце декабря в СМИ все чаще и чаще стали появляться сообщения о неизученном вирусе, который первоначально был обнаружен в Китае в г. Ухане. Но Китай так далеко от центральной Европы. У среднестатистического европейца не было никакого страха в отношении данного вируса. Никто не мог предположить, что уже в конце января 2020 г. ВОЗ объявит эту вспышку чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение, а 11 марта – пандемию.

А между тем, ситуация развивалась стремительно: 9.01.2020 в Ухане была зафиксирована первая смерть от данного вируса, а уже 13.01.2020 стал известен первый случай заражения новой болезнью за пределами Китая – в Тайланде [1]. В результате данного факта эпидемиологи пришли к выводу, что число людей, инфицированных в Ухане, должно быть значительно больше (на 1–2 порядка), чем официально объявленные 41 случай. По оценкам, высказываемым экспертами-вирусологами, число людей, инфицированных в Ухане, на 17 января составило около 1700 человек. Также стало известно, что заболели несколько сотрудников больниц, занимавшихся лечением данных больных, что четко показало скорость передачи вируса от человека к человеку.

В связи с этим в аэропортах Сингапура и Гонконга были приняты дополнительные меры безопасности к пассажирам, прибывающим из Уханя: их специально досматривали на предмет повышенной температуры и опрашивали о симптомах пневмонии и т. д. Чуть позже подобные меры были предприняты в аэропортах России [2] Таиланда, Южной Кореи, Малайзии, США и др.

Несмотря на все предпринятые меры, уже с января 2020 года вирус стал стремительно расплзаться по всему миру. Как можно проследить в хронологии ВОЗ, 21.01.2020 стало известно о первом зараженном в США, 24.01.2020 Франция уведомила о первых трех заболевших в своей стране. А еще через месяц, 27.02.2020 был подтвержден первый случай заболевания в африканском регионе (Алжир) [1]. Эпидемия, подобно всепожирающему огню, разошлась по всему земному шару.

Еще свежи наши эмоции после того, как стало известно о первом заболевшем в РБ, о стремительном распространении болезни по всей Европе, о катастрофическом положении с заболеванием в Италии и других странах Западной Европы. И... мир закрылся. Объединенная Европа вспомнила о своих границах, более того, возникли границы городов, кварталов, появились красные

и зеленые зоны, все с ужасом смотрели на цифры ВОЗ и каждый старался каким-то образом заглушить тот страх, который присущ человеку при встрече с неопределенностью.

В этой статье не будет приведена строгая хронология событий. Автор не ставит перед собой цели с цифрами доказать справедливость или неадекватность тех или иных действий правительств различных стран. Задачей данной публикации является освещение некоторых социально-мировоззренческих последствий той пандемии, которую мы сейчас переживаем, и, скорее всего, в эпицентре которой мы сегодня находимся.

Конечно, сегодня однозначно рано говорить о каких-то итогах. Для того чтобы подводить какие-либо итоги, должно пройти время. Сегодня мы просто все чаще и чаще говорим о том, что мир изменился, и он уже не будет прежним. И это касается каждого из нас. Например, мы перестали строить планы по поводу заграничного отпуска, пережив безвыездное лето. Мы поняли, что от заражения никто не застрахован, переболев сами или наблюдая за болезнью близких, а теряя родных и знакомых, все больше и больше убеждались в том факте, что болезнь не щадит никого.

Сегодня уже совершенно очевидно, что экономические последствия данной пандемии значительно серьезнее, чем ожидалось. В данном случае приходится согласиться с Генеральным секретарем ООН Антониу Гутерришем, который выступая на всемирном экономическом форуме в Давосе, проходившем в онлайн-формате, сказал, что мировая экономика сегодня переживает самый серьезный кризис за последние 90 лет. В 2020 г. мировая экономика сократилась на 4,3 % – это в два с половиной раза больше, чем во время глобального кризиса 2009г. [3] К наиболее пострадавшим областям экономики можно отнести сферу обслуживания, туризм, перевозки, общественное питание и др.

Однако всеобщий локдаун привел к необходимости находить качественно иные сферы взаимодействия и в этом на помощь нам пришла «мировая паутина». Во многом именно карантин привел к серьезному росту интернет-продаж в различных областях человеческой жизнедеятельности. По данным исследовательского центра НАФИ, 67% россиян во время самоизоляции заказывали продукты и непродовольственные товары в онлайн-магазинах, а доля онлайн-покупок на рынке товаров повседневного спроса (FMCG) в сравнении с показателями 2019 года почти удвоилась: с 1,9 % в 2019 году до 3,2 % в марте 2020 года (GfK) [4].

Именно во время карантинных мер стала набирать известность так называемая «удаленка». Благодаря ей стали возможны онлайн-занятия в учебных учреждениях, онлайн-консультации в медицине и многое другое. Можно сказать, что «удаленка» привела к ускоренной модернизации технологий дистанционной коммуникации. Компании и организации в спешном порядке были вынуждены проводить технические новшества, которые до этого не считались «неприоритетными», чтобы обеспечить синхронизацию всех процессов за пределами офиса. С этой же проблемой столкнулась сфера образования практически на всех ступенях. В разных странах школы, университеты и даже детские сады были вынуждены в ускоренном темпе переходить на дистанционный режим работы, и как показала практика, далеко не все учебные заведения смогли мобильно перестроиться в условиях «новой реальности» [4].

Хотелось бы затронуть и некоторые психологические особенности жизни во время пандемии. В первую очередь следует отметить, что все те обстоятельства, в которые попало человечество во время пандемии, а именно – постоянная угроза заражения, неопределенность ситуации, отсутствие четкого алгоритма действий, особенно на начальном этапе, социальная изоляция и изменение привычного ритма жизни в совокупности с угрозой прямой экономической нестабильности – все это является идеальным условием для развития тревоги и депрессии. Вместе с этим, по мере введения все более строгих противоэпидемических мер (особенно карантина, который кардинально изменяет привычный уклад жизни человека) растет все большая распространенность одиночества, и, как следствие, – употребление алкоголя, наркотиков, депрессия, суицидальные мысли и т. д.

Специалисты сегодня все больше обращают внимание на необходимость психологической помощи и поддержки тех, кто перенес данное заболевание, причем, далеко не всегда в тяжелой форме. Так, ученые из Оксфордского университета провели исследование, для того чтобы разобраться во взаимосвязи коронавируса и ментальных проблем. Ими были обработаны около 70 млн медицинских карт жителей США, которые жаловались на тревогу, бессонницу и депрессию после перенесенного коронавируса. В результате данного исследования у 18 % пациентов выявили психические расстройства, причем у 5,8 % из них они были диагностированы впервые. По мнению специалистов это связано с сочетанием психических стрессов, вызванных пандемией с физическими последствиями самого коронавируса. Примерно такая же картина была замечена и российскими медиками. При этом ученые уверены, что неврологические и психические нарушения – это нередкое явление при тяжелых инфекционных заболеваниях, и коронавирус не стал здесь исключением [5].

Все вышеперечисленные вопросы невольно наталкивают нас на мысль, что глобальному миру и глобальной Европе пришел конец, что мы сегодня переживаем период заката эры глобализации. Так ли это? Конечно, однозначно ответить на этот вопрос сегодня невозможно. Однако можно с полной уверенностью сказать, что глобализация в привычном нами понимании уже не существует. Скорее всего, глобальные процессы в мире будут продолжаться, однако уйдут в прошлое неэффективные экономические связи и механизмы взаимодействия. На их место с неизбежностью придут новые институты взаимодействия и партнерства. В частности, в процессе ускоренной цифровизации и вынужденной изоляции мир невольно апробировал многие экономические процессы в цифровом формате и для многих сфер жизнедеятельности это дало новый скачек в развитии.

В заключении можно сказать, что пандемия коронавируса невольно ускорила процесс адаптации общества к новым реалиям. Вызовы, перед которыми находится сегодня человечество, заставляют нас выйти из зоны комфорта и находить новые адаптивные системы, особенно в таких сферах, как экономическая стабильность и физическая безопасность. При этом нужно понимать, что процесс реформирования мира уже запущен и все страны, вне зависимости от их желания, уже втянуты в него [6].

Литература

1. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019?gclid=CjwKCAjwqvyFBhB-7EiwAER786WmQIAXjxvAls7LJv81eBtw06fOymhwDjzG1ww36_v85C8F8LdLpwRoCXLSQAvD_BwE. – Дата доступа: 12.04.21.
2. Контроль в российских аэропортах из-за коронавируса. Фоторепортаж. РБК. Код доступа: <https://www.rbc.ru/photoreport/28/01/2020/5e2ff00f9a79479ff9c13b36>. – Дата доступа: 12.04.21
3. Мировая экономика после пандемии: ООН призывает к глобальной консолидации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/>. – Дата доступа: 12.04.21.
4. 12 главных последствий COVID-19 для нашего общества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5fa195429a794721ab1f7d29>. – Дата доступа: 12.04.21.
5. «Ковид-депрессия»: стали ли люди чаще страдать от психических расстройств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6018289f9a7947ead2f348f8>. – Дата доступа: 12.04.21.
6. Последствия пандемии коронавируса: социально-экономический аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/posledstviya-pandemii-koronavirusa/>. – Дата доступа: 12.04.21.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, экономика, глобальный мир, общество, будущее, сотрудничество, информационные технологии.

Key words: coronavirus, pandemic, economy, global peace, society, future, cooperation, information technology.

Статья касается некоторых промежуточных аспектов изменения глобального мира в период пандемии коронавируса.

The article deals with some intermediate aspects of changing the global world during the coronavirus pandemic.

УДК 339.944.2

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СТРАНАХ АЗИИ: ОПЫТ ИНДИИ

ПОСОХИНА Г. И.

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

В начале XXI века мир стал свидетелем экономического «прорыва» стран Азии, и прежде всего таких азиатских гигантов, как Китай и Индия. Важнейшей составной частью их экономической стратегии стало развитие производства товаров и услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и их экспорт. У различных стран Востока существует своя специфика в развитии этой сферы. К примеру, Китай стал ведущим поставщиком на мировой рынок компьютерного, электронного, телекоммуникационного оборудования. С начала 2000-х гг. Индия является мировым лидером на рынке экспорта

информационных технологий и ИТ-услуг. В 2021 г. там прогнозируется рост расходов на ИКТ на 10 %, до 91 млрд долларов. К 2024 г. расходы на информационные и коммуникационные технологии в Индии достигнут 111 млрд долларов [1].

Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и достижения ИТ-революции всё чаще заставляют говорить об «индийском технологическом чуде». Уникальный опыт по построению отрасли ИКТ в Индии представляет интерес и для нашей страны. Изначально Индия имела ограниченные возможности для капиталовложений и сложный инвестиционный климат, тем не менее, Индия осуществляла и продолжает осуществлять целенаправленную государственную политику в этой сфере и в короткие сроки сумела создать мощную индустрию ИКТ.

Во время визита официальной делегации Беларуси в Индию в сентябре 2017 г. были определены приоритеты научного и инвестиционного сотрудничества между Индией и Республикой Беларусь: нано- и биотехнологии, фармацевтика, робототехника, информационные технологии. 25 сентября 2019 г. председатель Совета Республики, уполномоченный по сотрудничеству с Индией, М. Мясникович сообщил о планах открыть белорусско-индийский центр демонстрации технологий в Хайдарабаде. По его словам, в правительстве и парламенте Беларуси поддерживают создание этого центра как ключевого научного и инфраструктурного международного белорусско-индийского проекта [2].

В истории становления и развития отрасли информационно-коммуникационных технологий (производство электроники, программного обеспечения и телекоммуникаций) исследователи выделяют два основных периода: зарождение отрасли (1960-е гг.) и поворотный этап её развития (конец 1980-х гг.).

После обретения Индией независимости, когда страну возглавила партия Индийский национальный конгресс (ИНК) во главе с Джавахарлалом Неру, в качестве приоритетных отраслей экономики были названы атомная энергетика, промышленное производство, оборона и сельское хозяйство. Пограничный конфликт с Китаем в 1962 г. обнажил имеющиеся недостатки в обеспечении индийской армии необходимым телекоммуникационным оборудованием. Индийскими властями были сделаны выводы о том, что телекоммуникационная сфера имеет важное значение для национальной безопасности, и Дж. Неру создаёт специальный Комитет по электронике под руководством индийского физика Хоми Бхабха, который до этого занимался созданием атомной энергетики страны. Отчёт Комитета, опубликованный в 1963 г., стал первым официальным документом, определившим направление развития электроники в Индии. Главными целями провозглашались обеспечение самодостаточности в сфере электроники и достижение в дальнейшем уровня развитых стран [3, с.13].

В 1970 г. была создана Комиссия по электронике, а затем и Департамент по электронике, который возглавил профессор М. Менон, глава Института фундаментальных исследований. Комиссия занималась выработкой политики, а Департамент осуществлял контроль над выдачей лицензий на импорт технологий в области электроники. Главным инструментом для развития технологий в сфере ИКТ стало государственное лицензирование. Все компьютерные системы и их компоненты должны были разрабатываться в стране. Доля иностранных компаний ограничивалась 40 %.

По мнению российской исследовательницы О. Устюжанцевой, «такая система, призванная регулировать качество взаимоотношений с поставщиками технологий и способствовать развитию местных технологий, на деле привела к появлению коррупции и, скорее, тормозила развитие местных ИТ-компаний, чем способствовала ему» [3, с.13]. Некоторые иностранные производители не хотели снижать свою долю до 40 % и уходили с рынка. Государственные же компании выпускали свои компьютеры с нестандартным программным обеспечением, что снижало спрос на внешних рынках. Отрасль переживала период стагнации.

Но в то же самое время в Индии закладываются основы будущего технологического рывка – начинается подготовка своего кадрового потенциала для ИТ-отрасли. Передовые вузы страны вводят курсы по подготовке специалистов в сфере электроники. Эти вузы отличались более гибкой системой финансирования, оснащением самым современным оборудованием, наличием зарубежных научно-образовательных связей.

В конце 1970-х гг. в Индии начинается широкомасштабный процесс компьютеризации образовательных учреждений (расходы несло государство). Появляется новая профессия – программист. Индийские программисты в условиях ограничительной политики импорта компьютеров разрабатывали свои версии оперативных систем и языки программирования для местных компьютеров.

Премьер-министр Индии Индира Ганди незадолго до своей кончины в 1984 г. утвердила новую политику в области информационных технологий. Основным содержанием новой политики стало снижение импортных тарифов на программное обеспечение (ПО) со 100 % до 60 %. Однако принято считать, что толчок развитию отрасли дали меры по либерализации экономики, предпринятые Радживом Ганди после его прихода к власти в 1984 г. В это время единственной индийской компанией, производящей ПО, была компания ЕСIL. Но она производила нестандартный продукт, который был непригоден к экспорту.

Ситуация начнёт меняться в 1980-е гг. с началом эпохи бурного развития телекоммуникационной инфраструктуры. Отцом индийской телекоммуникационной революции называют Сэма Питроду. Питрода – индиец, закончивший Технологический институт Иллинойса (США), успешно занимавшийся бизнесом и к 38 годам ставший миллионером телекоммуникационного бизнеса в США.

Побывав на родине в 1981 г., Сэм Питрода столкнулся с индийскими реалиями – средний срок ожидания установки телефона составлял 5 лет, особенно тяжёлая ситуация сложилась в сельских районах. Он подготовил проект телефонизации страны, который был одобрен индийским правительством. Питроде было дано 36 месяцев для реализации его проекта. Он подобрал команду молодых учёных, инженеров, в средний возраст которых составлял 23 года, большинство из них были недавними выпускниками вузов и не имели опыта работы [3, с. 15]. Возможно поэтому выработанные ими идеи были весьма неожиданными и инновационными.

Несмотря на огромные трудности, связанные с бюрократическими препонами, политическими дрызгами и даже травлей Сэма Питроды, задача телефонизации страны была выполнена.

Также в 1984 г. отрасль программного обеспечения была признана «делицензируемой», что позволило компаниям-производителям ПО кредитоваться

в банках, разрешалось открывать компании со 100 % иностранным капиталом. Все экспортные прибыли освобождались от подоходного налога. На индийский рынок приходят транснациональные корпорации, вместе с ними приходят и новые бизнес-модели. Важную роль в развитии ИКТ сыграло и то, что тысячи индийских программистов стали уезжать за рубеж для работы на иностранные компании. Они получали неоценимый опыт работы не только в сфере программирования, но и в организации продаж, управлении и маркетинге. Многие из них впоследствии вернулись и начали вести свой бизнес в Индии.

В 1986 г. в Индии принимается новая государственная программа развития и экспорта программного обеспечения, которая впервые рассматривала развитие ИТ-сектора в качестве основного направления развития национальной экономики. Для поддержки новой отрасли правительство пошло на существенную либерализацию внешней торговли. Была развёрнута целая система государственных льгот и гарантий для инвесторов. Широкое развитие получило создание технопарков, где получило основное развитие индийское оффшорное программирование – доминирующий сектор национальной ИТ-индустрии [4, с. 33].

В целом с момента обретения независимости и до 1991 г. индийские власти проводили политику протекционизма для развития собственной производственной базы. С приходом к власти правительства Нарасимхи Рао в начале 1990-х гг. начинается масштабная либерализация экономики. Производство и экспорт программного обеспечения и ИТ-услуг были окончательно определены в качестве национального приоритета. Индийское правительство приступает к созданию Парков программного обеспечения (ППО). «Программа ППО объединяла в себе концепции экспортно-ориентированных предприятий, экспортно-ориентированных зон и научных / технологических парков. До Индии в мировой практике каждая концепция практиковалась по отдельности и нигде вместе» [3, с. 17].

Первые ППО были открыты Пуне, Бангалоре и Бхубанешваре. На первых порах парки создавались государством, т.к. стоимость телекоммуникаций была высока. После развития и, соответственно, удешевления отрасли парки стали создаваться и в частном секторе. К 2013 г. в стране действовало 27 государственных и 17 частных ППО [5].

Одной из важных экономических реформ стало принятие в 2014 г. государственной программы «Делай в Индии» (англ. «Make in India»), инициатором которой был премьер-министр Нарендра Моди. Эта государственная программа включает набор государственных инициатив по развитию 25 секторов экономики Индии, в т. ч. и развитие сектора ИКТ.

К 2018 г. Индия частично достигла поставленных премьер-министром целей. Среди достижений Индии выделяют следующие:

- с 2014 по 2016 гг. количество интернет-пользователей на территории страны выросло с 21 % до 29,5 % от всего населения;
- прямые иностранные инвестиции в сектор телекоммуникаций выросли с \$2,9 млрд в 2014 году до 5,5 млрд долл. к 2017 году;
- совместно с сектором аутсорсинга бизнес-процессоров сектор ИКТ достиг показателя в 7,7 % по вкладу в ВВП страны в 2017 году (1,2 % в 1998 году);
- на территории Индии стали появляться и развиваться международные производственные кибер-города (аналоги Силиконовой долины в США), которых

насчитывается не менее 8 на территории Индии. Самые известные из них – Electronic city в Бангалоре и НІТЕС (также известен как Cyberabad) в Хайдарабаде [6, с. 9].

Индийская компания РауТМ является одним лидером в сфере финансовых технологий (финтех – новая финансовая отрасль, которая применяет технологии для развития финансовой деятельности). Многие мировые частные и государственные банки считают отрасль финтех одной из наиболее перспективных финансовых областей в обозримом будущем. При этом Индия фигурирует среди будущих главных центров развития этой сферы.

В основе успеха Индии лежит совокупность факторов. Несомненной является роль государства, которое сумело принять необходимые управленческие решения, создать необходимую инфраструктуру отрасли, обеспечить её кадрами. Также следует отдать должное активным действиям со стороны индийского профессионального и бизнес-сообщества. При этом следует отметить, что, несмотря на то, что Индия является одной из наиболее быстро развивающихся стран (прирост ВВП составляет не менее 5,5 % с 2012 года), главными проблемами страны являются проблемы бедности и неравенства. В этой связи, первоочередной задачей правительства Индии является увеличение затрат на сектор образования и здравоохранения.

Литература

1. As Innovation and Digital Transformation Becomes a New Requisite, ICT Spending in India is Expected to Grow at 10% in 2021, Reports IDS [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.ids.com> 16 mar 2021. – Дата доступа: 15.05.2021.
2. Беларусь и Индия создадут совместный центр демонстрации технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by> 25 09 2019. – Дата доступа: 16.05.2021.
3. Устюжанцева, О. Информационно-коммуникационные технологии Индии: история отрасли, факторы успеха / О. Устюжанцева // Азия и Африка сегодня. – 2018. – №10. – С. 12-18.
4. Ткачёва, Н. В. Индия: информационные технологии и индустрия аутсорсинга [Электронный ресурс] / Н. В. Ткачёва // Вестн. моск. ун-та. – 2009. – №: 1 – Режим доступа: <http://www.cyberleninca.ru>. – Дата доступа: 16.05.2021.
5. Y2K bug // Encyclopedia Britannica, inc/2018. IDS [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.britannica.com/technology/Y2K-bug> – Дата доступа: 18.05.2021.
6. Перминов, В. А. Развитие сектора ИКТ в Индии [Электронный ресурс] / В. А. Перминов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – №: 8 – Режим доступа: <http://www.cyberleninca.ru>. – Дата доступа: 17.05.2021.

Ключевые слова: Индия, информационно-коммуникационные технологии, технопарки по производству программного обеспечения.

Key words: India, Information and communication Technologies, software technology park units

В статье анализируется опыт развития отрасли информационно-коммуникационных технологий в Индии. Изложена сущность реформ, которые были проведены в данной стране, и их главные последствия.

The evolution of information technologies and software industry of India is analyzed in this article. It is also to find here the information about the essence of the reforms, which took place in this country, and their main consequence.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ОБУЧЕНИИ МАТЕМАТИКЕ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

ПРИМИЧЕВА З. Н.

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
г. Минск, Беларусь*

В настоящее время реформирование системы образования, ориентированное на повышение роли технических университетов в формирующейся инновационной среде, привело к росту влияния информационных технологий на учебный процесс в данных университетах. От выпускников технических вузов требуется не только фундаментальная базовая подготовка, но и информационно-технологическая готовность, которая выражается в знании средств информационных технологий и умении ими пользоваться.

В свою очередь, от преподавателей в технических вузах также ожидается использование современных информационных технологий при организации учебного процесса. Это обусловлено тем, что с помощью данных технологий педагоги могут качественно изменять методы и организационные формы работы, развивать индивидуальные особенности обучаемых. Внедрение информационных технологий в учебный процесс рассматривается как одно из эффективных средств, имеющих большой потенциал и позволяющих перейти на качественно новый уровень в решении образовательных задач.

Под информационными технологиями понимаются совокупность средств, способов, методов автоматизированного сбора, технические средства организации, хранения, обработки, восстановления и передачи данных, способствующих созданию электронных образовательных ресурсов (программно-методических, учебно-методических, обучающих, вспомогательных и контролирующих), используемых для организации образовательного процесса и получения позитивных результатов [1, с. 116–117]. Использование информационных технологий в процессе обучения позволяет развивать у студента технического вуза умение самостоятельно приобретать, обобщать и актуализировать знания, работать с информацией и применять ее для решения поставленных задач. В частности, реализация данного подхода при обучении математике студентов технического университета предполагает развитие у студентов устойчивых навыков владения информационными технологиями и соответствующим математическим аппаратом, способствует формированию некоторой совокупности компетенций, необходимых для профессиональной деятельности.

Основными элементами инструментов информационных технологий в математическом образовании в техническом вузе являются: экранное представление математических объектов и процессов, автоматизация выполнения действий с математическими объектами; создание и отладка программ; динамическое моделирование; автоматизированная проверка правильности полученного ответа при решении тренировочных, диагностических, проектных и научно-

исследовательских, практико-ориентированных задач [2, с. 3]. Применение информационных технологий можно осуществлять на различных этапах обучения: на лекциях при объяснении нового материала с использованием презентации, созданной в программе PowerPoint; на практических занятиях при проверке домашнего задания для закрепления и повторения материала с использованием тестов; при проведении самостоятельных и контрольных работ, коллоквиумов; в исследовательской деятельности студентов.

Помимо учебной деятельности студенты могут использовать информационные технологии в самостоятельной и исследовательской работе. К видам такой работы относятся: решение и оформление контрольных, курсовых работ, поиск информации для подготовки рефератов, участие в олимпиадах, проектных и научно-исследовательских работах. В дальнейшем студенты технического университета переходят к изучению специальных дисциплин уже с определенной базовой подготовкой.

Поскольку современная математическая наука является мощным инструментом анализа и прогнозирования технических и технологических процессов, природных явлений и общественных ситуаций, необходимо включать в учебные программы базовой математической подготовки будущих специалистов новые разделы математики путем уплотнения стандартного курса математики, перераспределения академических часов между темами внутри самого курса, использования новых специальных курсов. По мере все более глубокого внедрения информационных технологий будут совершенствоваться функции методической системы обучения математике и ее составных частей – целей, содержания, методов, форм и средств обучения.

Использование информационных технологий в процессе обучения математике в техническом университете, как показывает преподавательская практика, позволяет:

- реализовывать возможности информационных технологий по индивидуализации образования;
- повысить мотивацию студентов и усилить эмоциональный фон образования;
- предоставить широкое поле для активной самостоятельной деятельности студентов;
- сделать учебный материал наглядным, особенно при моделировании явлений в динамике;
- использовать все возрастающие интерактивные возможности информационных технологий;
- использовать информационные технологии в любое удобное для студента время, что объясняется их доступностью;
- сделать преподавание эффективным и повысить качество профессионального математического образования [2, с. 5].

Новым и перспективным направлением осуществления профессиональной подготовки студентов технических вузов является использование в процессе обучения математике компьютерных математических систем, в частности системы Mathematica. Такие системы позволяют создавать экранные представления

функциональных зависимостей в виде матриц, таблиц, графиков, диаграмм; динамического представления изменения значений функции в соответствии с изменениями значений аргумента; увеличения (или уменьшения) рассматриваемых (или исследуемых) участков графика функции; совмещение любых графиков и их рассмотрение в единой системе координат; динамического представления «асимптотического приближения» графиков функций; осуществления вычислительных операций; анализ различных статистических данных.

Однако следует отметить, что компьютерная математика не способна заменить традиционную математику, поскольку любая компьютерная программа имеет свои границы применимости и для ее написания необходимо провести предварительный анализ решаемой задачи, опираясь на математические, физические, экономические закономерности.

Таким образом, повышение качества математической подготовки студентов напрямую связано с комплексным использованием возможностей информационных технологий. Активное использование информационных технологий в процессе обучения позволяет педагогу в наглядной и доступной форме излагать материал, проводить контролируемую самостоятельную работу студентов, поднимать уровень успеваемости и сокращать время, отведенное на объяснение материала, что значительно повышает эффективность и интенсификацию образовательного процесса.

Литература

1. Мателенок, А. П. Информационные технологии в обучении математике студентов технических специальностей / А. П. Мателенок // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2013. – № 1. – С. 116–122.
2. Сагателова, Л. С. Информационные технологии в обучении в техническом вузе : монография / Л. С. Сагателова [и др.]; под общ. ред. Л. С. Сагателовой ; ВолгГТУ. – Волгоград, 2019. – 76 с.

Ключевые слова: информационные технологии, применение современных информационных технологий, обучение математике, самостоятельная работа студентов.

Key words: information technologies, application of modern information technologies, mathematics education, independent work of students

В данной статье проводится анализ особенностей использования информационных технологий, а также рассматриваются научные разработки по использованию информационных технологий в процессе обучения студентов. Исследуется процесс совершенствования средств обучения на основе информационных технологий. В обучении математике существует ряд научных и методических проблем, решению которых способствует использование информационных технологий.

In this article are analysed the features of the use of information technologies and are discussed the scientific developments on the use of information technologies in the process of teaching students. In addition, the process of improving information technology-based learning tools is being explored. There are a number of scientific and methodological problems in teaching mathematics, the solution of which is promoted by the use of information tech

СОВРЕМЕННОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

РОЗЕНБЛАТ Е. С.

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

Современное постсоветское общество переживает ряд глубоко структурных и социокультурных изменений. Особенно важными и безусловно болезненными являются изменения в историческом образовании и восприятии исторических знаний молодежью.

К числу безусловных достижений исторического знания и образования следует отнести его фактологическое расширение, публикацию огромного количества источников, в том числе архивных, открытый доступ к колоссальному количеству общеисторической и социальной (монографической) литературы. Однако увеличение количества литературы и источников в открытом интернет-доступе привело к обратному эффекту: потребитель исторических знаний либо резко сократил интерес к литературным источникам до минимума, выбрав сокращенный вариант исторических знаний (Википедия), либо ушел в полемические форумы, в изобилии появившиеся в интернет-пространстве. Система публикации и распространения альтернативных исторических знаний, безусловно, мешает формированию целостной картины исторического процесса у школьной и студенческой молодежи.

Еще одним достижением времени следует признать расширение направлений исторического исследования: появились исследования по истории повседневности, устной истории, микроистории, региональной истории, гендерным аспектам исторического процесса, исследования по истории личности, социокультурные исследования национальных историй.

Вместе с тем следует, очевидно, считать провальными попытки перехода от унитарной, единообразной программы обучения к учебникам и программам по выбору. На практике одна программа (или учебник) заменяется другим. Эта механическая замена не значит формирование альтернативной системы знаний (концепций).

Идея о формировании в молодежном образовательном пространстве «человека», способного самостоятельно сделать выбор в исторических знаниях, видимо оказалась несвоевременной. Общее снижение образовательного уровня молодежи, опора на интернет как источник знаний, отсутствие навыков систематизации и обобщения исторических знаний на основе формационного, цивилизационного и других подходов, неготовность задействовать в изучении истории проблемный, межпредметный, тематический методы, неумение работать с источником – все это позволяет говорить о кризисе системы образовательной среды.

Выводы

Мнения о кризисе образования конца 1980–1990-х гг. оказались преждевременными. Сейчас происходит частичный возврат к советской системе образования.

Мнение о мифологизации исторических знаний в духе марксизма, атеизма и технократизма способствовало разрушению исторического просвещения, одновременно создавая новые, зачастую деструктивные мифы.

Как следствие кризиса системы исторического образования, государства бывшего Советского Союза утратили контроль за профессиональным историческим сообществом и системой преподавания истории в средней и высшей школах.

Кризис исторического образовательного пространства привел к падению престижа преподавания истории. Упал уровень подготовки школьных учебников по истории. Уровень восприятия исторических знаний на протяжении последних 20–30 лет упал до минимума.

Проблемой современного исторического образования следует считать расширение в образовательной среде интернет-ресурсов, таких как «Википедия», «Студопедия» и др., выступающих как альтернативные и чаще всего единственные источники (и учебно-образовательные ресурсы) исторических знаний. Удобство, доступ и относительная полнота охвата изучаемого вопроса практически полностью пресекает возможные варианты поиска необходимых знаний, обрывает в зародыше формирование у молодежи цепочки причинно-следственных связей или намеренно мифологизирует их, давая неправильную концепцию.

Провозглашенный в Российской Федерации и других постсоветских государствах официальный отказ от идеологии или переход к плюрализму идеологий привел к полному отсутствию всяческих морально-нравственных и историко-образовательных ориентиров у части молодежи.

Процесс разрушения в современном обществе культурных стереотипов и каналов трансляции привел к резкой деградации культурной среды в целом. Современная гуманитарная образовательная практика привела к социально-психологической эрозии общества, к поискам нового смысла понятия «содержание образование».

В статье рассматриваются основные проблемы и достижения исторической науки и ее преподавания. Показано влияние интернета на современные тенденции исторического образования.

Ключевые слова: «Википедия», наука, интернет, «Студопедия», исторические знания, история повседневности, устная история.

The article deals with the main problems and achievements of historical science and its teaching. The influence of the Internet on modern trends in historical education is shown.

Keywords: Wikipedia, science, internet, studipedia, historical knowledge, everyday history, oral history.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ГРАЖДАНСКО-
ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДОГО
ПОКОЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

САВЧУК Т. П.

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Актуальность проблемы гражданско-патриотического воспитания всегда была и остается важной для нашего государства. Формирование патриотизма у молодежи происходит на протяжении всего процесса социализации личности в различных социальных институтах.

Одно из важнейших условий организации патриотического воспитания детей и учащейся молодежи – наличие нормативно-правового обеспечения. Его основу составляют: Конституция Республики Беларусь, Законы «Об образовании», «Об основах государственной молодежной политики», президентские программы «Молодежь Беларуси», «Дети Беларуси», Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 гг., Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь, Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2021–2025 гг., Концептуальные основы идейно-воспитательной работы с детьми и др.

Законодательством определено содержание воспитания по формированию гражданственности и патриотизма личности – усвоение общечеловеческих гуманистических ценностей, культурных, духовных традиций белорусского народа, идеологии белорусского государства, правовых знаний, формирование готовности к исполнению гражданского долга, правовой ответственности. Закреплено понятие «патриотизм». Это система знаний, ценностей, практических действий личности, общества и государства, направленных на развитие, процветание и обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь; мировоззренческое основание и глубокое чувство любви к своему Отечеству, готовность защищать его [2].

Одной из ключевых задач Программы непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2021–2025 гг. является осознание обучающимися ответственности за судьбу страны, гордости за сопричастность к деяниям своих предков, формирование ценностного отношения к Родине, понимание важности сохранения исторической памяти, особенно о событиях Великой Отечественной войны, жертвах и героизме соотечественников [3].

Память о Великой Отечественной войне является неотъемлемой частью коллективной памяти белорусского народа и сегодня остаётся ключевой составляющей патриотического воспитания молодого поколения.

Данная проблематика находит отражение в различных видах и формах воспитательных мероприятий, таких как:

- всебелорусская молодежная экспедиция «Дорогами памяти. Дорогами единства»;
- конкурс компьютерных разработок патриотической направленности «Патриот.by»;
- интернациональные «звездные походы» по местам боевой славы белорусского народа;
- республиканские акции «Беларусь помнит», «Никто не забыт, ничто не забыто»;
- международный фестиваль-конкурс «Песни, опаленные войной», посвященный Дню Победы;
- республиканская патриотическая акция «Их подвиг в памяти потомков сохраним»;
- конференция учащихся «Нам этот мир завещано беречь»;
- республиканская научно-практическая конференция «Великая Отечественная война: история и память»;
- республиканский слет поисковых отрядов (клубов) «Мы – наследники Победы»;
- республиканская героико-патриотическая акция «Великой Победе – 80!» [3].

В Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина формирование гражданско-патриотической направленности студентов происходит как при изучении дисциплин социально-гуманитарного цикла («История Беларуси», «История Беларуси (в контексте мировых цивилизаций)», «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)»), так и в ходе участия студентов в воспитательных мероприятиях, проводимых в вузе.

В связи с этим нельзя не упомянуть уникальный для постсоветского пространства спецкурс «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». В 2004 г., согласно приказу министра образования Республики Беларусь № 708 от 27.05.2004 г. «О преподавании в учреждениях образования курса «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)», не только во всех высших учебных заведениях, но и во всех средних и средне-специальных учреждениях Республики Беларусь был введен спецкурс или факультатив «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Этот спецкурс имеет хорошее методическое обеспечение: в том же 2004 г. была разработана его программа и издан соответствующий учебник [1].

На семинарских занятиях используются как традиционные, так и инновационные методы работы со студентами. Это творческие письменные работы, анализ новейшей литературы по проблемам минувшей войны, проведение занятий в виде конференций, брейн-рингов, викторин. Традиционным стал университетский конкурс мультимедийных презентаций «Память о Великой Отечественной войне на территории моей малой Родины». Студенты рассказывают о своих родных местах в годы войны, об увековечении памяти, отражают судьбы представителей военного поколения. Такие формы учебной работы стимулируют инициативу и творчество студентов.

Особую эмоциональную и информационную нагрузку несут учебные занятия для студентов исторического факультета, проведенные на базе главного

мемориала Брестчины – Брестской крепости. Занятиями предусмотрено использование наглядности музейных экспозиций, «мест памяти» территории крепости, освещение отдельных тем научными работниками музеев. Воспитательное значение имеют и различные мероприятия, проводимые Музеем обороны Брестской крепости, в том числе и совместно с историческим факультетом Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина. Это разнообразные конференции, презентации, выставки, круглые столы.

Большое значение для гражданско-патриотического воспитания и исторического самопознания молодого поколения имеют экскурсии по «местам памяти» Великой Отечественной войны. Значительный интерес представляют как возведенные в советский период знаменитые мемориальные комплексы («Хатынь», «Курган Славы», «Брестская крепость-герой», «Дальва» и др.), так и новые мемориальные объекты, возведённые в 1990-е – 2000-е гг. Для современной мемориальной культуры характерно появление новых памятников с точки зрения как художественного исполнения, так и концептуального решения. Если в советский период основной задачей памятников было отображение героической стороны войны, торжества Победы, дружбы между народами, «скреплённой в огне боёв», то сегодня акцент смещается в сторону репрезентации войны как трагедии народа, отдельно взятой семьи и человека. Сооружаются мемориальные объекты, которые в большей степени, по сравнению с советским периодом, «говорят» о различных категориях жертв. Так, детям войны посвящен мемориал «Красный Берег» (Жлобинский район, Гомельская область). В память о погибших военнопленных в 1996 г. в г. Молодечно возведён «Шталаг 342». Центральными памятниками жертвам Холокоста можно считать минские мемориалы «Тростенец» и «Яма». Также в Беларуси появился памятник пациентам Могилёвской психиатрической больницы, погибшим вместе с медперсоналом в 1941–1942 гг.

Литература

1. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны): вучэб. дапам. для студэнтаў устаноў, якія забяспечваюць атрыманне вышэйш. адукацыі / А. А. Каваленя, У. І. Лемяшонак, Б. Дз. Далгатавіч і інш.; пад рэд. А. А. Кавалені, С. М. Сташкевіча. – Мінск : выд. цэнтр БДУ, 2004. – 279 с.

2. Об утверждении Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи : Постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 82 // Документы Министерства образования Республики Беларусь. Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина» [Электронный ресурс]. – 2011–2021. – Режим доступа: <http://www.brsu.by/div/dokumenty-ministerstva-obrazovaniya-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 31.05.2021.

3. Об утверждении Программы непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2021–2025 гг. : Постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 31 декабря 2020 г., № 312 // Минский городской методический портал [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <http://mp.minsk.edu.by/main.aspx?guid=6581>. – Дата доступа: 31.05.2021.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, война, память, увековечение, памятники.

Key words: patriotic education, war, memory, perpetuation, monuments.

В статье показана роль и место памяти о Великой Отечественной войне в гражданско-патриотическом воспитании молодежи в Республике Беларусь.

The article shows the role and place of memory of the Great Patriotic War in the civil-patriotic education of youth in the Republic of Belarus.

УДК 323 : 314.015

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

СКАКУН Е. В.

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Одной из наиболее глобальных проблем современности является демографическая. Происходящий в одной части мира демографический взрыв соседствует с демографическим кризисом в другой его части, обостряя социально-экономические противоречия в этих регионах и во всем мире в целом.

Демографическая проблема всегда была в центре внимания политиков, поскольку в связи с войнами, массовыми эпидемиями, природными катаклизмами государства, власть всегда нуждалась в людских ресурсах.

Две мировые войны, распад СССР, кризисные явления в экономике, последствия катастрофы на Чернобыльской АЭС, безусловно, негативно повлияли на демографическую ситуацию в Республике Беларусь. Адаптационная реакция населения на рост социально-экономической нестабильности в обществе, ухудшение экологической обстановки проявилась в изначальной ориентации на малодетность, которая затем начала закрепляться как поведенческая норма. Сокращение сроков жизни было связано с ухудшением здравоохранения, охраны правопорядка, ухудшением здоровья в результате ломки привычных устоев жизни, деструктивного поведения. Так, снижению рождаемости в конце 80-х – начале 90-х гг. способствовала неблагоприятная половозрастная структура населения – вступление в активный детородный возраст сравнительно малочисленной группы, родившейся в 60-е годы. Характерный для развитых стран демографический переход Беларуси к новому типу воспроизводства населения также является закономерным процессом, проявляющимся в изменении репродуктивного поведения в сторону уменьшения норм детности.

Вопросам демографической безопасности Республика Беларусь всегда уделяла повышенное внимание, т. к. от их решения зависит развитие экономики, социальной сферы, безопасность страны и ее роль в международном сообществе.

Меры государственного воздействия на демографические процессы содержатся в Концепции Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года, в Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы.

Концепция Национальной безопасности Республики Беларусь определила основные интересы нашей страны в демографической сфере и нацелила демографическую политику на преодоление негативных тенденций и формирование благоприятных условий для демографического развития и роста численности населения страны [1].

В демографической сфере внутренними источниками угроз национальной безопасности являются: неблагоприятная половозрастная структура населения; уровень рождаемости, не обеспечивающий простое замещение родительских поколений; снижение степени социальной потребности в детях; высокий уровень смертности граждан в возрасте, наиболее благоприятном для обеспечения воспроизводства населения; негативные трансформации института семьи (высокий уровень разводов, увеличение числа неполных семей с детьми, социальное сиротство и иное) [1].

Характерные для развивающихся стран высокая смертность и высокая рождаемость в Европе сменились сначала относительно повышенной рождаемостью и высокой смертностью, а затем – низкой рождаемостью и низкой смертностью. В результате началось относительное старение обществ.

Если рассматривать Беларусь, то на протяжении всех послевоенных лет, вплоть до начала 1990-х годов, численность населения страны постоянно росла. Однако интенсивность этого роста начала снижаться уже с начала 1970-х годов. Впервые смертность превысила рождаемость в 1993 г., и страна вступила в качественно новый период своего развития – депопуляцию [2, с. 11].

Депопуляция – это далеко не уникальное явление в мире и наблюдается во многих странах Европы, причем не только постсоветских. Так, во Франции депопуляция отмечалась еще в 1940-е годы, в Германии – с начала 1970-х годов и длится до сих пор. С начала 1980-х депопуляция началась в Венгрии, а с середины 1990-х еще более чем в десятке стран Европы: Беларуси, Болгарии, Греции, Италии, Латвии, Литве, Молдавии, России, Румынии, Словении, Украине, Чехии, Швеции, Эстонии. Так, за 2014 г. наиболее быстро за счет естественного движения уменьшилось население Украины (-3,9 %), Болгарии (-5,2 %), Латвии (-4,1 %), Эстонии (-1,3 %) и Венгрии (-3,8 %) [3, с. 502].

В 2009 г. по данным переписи население Республики Беларусь составляло 9 млн 489 тыс. Данные переписи 2019 г. показали, что население Беларуси составляет 9 млн 413 тыс. человек. Если сравнить данные переписи 1999 и 2009 гг., то население уменьшилось на 556 тыс. человек. Если мы сравним переписи 2009 и 2019 гг., то мы видим, что за этот период население уменьшилось на 76 тыс. человек [4].

Сокращение численности населения страны будет происходить вследствие отрицательного естественного прироста. Согласно прогнозным оценкам наибольшие демографические потери понесет сельская местность, тогда как ситуация в городах будет более благоприятной. К 2030 году городское население увеличится на 2,6 % (с 7,22 млн до 7,41 млн человек), а его доля достигнет 80 %. В то же время ожидается, что численность сельского населения сократится в прогнозируемом периоде почти на 400 тыс. человек и составит в 2030 году 1,85 млн человек. Причем численность населения уменьшится во всех регионах, за исключением Минска, население которого будет увеличиваться медленными темпами [5].

Начиная с 2004 по 2015 гг. в Беларуси наблюдался рост рождаемости. В 2007 г. количество рожденных детей впервые за долгие годы превысило сто тысяч – 103 626 детей. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2015 г. родилось 119 028 детей, в 2016 г. – 117 779, в 2017 – 102 556, в 2018 г. – 94 042, в 2019 г. – 87 602. Начиная с 2016 года, мы опять наблюдаем снижение уровня рождаемости. Естественная убыль населения за 2019 год составила 33 066 человек. Это на 7055 человек больше, чем в 2018 году.

Специалисты отмечают, что в последнее время стали заметны так называемые черты «европейского» репродуктивного поведения у населения Беларуси. Это проявляется в стремлении населения к самореализации, карьерному росту, высоким стандартам потребления, жизни для себя (включая путешествия, развлечения и др.). Молодые люди не спешат создать семью. А если даже и создают, то только в незаклученном браке. Как мы понимаем, в такой семье не спешат заводить детей. Все же в большей степени превалирует материальное обеспечение семьи. А это и хорошая зарплата, и решение жилищного вопроса.

Однако откладывание деторождения на более поздний срок приводит к снижению вероятности рождения детей в семье, в том числе вероятности появления второго ребенка и последующих детей из-за имеющихся объективных возрастных ограничений (включая заболевания женщин и мужчин).

Как и для многих европейских государств, для Беларуси характерна тенденция увеличения среднего возраста женщин при рождении первого ребенка. Если в 2013 году средний возраст женщины при рождении ребенка составил 28 лет (при рождении первенца – 25,4 года), то в 2018 году при рождении ребенка он составил 29,4 года, а при рождении первого – 26,7 лет.

Характерную тенденцию увеличения среднего возраста мы наблюдаем и при вступлении в первый брак: если в 2013 г. у женщин составлял 25 лет, а у мужчин – 27,1 года, то в 2018 г. у женщин – 26 лет, у мужчин – 28,1 года.

В 2004 году показатель суммарной рождаемости составлял 1,2 ребенка на каждую женщину, в 2010 году суммарный коэффициент рождаемости составил 1,49 на одну женщину. В 2018 г. суммарный коэффициент рождаемости снизился до 1,448, то в 2019 г. он уже составил 1,382. Такие показатели не обеспечивают в стране уровня простого воспроизводства населения. Чтобы воспроизводить население необходимо, чтобы суммарный коэффициент составлял 2,15.

В первую очередь нынешнее падение рождаемости связано в некоторой степени с вступлением в репродуктивный возраст постсоветских поколений демографической ямы 1990-х и первой половины 2000-х гг.

При этом на фоне падения рождаемости продолжает стремительно сокращаться количество зарегистрированных браков в республике. Так, по данным Белстата, в 2018 г. было зарегистрировано 60 714 браков, что является минимальным показателем за последние 14 лет (начиная с 2004 г.). В 2019 г. количество зарегистрированных браков увеличилось до 62 744, в 2020 г. – 50384. В 2020 г. лидирует по количеству браков г. Минск – 15,5 тыс. На 1000 жит. в городе регистрируется 5,8 браков и в сельской местности – 3,8.

Вместе с тем в республике наблюдается высокий уровень разводов. Если в 2017 году развелись 32 006 семей, в 2018 году – 33 152, то в 2019 г. – 34 470.

Большой процент разводов составляют семьи, прожившие менее пяти лет. В 2018 г. на 1000 браков приходилось 546 разводов, то в 2019 г. – 549 разводов.

И если статистику заключения браков в 2020 году можно оправдать эпидемиологической ситуацией или тем, что он високосный, то число разводов пугает и заставляет задуматься, какое будущее у самой малой, но очень важной ячейки общества.

Основным внешним источником угроз национальной безопасности является рост потока незаконных мигрантов в Беларусь или через ее территорию [1].

Современная миграция представляет собой многогранное явление, влияющее на все стороны развития общества и охватывающая практически все государства мира. В то время как одни переезжают в поисках лучшей работы, образования, экономических благ или для воссоединения с семьей, другие вынуждены бежать от конфликтов, терроризма или нарушений прав человека.

Сегодня мы наблюдаем интенсивное расширение миграционных потоков и вместе с тем, процесс миграции стал составляющим фактором всех глобальных изменений. Так, по данным ООН в 2019 году число мигрантов в мире достигло отметки в 272 миллиона. В 2000 году число мигрантов составляло порядка 173 миллиона человек. Однако доля международных мигрантов в общем числе жителей планеты почти не меняется в течение последних десятилетий: 3,4 % в 2017 году, 2,8 % в 2000 году и 2,3 % в 1980 году.

Для одних миграция является вопросом выбора, для других – вопросом жизни и смерти. Сегодня в мире насчитывается 70 миллионов принудительно перемещенных лиц, включая 26 миллионов беженцев, 3,5 миллиона искателей убежища и более 41 миллионов внутренне перемещенных лиц [6].

По данным Белстата, в 2019 году из Беларуси уехали 20 976 человек. В 2020 г. эта цифра заметно выросла. Например, в 2018 году эмигрантов было 15,2 тысячи, в 2017-м – 15 тысяч, а десять лет назад, в 2009-м, и вовсе 7,6 тысяч. Больше половины прошлогодних мигрантов предпочли страны СНГ (12,9 тысячи), а остальные выехали за пределы СНГ.

Среди стран лидируют Россия, Украина, Туркмения, Польша, Израиль и др. [7].

В тоже время в 2019 году в нашу страну для занятия трудовой деятельностью прибыло свыше 20,8 тыс. иностранцев. Это на 4,7 тыс. больше, чем в 2018 году.

По данным ДГиМ МВД наибольшее количество прибывших в Беларусь трудовых мигрантов составили россияне – 6,7 тыс. или каждый третий специалист. Почти каждый пятый трудоустроенный – гражданин Китая (4,3 тыс.). В тройку стран по числу прибывших к нам на работу иностранцев вошла Украина (3,1 тыс.).

В разделе 4.1 Концепции Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года «Предусматривается разработка Концепции государственной миграционной политики, в которой найдут отражение дополнительные механизмы привлечения и эффективного использования иностранной рабочей силы, в том числе высококвалифицированных специалистов» [8].

Разработка такой концепции на сегодня необходима. Но, что мы видим. Если в Государственную программу «Здоровье народа и демографическая

безопасность» на 2016–2020 годы была включена подпрограмма «Внешняя миграция», то в этой же программе на 2021–2025 данная подпрограмма уже отсутствует.

Пассивная позиция государства в миграционной сфере приводит к выезду из страны высококвалифицированных специалистов, молодежи и прибытию населения, как правило, с низкими качественными характеристиками.

Преодоление депопуляции населения возможно только при комплексной, целенаправленной демографической политике, направлении значительных средств на укрепление здоровья населения, улучшение качества жизни. Также наряду с грамотной иммиграционной политикой должны быть приняты меры по стимулированию рождаемости, созданию условий для воспроизводства населения.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 г., № 575. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by>. – Дата доступа: 05.05.2021.
2. Демографическая ситуация, человеческий и социальный капитал Республики Беларусь: системный анализ и оценка / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2008. – 424 с.
3. Солодовников, С. Ю. Человеческий потенциал Республики / С. Ю. Солодовников – Минск : Беларус. навука, 2009. – 716 с.
4. В стране нас стало меньше, в Минске – больше. Первые итоги переписи населения-2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/673264.html>. – Дата доступа: 13.05.2021.
5. Доля городского населения Беларуси возрастет к 2030 году до 80% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/432954.html>. – Дата доступа: 01.02.2021.
6. Миграция. Организация Объединённых Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration>. – Дата доступа: 13.05.2021.
7. Сколько человек из Беларуси уезжает на заработки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zautra.by/news/skolko-chelovek-iz-belarusi-uezzhaet-na-zarabotki>. – Дата доступа: 03.05.2021.
8. Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года // Министерство экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Kontseptsija-na-sajt.pdf>. – Дата доступа: 17.02.2021.

Ключевые слова: демографические аспекты, демографическая безопасность, национальная безопасность, депопуляция, миграционная политика.

Key words: demographic aspects, demographic security, national security, depopulation, migration policy.

В статье рассматриваются внутренние и внешние источники угроз национальной безопасности Республики Беларусь в демографической сфере. Проведен сравнительный анализ основных демографических показателей: рождаемости, количества браков, разводов, миграции. Анализируются проблемы депопуляции населения Республики Беларусь.

The article examines the internal and external sources of threats to the national security of the Republic of Belarus in the demographic sphere. The author performs a comparative analysis of the main demographic indicators: birth rate, the number of marriages, divorces, migration. The problems of depopulation of the Republic of Belarus are analyzed.

В. И. ДОЛГИХ КАК ПРИМЕР УПРАВЛЕНЦА
СО СТРАТЕГИЧЕСКИМ МЫШЛЕНИЕМ

СТРЕЛЕЦ М. В.

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Автор доклада задался целью продемонстрировать пример управленца со стратегическим мышлением. Именно под таким углом зрения в докладе рассматривается жизненный путь дважды Героя Социалистического Труда Владимира Ивановича Долгих. Этот коренной сибиряк отметился за свою долгую жизнь вхождением во многие элиты и в каждой из них играл выдающуюся роль. Его становление как руководителя начиналось в родном Красноярском крае.

В 37 лет стал директором Норильского горно-металлургического комбината имени А. П. Завенягина. По тогдашним меркам этот промышленный гигант получил молодого руководителя. При назначении учитывались как анкетные данные, так и реальные деловые качества. На уроженца Красноярского края работали активное участие в Великой Отечественной войне, отличное окончание горно-металлургического института, блестящая реализация в качестве инженера-металлурга, серьёзные научные изыскания в области цветной металлургии [1].

Молодой директор быстро оправдал оказанное ему доверие. Впечатляюще изменились вверенный ему субъект хозяйствования и сам Норильск. Было возвращено широким фронтом промышленное строительство на правом берегу реки Норилки в районе будущего Талнаха. Спустя всего лишь три года местные жители стали свидетелями добычи руды на первом талнахском руднике «Маяк». Через год директор организует регулярную, бесперебойную доставку руды с «Маяка» на обогатительную фабрику Норильского комбината. За семь лет директорства Владимир Иванович добился десятикратного увеличения выплавки никеля, меди и металлов платиновой группы. За эти же годы комбинат стал весьма солидно выглядеть в глобальном ландшафте. Обрёл реальные очертания завязанный на комбинате промышленный комплекс. Промышленный стратег В. И. Долгих одновременно держал в своей голове гидроэнергетику, газодобычу, транспортные узлы, продление сроков морской навигации, строительную индустрию. Это – неотъемлемые составные части указанного комплекса. С его именем были связаны появление Усть-Хантайской ГЭС и высоковольтной линии электропередачи до Норильска протяжённостью 160 км, радикальная механизация Дудинского морского порта, сдача в эксплуатацию аэропорта на Таймыре – «Алыкель». Долгих был непосредственно причастен к появлению городов и посёлков Талнах, Снежногорск, Мессояха, Солёное, Тухард [2].

28 апреля 1969 года директор комбината стал первым секретарём Красноярского крайкома КПСС. Что же ему удалось сделать за три года и восемь месяцев,

то есть за всё время нахождения на данном посту? Край перестал жить на дотации от центра. Отныне за ним стала закрепляться репутация донора для соседних регионов. Была поставлена на поток организация полных циклов обработки местного сырья с получением в итоге готовой продукции. Первый секретарь обкома КПСС вызвал к жизни поражающий своими макроэкономическими и технологическими характеристиками металлургический комплекс: Красноярская ГЭС – Ачинский глинозёмный комбинат – Красноярский алюминиевый завод – Красноярский металлургический завод. Резко возросли объёмы производства глинозёма, алюминия, кальцинированной соды, сульфата калия. На порядок выше стали результаты хозяйствования в тайге. Улучшились макроэкономические показатели в агропромышленном комплексе [5].

Уроженец Красноярского края 16 лет находился на должности Секретаря ЦК КПСС. Одновременно он выступал и в других качествах. Поясним это обстоятельство приведением соответствующей конкретики. 6 лет являлся кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. 8 лет возглавлял Отдел тяжёлой промышленности и энергетики ЦК КПСС. Все 16 лет избирался парламентарием союзного уровня.

Владимир Долгих по сути выполнил роль стратега в процессе формирования того топливно-энергетического комплекса, на котором держится современная Российская Федерация. Он смотрел на многие годы вперёд, адекватно оценивая топливно-энергетический потенциал Западной Сибири. Именно благодаря Владимиру Ивановичу в 70-е – 80-е годы прошлого века имела место беспрецедентная реализация этого потенциала [4].

Есть смысл сказать о том, что сделал В. И. Долгих для моей родной Белорусской ССР, будучи Секретарём ЦК КПСС. Он первым в высшем партийном руководстве СССР поддержал ходатайство Председателя Совета Министров БССР Т. Я. Киселёва о строительстве Белорусского металлургического завода в городе Жлобине, убедил Л. И. Брежнева в необходимости этого шага. Хорошо известно, что Генеральный секретарь ЦК КПСС далеко не сразу дал добро. В конечном итоге аргументы секретаря ЦК сработали. Он постоянно держал руку на пульсе, когда велось строительство мозырского нефтеперерабатывающего завода, осуществлялась его реконструкция. Вполне обоснованно придавал большое значение вводу в эксплуатацию комплексных установок по переработке нефти ЛК-6У на данном предприятии. Они вписывались в глобальный технологический тренд. Их ввод в эксплуатацию состоялся в далёкие 1970-е годы. Долгих внёс очевидный вклад в строительство 2-й очереди Лукомльской ГРЭС. Без вездесущего Секретаря ЦК КПСС невозможно представить поистине революционные сдвиги касательно газовой промышленности БССР. Владимир Иванович выступил главным партийным куратором строительства и ввода в пользование газотранспортной системы Торжок – Минск – Ивацевичи. Обрёл реальные очертания совершенно новый источник поступления природного газа на территорию БССР. Это – месторождения Западной Сибири и Коми АССР, которые никак не причислишь ни к малым, ни к средним. Тогда как раз шёл четвёртый год девятой пятилетки. Если принять потребление природного газа в БССР в завершающем году девятой пятилетки за 100 %, то в завершающем году десятой пятилетки соответствующий показатель был равен 420 %.

Представляется уместным привести следующую выдержку из книги первого президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина «Исповедь на заданную тему»: «В. И. Долгих. Пожалуй, это был один из наиболее профессиональных, эффективно работающих секретарей ЦК. Долгих отличали системность, взвешенность, он никогда не предлагал скоропалительных решений, самостоятельность – конечно, в пределах допустимого. ... В своих выступлениях он не любил критиковать, а просто высказывал личное – четкое, ясное и продуманное предложение. Мне кажется, он очень полезен был Политбюро» [2]. Свидетельство Ельцина укрепляет во мнении, что Горбачёв явно поспешил, отправив Долгих на пенсию 30 сентября 1988 года. В условиях нарастания кризисных явлений в советском обществе такие управленцы как дважды Герой Соцтруда были востребованы как никогда. Было даже время, когда Владимир Иванович рассматривался в качестве одного из претендентов на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Его кандидатуру активно лоббировал председатель Совета Министров СССР в 1980–1985 гг. Н. А. Тихонов. Если бы в 1985 году КПСС возглавили В. В. Гришин или Г. В. Романов, В. И. Долгих стал бы главой высшего органа исполнительной и распорядительной власти СССР [6]. Из всей партийно-государственной номенклатуры Владимир Иванович лучше всего подходил для этой должности.

Фронтвик, защищавший Советское Отечество от фашизма, с глубокой болью встретил исчезновение СССР с политической карты мира. В постсоветский период он постоянно раздумывал над тем, чтобы Россия не повторила судьбу столь дорогого для ветерана СССР. В лихие 1990-е В. И. Долгих активно доводил до тех, кто сидел на самом верху, своё видение необходимых для общества реформ. Во многом оправдался его скепсис по поводу гайдаровских реформ [4].

Справедливости ради отметим, что Владимир Иванович не затерялся в новой России. Он проявлял активность, будучи депутатом Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, членом Совета Федерации. Дважды Герой Соцтруда состоял в ряде авторитетных общественных организаций, являлся внештатным советником губернатора Красноярского края А. В. Усса [2].

«С точки зрения современных оценок, Владимир Долгих был как раз таким технократом, на которых и ныне власть стремится опираться. Высокий профессионализм и нацеленность на конечный экономический результат без оглядки на идеологические штампы и ложные теории. Видимо, поэтому бывший кандидат в члены Политбюро вписался и в постсоветские реалии, особенно не поступаясь принципами. То, что много десятилетий назад создавалось в Красноярском крае, в Норильске его руками и компетентностью, продолжает и сейчас всю служить интересам страны» [3].

Эта яркая личность внесла очевидный вклад в формирование культуры исторической памяти. Уроженец Красноярского края рассматривал историческую память как стратегический резерв российского государства, вносил конструктивные предложения на предмет укрепления патриотического стержня российского общества. В. И. Долгих вёл упорную и настойчивую борьбу против фальсификации истории Великой Отечественной войны. Ветеран войны был глубоко возмущён тезисом о равной ответственности СССР и Германии за

развязывание Второй мировой войны, решительно противостоял попыткам героизации нацизма.

Владимир Иванович 18 последних лет своей жизни был председателем «Московского совета ветеранов, постоянно отстаивал их права, заботился о них. В столичном департаменте труда и соцзащиты населения вспоминают, как в год 75-летия Победы Владимир Иванович всей душой и сердцем переживал, чтобы, несмотря на пандемию и самоизоляцию, фронтовики и труженики тыла получили юбилейные награды в торжественной обстановке и не чувствовали себя забытыми дома. И добился этого, несмотря на все трудности. Впрочем, как и всегда» [5].

Наградная коллекция этого человека включала три сегмента. Самый большой – советский. В нём центральное место занимали 2 звезды Героя Социалистического Труда. Были также 8 орденов, целая россыпь медалей. Второй сегмент – награды от высшего государственного руководства Российской Федерации. Здесь ещё большая россыпь медалей. Зато только три ордена. Третий сегмент образовали награды иностранных государств.

Литература

1. Дважды Герой Социалистического Труда Долгих Владимир ... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warheroes.ru> › hero › hero . – Дата доступа: 05.03.2021.
2. Долгих, Владимир Иванович // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org> › wiki › Долгих,_Владимир_ – Дата доступа: 01.04.2021.
3. Долгих: от Сталина до Путина – NEWS.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.ru> › politics › dolgih-ot-stalina-do-putina. – Дата доступа: 05.11.2020.
4. Умер Почетный гражданин города Москвы Владимир ... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dep41.duma.mos.ru> › news. – Дата доступа: 30.10.2020.
5. Ушла легенда – [Электронный ресурс] // Российская газета. – Режим доступа: <https://rg.ru> › 2020/10/09 › ushla-legend. – Дата доступа: 09.10.2020.6.
6. Человек, который мог возглавить СССР вместо Горбачева ... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru> › 843150-chelovek-vozglavit . – Дата доступа: 09.10.2020.

Ключевые слова: Владимир Иванович Долгих, металлургия, партийная и государственная деятельность, топливно-энергетический комплекс.

Key words: Key words: Vladimir Ivanovich Dolgikh, metallurgy, party and state activities, fuel and energy complex.

Автор доклада задался целью продемонстрировать пример управленца со стратегическим мышлением. Именно под таким углом зрения в докладе рассматривается жизненный путь советского и российского государственного, партийного и общественного деятеля, организатора промышленности Владимира Ивановича Долгих.

The author of the report set out to demonstrate an example of a manager with strategic thinking. It is from this point of view that the report examines the life path of the Soviet and Russian statesman, party and public figure, industrial organizer Vladimir Ivanovich Dolgikh.

НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

СУШКО В. В.

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Республика Беларусь*

В начале 1990-х годов в постсоветских государствах происходили трансформационные процессы во всех общественных сферах. К одним из сложнейших можно отнести преобразования в духовной жизни общества. В условиях экономического и политического кризисов, радикальных социальных преобразований, смены идеологических доктрин в социуме образовался духовный вакуум. Как отмечают исследователи социологии религии, интерес к религиозным практикам в течение 1990-х – начале 2000-х годов среди населения постсоветских стран был очень высок (до 80 % граждан называли себя верующими). Особые изменения произошли в контексте государственно-религиозных взаимоотношений, которые свидетельствовали о начале формирования партнерства между государственными и религиозными институтами.

Таким образом, документом, который гарантировал суверенитет личности в вопросах вероисповедания и отношения к религии, стал Закон «О свободе совести и религиозных организациях» от 1 октября 1990 г. В содержании его статей предусматривалась ликвидация института уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР, и отныне государственный орган по делам религий являлся информационным, консультативным и экспертным центром в системе государственного управления СССР.

В отличие от предыдущих законодательных документов, Закон от 1 октября 1990 г. рассматривал религиозную сферу не как «чуждую и враждебную», а как неотъемлемое право человека исповедовать религию или быть атеистом, учитывая также общепринятые нормативные акты мирового сообщества. Таким образом, государство не вмешивалось во внутренние дела религиозных организаций (ст. 5) [3, с. 23], граждане могли беспрепятственно обучаться религиозному вероучению (ст. 6) [3, с. 23], религиозные объединения получили статус юридических лиц (ст. 13) [3, с. 25] и т. д. Особое значение для представителей новых религиозных движений имела статья 9 [3, с. 24], которая позволяла религиозным группам, имеющим руководящие центры за рубежом, использовать их уставы, программы; статья 19 [3, с. 27], где обосновывалась возможность религиозных общин учреждать издательские, полиграфические, производственные, строительные и другие предприятия.

После обретения независимости бывшими республиками СССР на постсоветском пространстве, и Республике Беларусь в том числе, начался процесс разработки законодательства, регулирующего вопросы свободы совести, учитывая мировой демократический опыт. В соответствии со всесоюзными требованиями в БССР 16 августа 1991 г. принимается Постановление Совета Министров БССР «О создании в республике государственных органов по делам

религии», позже, 4 октября 1991 г. – Постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об установлении временного порядка регистрации уставов религиозных организаций».

Следующим шагом на пути формирования религиозного законодательства стало принятие законодательных актов, являющихся фундаментальными в государственно-религиозных отношениях. Таким образом, в Республике Беларусь был принят Закона «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» от 17 декабря 1992 г. Закон ликвидировал все необоснованные ограничения, которые были применены в отношении религиозных организаций в советском законодательстве о религиозных объединениях, упростил процедуру регистрации общин верующих, регламентировал возможность проведения внекультовой деятельности группами верующих, признавал право собственности и юридического лица за религиозными организациями, обеспечивал право священнослужителей на социальную защиту и страхование.

Согласно законодательству подтверждалось право граждан на свободу вероисповедания, возможность родителей воспитывать детей в соответствии со своими религиозными взглядами (статья 3), статья 6 обеспечивала равенство всех религий перед законом, не отдавая предпочтения какой-либо определенной [1, с. 20–22]. Важное значение имела статья 8, которая разрешала основывать религиозные учебные заведения, а также с согласия родителей и органов образования осуществлять познавательную-воспитательную работу в государственных учебных заведениях [1, с. 22].

Не смотря на очевидное демократическое содержание и гарантию свободы вероисповедания, Закон имел и ряд существенных противоречий. Главными из них были несовершенства ряда статей, наличие которых не защищало религиозное пространство Республики Беларусь от проникновения нетрадиционных религиозных движений. Такие религиозные образования чаще всего привлекали адептов своей экзотичностью, нетрадиционными видами культовых практик, и, якобы, принадлежностью к «группе избранных». Зачастую новые религиозные движения характеризуются сомнительным вероучительным компонентом, замкнутостью, деструктивностью и специфическими видами религиозных практик.

Феномен нетрадиционной религиозности является характерной особенностью современной религиозной жизни. Не связанные с традиционными религиозными вероучениями, можно обозначить несколько направлений новых религиозных движений: эзотерическая культура, внеисповедная религиозность, светский гуманизм, духовные искания. При этом отношение новой религии к окружающему миру и его ценностям может быть и мироприемлющим (мормоны – ЦИХСПД, вера Бахаи, Сахаджа Йога и мн. др). Но было бы неправильным совершенно исключать радикально-оппозиционное мироотношение, так как различные церкви в отдельные периоды своей истории противостояли государству и – особенно в современную эпоху – во многом противостоят доминирующим общественным ценностям.

Действительно, в первое десятилетие после распада СССР активизировали религиозную деятельность не только представители традиционных конфессий, но и организаций новых религиозных движений. Зарубежные миссионеры

нетрадиционных религиозных практик, пользуясь возможностью осуществлять деятельность на постсоветском пространстве, реализовывали проповедническую, просветительскую и иные формы работы для привлечения последователей и создания объединений. Новоявленные религиозные «гуру» организовывали встречи, лекции, семинары в помещениях кинотеатров, спортивных дворцов, административных учреждений, целью которых было привлечение новых адептов. Для того чтобы контролировать действия последователей, лидеры новых религиозных движений использовали различные психотехники, то есть системы специальных приемов психологического воздействия на сознание верующих с целью реформирования мышления и контроля религиозного поведения. Наиболее распространенными являются:

- формирование негативных оценочных суждений относительно прошлой жизни члена религиозной группы;

- обрыв информационных и социально-коммуникативных связей верующего с внешней социальной средой вплоть до его изоляции в особых поселениях;

- интенсивную систематическую индоктринацию (обязательное изучение литературных источников, просмотр и прослушивание проповедей в записи, музыкальных произведений и т. п.);

- формирование биполярной («свой-чужой») парадигмы религиозного мышления, что при определенных условиях может привести к нетерпимости и экстремизму, часто проявляемому в период личных кризисов, обострения социальных и экономических проблем;

- групповое давление, сопровождаемое так называемой «бомбардировкой любовью». Чувство принадлежности к «единой семье», сопричастности к деятельности религиозной группы искусственно создается и поддерживается специальными психологическими приемами;

- блокирование способности к автономному рационально-критическому мышлению, так называемая «остановка мышления», достигаемая посредством повторения молитвенных формул и медитации;

- использование гипноза, самогипноза и психотехник, ведущих к измененному состоянию сознания – к трансу, религиозному экстазу;

- использование специального искусственного языка в общении;

- введение ограничений в питании и сне, что способствует физическому и психическому истощению организма верующих, усилению их внушаемости и утрате способности адекватной ориентации в новой для себя обстановке;

- внушение чувства вины перед организацией и боязни выхода из нее. Лояльность религиозной группе (движению, течению) и подчинение ее правилам и идеологии может достигаться путем формирования фобий, угроз возможного наступления психических, физических и социальных последствий вследствие несоблюдения установленных предписаний. В религиозной группе культивируются апокалипсические настроения, ведется пропаганда катастрофически-апокалипсического взгляда на мир, предопределенности человеческой жизни и покорности судьбе [2, с. 16–17].

Лидеры новых религиозных движений предлагали потенциальным последователям скорое обретение счастья, успех в личной жизни, карьерный взлёт, финансовое обогащение и т. д. как только человек станет членом того или иного

объединения. И действительно, не смотря на очевидный подвох, популярность новых религиозных движений была очевидна, особенно в период 1990-х годов. Этот факт объясняется тем, что в условиях экономического, политического и социального кризисов постсоветское общество нуждалось в поддержке и духовной опоре, пусть даже такой иллюзорной и заведомо ложной.

Традиционные религиозные вероучения, например, христианство, ислам, буддизм, иудаизм, не могли предложить верующим скорейшего обретения земных благ. Первостепенным для их вероучений является обретение человеком душевного равновесия, избавление от греховности и спасение души, не акцентируя всё внимание на получении материальных ценностей и удовлетворении амбиций человека.

Таким образом, кризис общественных сфер в период 1990-х годов на постсоветском пространстве стал одной из причин, по которой новые религиозные движения обретали популярность и последователей. При этом нельзя утверждать о массовом распространении данных организаций, так как их деструктивный характер, впоследствии, «отрезвлял» приверженцев.

Особое внимание лидеров новых религиозных движений привлекала молодежь. Используя различные предлоги, в первую очередь материальную спонсорскую помощь учреждениям образования и детско-юношеским объединениям, представители нетрадиционной религиозности проникали в молодежную среду, пропагандируя свои вероучения. Особой формой работы было создание летних лагерей отдыха при организациях новых религиозных движений, где осуществлялась активная работа по приобщению детей и подростков к соответствующему вероучению. Чтобы противостоять этой тенденции, государства начинают ратифицировать документы, которые препятствовали проникновению новых религиозных движений в образовательную среду. Так, в 1999 г. в Республике Беларусь были утверждены методические рекомендации «О взаимоотношениях государственных учебно-воспитательных учреждений с религиозными организациями и противодействию деятельности деструктивных сект в учреждениях образования Республики Беларусь». В 2000 г. состоялась совместная коллегия Министерства образования Республики Беларусь и Государственного комитета по делам религий и национальностей Республики Беларусь. Результатом стало принятие постановления «О духовно-нравственном воспитании и преодолении влияния деструктивных сект и организаций на учащуюся и студенческую молодежь».

Начиная с 2000-х годов в ряде государств вводится процедура проведения обязательных государственных религиозно-экспертных экспертиз религиозных организаций, пропагандирующих идеологию и культ, ранее не известных на постсоветском пространстве; запрещается деятельность религиозных организаций, не зарегистрировавших свои уставы в органах государственного управления, усиливается юридическая ответственность за создание и руководство такими организациями.

Следует отметить, что активное участие в противодействии распространению новых религиозных движений на постсоветском пространстве приняла Православная церковь. В частности в Республике Беларусь был создан в 1997 г. при Минской епархии «Информационно-консультативный миссионерский

центр имени преподобного Иосифа, игумена Волоцкого». Задачей центра является сбор и анализ материалов, а также консультирование граждан, общественных и государственных организаций по вопросам деятельности новых религиозных движений.

Таким образом, предпринимаемые действия политического, правового характера привели к частичному снижению активности новых религиозных движений, уменьшению деятельности наиболее деструктивных организаций, снижению интереса населения к их религиозной практике.

Литература

1. Аб свабодзе веравызнанняў і рэлігійных арганізацыях : Закон Рэсп. Беларусь ад 17 снеж. 1992 г. № 2030-XXI // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэсп. Беларусь. – 1993. – № 2. – Ст. 18.

2. Дьяченко, О. В. Новые религиозные движения в Беларуси: пособие / О. В. Дьяченко. – Могилев: УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2011. – 136 с.

3. О свободе совести и религиозных организациях : Закон СССР, 1 окт. 1990 г., № 1689-1 // Ведомости Съезда нар. депутатов СССР и Верхов. Совета. – 1990. – № 41. – Ст. 813.

Ключевые слова: новые религиозные движения, государственно-религиозные взаимоотношения, свобода совести, адепт, культ, секты.

Key words: new religious movements, state-to-religion interrelations, freedom of conscience, adept, cult, sects.

Статья посвящена анализу проникновения, особенностям распространения на постсоветском пространстве новых религиозных движений и их воздействию на личность верующих.

The article is devoted to the analysis of penetration, the peculiarities of the spread of new religious movements in the post-Soviet space and their impact on the personality of believers.

УДК 32.019.5

НУЖНА ЛИ «JUDENSAU» ПОСЛЕ АУШВИЦА?

ХАВКИН Б. Л.

доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

В 2017 г. в мире широко отмечалось 500-летие Реформации – кардинального сдвига в христианском вероучении, начатого немецким теологом Мартином Лютером. Неожиданно одной из центральных тем юбилея стала проблема антисемитизма Лютера. В этой связи канцлер Германии Ангела Меркель, дочь протестантского пастора, в видеообращении 28 октября 2017 г. отметила, что важно показывать не только сильные, но и слабые стороны Лютера, в частности подвергать критике его отношение к евреям; нам нужно представлять историю во всей ее полноте. Аналогичную точку зрения высказала глава Евангелическо-лютеранской церкви центральной Германии епископ Ильзе Юнкерман:

«Церковь выступает за сохранение своей истории, какой бы болезненной она ни была» [1, с. 480].

Александр Мораль Антон, генеральный приор монашеского ордена августинцев, в котором до 1524 г. состоял Мартин Лютер, в канун юбилея подчеркнул, что Лютер был сильно скомпрометирован «национализмом и антисемитизмом», которые «бросили свою мрачную тень на всю историю последующих веков» [1, с. 480].

Трудно найти в современной Германии обвинение более постыдное, вызывающее болезненную реакцию в обществе, чем упрек в неприязненном отношении к евреям. Вспоминаются средневековые еврейские погромы и изгнания из немецких городов (с X в. евреи постоянно жили в гетто Аахена, Кёльна, Майнца, Трира, Франкфурта); из XIX в. на память приходят слова историка Генриха фон Трейчке: «Евреи – наше несчастье» и антисемитские высказывания немецких философов Дюринга, Гегеля, Канта, Фихте и даже еврея Маркса; в XX в. из небытия всплывает преступный Третий рейх с его «окончательным решением еврейского вопроса». Затем последовал разгром нацистского государства, послевоенная принудительная денацификация, долгое и трудное преодоление Германией своего прошлого. И вот в современной ФРГ, власти которой выступают за возрождение еврейской жизни в стране, стал актуален «еврейский вопрос». Отметим, что за последние 20 лет Германия приняла 200 тыс. евреев из бывшего СССР, но из них лишь половина вошла в еврейские общины, насчитывающие 118 тыс. человек (для сравнения: в 1933 г. в Германии жили более 500 тыс. евреев) [2, с. 175].

Масла в огонь подлил скандал вокруг средневекового барельефа на фасаде Замковой церкви в Виттенберге; спор перешел на деятельность Мартина Лютера: именно в Виттенберге в 1517 г. Мартин Лютер огласил свои знаменитые «95 тезисов», что привело к расколу в Римско-католической церкви и рождению протестантизма.

Речь идет о хорошо сохранившемся памятнике вульгарного антиеврейского искусства – композиции «Judensau» («Еврейская свиноматка», воплощающей в камне распространенное юдофобское оскорбление «еврейская свинья»). Наиболее известная «Judensau», виттенбергская, называемая также «Luthersau» («свинья Лютера»), была создана около 1300 г. На барельефе изображены евреи, сосущие свиноматку, и раввин, который залез ей под хвост. Отвратительный символизм заключается в том, что евреи якобы получили свое пропитание и Священное писание от нечистого (свинья считается в иудаизме нечистым животным).

Спор о «Judensau» шел на фоне резкого роста числа иммигрантов-мусульман, которых только что приняла Германия, и успеха на парламентских выборах 2017 г. ультраправой партии «Альтернатива для Германии».

В этой ситуации общественные активисты создали «Объединение за удаление “Judensau”». Теологи и педагоги видят в средневековом рельефе продолжение поношения еврейского народа и иудаизма. Эксперты ссылаются на заявление Синода Евангелическо-лютеранской церкви в Германии, в котором церковь дистанцируется от антисемитизма Лютера.

Мюнхенский художник Вольфрам Кастнер на протяжении десятилетий выступает за удаление антисемитских скульптур с фасадов немецких церквей. «Эти произведения сохраняют свою издевательскую функцию, даже если рядом

с ними размещена памятная или информационная доска», – говорит Кастнер. Художник призывает не разрушать эти памятники средневекового искусства, а перемещать их в церковь. Кроме того, по словам Кастнера, историческое значение и эффект таких непристойных произведений следует неустанно раскрывать. «Нам нужно признать свою вину и сделать все возможное, чтобы больше не было антисемитизма и расизма» [3].

В петиции, инициированной британским мессианским евреем Ричардом Харви, выдвигается требование убрать «Judensau» с площади и перенести в музей. Его петиция собрала более 8 000 подписей [4].

Однако евангелическо-лютеранская община Виттенберга и городской совет утверждают, что барельеф «Judensau» следует сохранить в его нынешнем виде: «Историю нельзя скрывать; сильнее всего воздействует на людей подлинник, находящийся на своем историческом месте» [2, с.177].

Теолог Фридрих Шорлеммер, бывший правозащитник ГДР, также выступает за сохранение скандального рельефа. «Зачем эту глупость, это ужасное издевательство над евреями, изображенное на церкви Виттенберга, превращать в пыль? Ведь от истории так просто не избавишься. Каждый год верующие поминают жертв Хрустальной ночи 1938 года. Память – это вечное предостережение. Историю нельзя забывать» [2, с.177–178]. Напомним, что синагоги запылали по всей Германии в ночь на 10 ноября 1938 года – в канун 455-летия Мартина Лютера.

Фридриху Шорлеммеру вторит пастор Замковой церкви Йоханнес Блок: «Мы убеждены, что история подразумевает не забвение темной стороны прошлого, но противостояние ей» [2, с.178].

«Было бы исторически неправильно удалять скульптуру, – считает профессор университета имени Гёте во Франкфурте-на-Майне Миха Брумлик, который возглавляет движение в поддержку барельефа. – Из уважения к тому, что произошло позже с евреями, необходимо предоставить более полное объяснение антисемитизму Лютера» [1, с. 484].

Чтобы привлечь внимание к своей позиции, Брумлик и другие активисты провели митинги на главной площади Виттенберга и зачитали антисемитские тексты, написанные Лютером. Наиболее известные из них: «О евреях и их лжи», «Шем Хамфораш», «Последние речения Давидовы».

Как связаны между собой «Judensau» и творчество Лютера? Лютер активно использовал этот образ, в частности в опубликованном в 1543 г. памфлете «Шем Хамфораш» (Это древнееврейское обозначение мистического имени Бога. Над рельефом «Еврейской свиноматки» написано: «Раввины. Шем Хамфораш»). В памфлете «Шем Хамфораш» Лютер рассуждает о дьявольской сущности евреев: «Они дети дьявола, приговоренные к адскому пламени... они самого Христа назвали Веельзевулом».

Разумеется, следует учитывать, что тексты Лютера были созданы более полутора тысяч лет назад. Однако немецким национал-социалистам в XX в. для обоснования Холокоста не нужно было соблюдать принцип историзма. Им было вполне достаточно антисемитских текстов Лютера, выхваченных из XVI в. Нацисты использовали антисемитизм Лютера именно для обоснования своего расового антисемитизма, который привел к Холокосту. «Борьба Лютера, учение

Лютера – надежная защита немецкого народа» – гласил нацистский плакат 1933 г. [5].

Один из приговоренных к повешению Международным военным трибуналом в Нюрнберге в 1946 г. издатель нацистской антисемитской газеты «Штюрмер» Юлиус Штрайхер на суде заявил: «На моём месте на скамье подсудимых мог бы сидеть Мартин Лютер, если бы суду было представлено его сочинение «О евреях и их лжи» [6]. В этой связи живущая в Германии доктор филологии Грета Ионкис констатирует: «Что Гитлер делал, то Лютер советовал, разве что кроме убийств в газовых камерах» [7].

О воинствующем антисемитизме учения Лютера напомнил швейцарский художник Давид Фараго, который выставлял на улицах Цюриха свою скульптуру «Голая правда о Мартине Лютере». Лютер изображен в виде эксгибициониста, распахивающего черное пальто. На подкладке пальто написаны слова великого немецкого философа Карла Ясперса, сказанные в 1946 г.: «Гитлер просто осуществил советы Лютера относительно евреев» [8].

На спине пальто художник начертал семь советов отца Реформации: жечь синагоги, разрушать дома евреев, конфисковать их религиозные книги, запрещать раввинам учить, запретить евреям свободу перемещения, экспроприировать их собственность и подвергать их принудительным работам.

В беседе с корреспондентом католического сайта «Kath.ch» генеральный секретарь Швейцарской федерации иудейских общин Йонатан Кройтнер заявил, что проект Фараго его не шокирует: «Эта акция указывает на реальную проблему – на антисемитизм Лютера. Этот аспект деятельности реформатора нужно серьезно обсуждать» [9].

В ходе протестов в Виттенберге в канун 500-летия Реформации демонстранты несли плакат: «Должны ли мы после Аушвица держаться за “Judensau”?» [1, с. 488].

Ответ на этот вопрос остается открытым.

Литература

1. Хавкин, Б. Л. Мартин Лютер – теолог Холокоста // Защитим будущее. Материалы Второй Московской международной конференции по противодействию антисемитизму, ксенофобии и расизму. – М. : Калейдоскоп, 2020.
2. Хавкин, Б. Л. Наследие Мартина Лютера и еврейский вопрос в современной Германии / Б. Л. Хавкин // Современная Европа. – 2019. – № 4.
3. Kastner, W. Nicht ich provoziere, sondern die Zustände provozieren mich. Metropol Verlag, Berlin. 2018.
4. Празднование 500-летия Реформации омрачено антисемитским скандалом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lechaim.ru/news/prazdnovanie-500-letiya-reformatsii-omrachenno-antisemitskim-skandalom/> – Дата доступа: 13.03.2021.
5. Hitler's Kampf und Luther's Lehr Des deutschen Volkes gute Wehr. Nazi Propaganda Depicting Martin Luther Режим доступа: <https://www.facinghistory.org/resource-library/image/nazi-propaganda-depicting-martin-luther>. – Дата доступа: 13.03.2021.
6. Черкасский, Я. Тезисы, потрясшие мир / Я. Черкасский // Русская Германия.
7. Ионкис, Г. Реформатор Мартин Лютер и евреи / Г. Ионкис // Вестник. – 2002. – № 23–24.
8. Ясперс, К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии / К. Ясперс. – М.: Прогресс, 1999.
9. Союз православных журналистов. К юбилею Реформации в Цюрихе напомнили об антисемитизме Мартина Лютера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spzh.news-ru/news/48158-k-yubileyu-reformatsii-v-tsyurikhe-napomnili-ob-antisemitizme-martina-lyutera>. – Дата доступа: 13.03.2021.

Ключевые слова: 500-летие Реформации, Мартин Лютер, Германия, «еврейский вопрос», антисемитизм.

Key words: 500th anniversary of the Reformation, Martin Luther, Germany, Jewish question, anti-Semitism.

В 2017 г. в мире широко отмечалось 500-летие Реформации. Одной из центральных тем юбилея стало отношение немцев к антисемитизму Мартина Лютера. В статье рассказывается о дискуссии по проблеме антисемитизма в современной Германии.

In 2017, the 500th anniversary of the Reformation was widely celebrated in the world. One of the central themes of the anniversary was the attitude of the Germans to Martin Luther's anti-Semitism. The article describes the discussion on the problem of anti-Semitism in modern Germany.

УДК 94.8+330.3

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА НА ПУТИ К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ

ХАРИЧКОВА Л. В.

*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Начало процесса распространения информационных технологий в Латинской Америке восходит к ранним этапам развития самого Интернета. Символической датой открытия виртуального пространства в регионе можно считать 28 февраля 1989 г., когда в Технологическом университете Монтеррея (Мексика) была запущена внутриуниверситетская система NSFNET. Уже в 1992 г. на ее основе была создана информационная сеть MexNet, охватившая 12 научно-образовательных организаций страны, включая 5 ведущих университетов [1]. В начале 1990-х гг. подключение к сети Интернет (также как и в Мексике, преимущественно при участии университетов) осуществили и другие государства региона – Чили, Гватемала, Никарагуа, Панама, Колумбия, Уругвай и Доминиканская республика [2, с. 52]. В отличие от вышеназванных стран, где «промотерами» будущего Интернета выступали в основном частные вузы, в Аргентине и Бразилии сеть Интернета появилась в 1990-м году при участии государственных структур [1]. Таким образом, университеты послужили своего рода стартовыми площадками для присоединения региона к Интернет-пространству.

Стимулом для развития информационных технологий в регионе стало появление национальных стратегий перехода к информационному обществу, принятых в 12 латиноамериканских странах в период с 1998 по 2003 гг. [3]. Дальнейшим катализатором этого процесса стало объединение страновых программ в общую стратегию и реализация первого общерегионального проекта – eLAC-2007 (в апреле 2018 г. была принята его новая версия – eLAC-2020) [4]. С 2013 г. в регионе действует Региональный фонд цифровой инновации стран Латинской Америки и Карибского бассейна (FRIDA). Его бюджет составляет около 1,5 млн долларов, в нем задействованы порядка 50 частных и международных организаций,

а также 15 государств региона. Фонд призван содействовать развитию информационного общества в Латинской Америке и Карибском бассейне [1].

На сегодняшний день по уровню проникновения Интернета Южная Америка занимает 6-е (72 %), а Центральная Америка – 10-е (67 %) место в мире. Средний же уровень проникновения Интернета в латиноамериканском регионе составляет 69,5 %, что выше, чем среднемировой (59,5 %) [5].

Наибольшее количество времени латиноамериканские пользователи Интернета проводят в социальных сетях. По степени их использования некоторые страны континента превосходят развитые страны. Из десяти стран с наибольшим временем нахождения в социальных сетях – 5 латиноамериканские [6, с. 81–82]. Самой популярной в регионе социальной сетью является «Facebook» (94,8 % пользователей на 2017 г.) [2, с. 54].

Учитывая большую популярность среди населения региона социальных сетей, некоторые латиноамериканские политики уже в начале текущего столетия для общения с избирателями начали создавать собственные аккаунты. Одним из первых активную деятельность в этой сфере развернул ныне покойный экс-президент Венесуэлы Уго Чавес, которому первым среди латиноамериканских лидеров удалось набрать миллион подписчиков в сети Twitter [1]. А уже в 2013 г. (по данным исследования активности политиков в Twitter, ежегодно проводимом американским PR-агентством Burson-Marsteller) пять тогдашних латиноамериканских президентов попали в двадцатку самых читаемых политиков сети: К. Киршнер (Аргентина), Э. П. Ньето (Мексика), Х. М. Сантос (Колумбия), Д. Роусефф (Бразилия), Н. Мадуро (Венесуэла) [7]. По сей день общение президентов латиноамериканских государств со своими гражданами через аккаунты в социальных сетях является неотъемлемой частью их политической деятельности, а феномен президента-блогера имеет самые значительные масштабы и наибольший общественно-политический резонанс [1].

Важным показателем становления электронно-цифрового общества является реализуемая через сеть Интернета торговля. По данным на 2016 г. лидерами в области электронной торговли являлись Аргентина, Бразилия и Чили. В 2017 г. число пользователей, осуществивших покупки в сети Интернет в странах Латинской Америки, составило 37 % (4 % от общемировой электронной торговли). Рост числа продаж через Интернет способствовал тому, что традиционные компании стали создавать официальные сайты со своей продукцией. В тоже время появились компании, занимающиеся только интернет-торговлей, в том числе в региональном масштабе. Например, крупнейшая в ЛА туристическая компания «Despegar» имеет свои представительства в 21 стране, а также наиболее популярный в регионе портал онлайн-покупок «MercadoLibre» [6, с. 53].

Новые тенденции характерны и для финансовой сферы. В ряде стран региона используются криптовалюты, хотя ни в одной из них нет законодательства о криптовалютах. Наибольшим количеством крипто-банкоматов среди латиноамериканских государств владеет Аргентина. Мексиканская криптовалютная биржа Bitso насчитывает более 500 000 пользователей. В таких странах как Чили, Бразилия, Аргентина, Колумбия успешно внедряют в практику использование системы блокчейна. Например, блокчейн-платформа «Федеральная Аргентина» служит для оплаты тендеров, покупки полисов, оплаты образовательных услуг [5].

Достаточно успешно в странах Латинской Америки реализуется политика по внедрению электронного правительства. По данным мирового рейтинга, составляемого каждые два года ООН, в 2018 г. Уругвай первым из государств региона вошел в группу стран с очень высоким уровнем развития электронного правительства (EGDI) [8]. Еще в 2014 г. уругвайская система электронного правительства позволяла гражданам оформлять онлайн 70% документов и заявок [1]. В 2020 г. ее дополнили еще четыре латиноамериканских государства – Бразилия, Аргентина, Коста-Рика и Чили. Только пять стран региона (Гайана, Гаити, Белиз, Гондурас и Куба) все еще находятся в группе среднего уровня развития, тогда как все остальные отнесены к странам с высоким уровнем развития электронного правительства. Причем Мексика, Колумбия, Эквадор, Перу, Барбадос и Багамские острова близки к переходу в группу с очень высоким уровнем ^{EGDI}. Самыми популярными онлайн-услугами в странах Южной Америки являются регистрация компаний, оплата коммунальных услуг, заявление на получение свидетельства о браке/рождении/смерти [9].

На сегодняшний день Латинская Америка достигла значительных успехов в освоении и распространении интернет-технологий. Вместе с тем между странами региона и внутри них наблюдается цифровое неравенство. Причина этого заключается в неразвитой инфраструктуре, недостаточном распространении мобильной связи и широкополосного Интернета. Низкая скорость, высокая стоимость интернет-трафика в купе с невысоким уровнем грамотности части населения также играют роль сдерживающего фактора в формировании информационного общества. Большую проблему для развития ИКТ в регионе представляет нехватка квалифицированных работников. Страны Латинской Америки имеют пропорционально меньше инженеров, чем другие страны с аналогичным уровнем экономического развития [9]. Требуется неотложных мер проблема слабого внедрения цифровых технологий предприятиями малого и среднего бизнеса, которому для этого просто не хватает ресурсов. Для решения этих проблем необходим комплексный подход не только внутри отдельных государств, но и в масштабах всего региона, а также значительные инвестиции. В целом, можно констатировать, что процесс формирования информационного общества в странах Латинской Америки еще не завершен.

Литература

1. Пятаков, А. Интернет в Латинской Америке: реальность и перспективы цифрового будущего / А. Пятаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/-analytics-and-comments/analytics/internet-v-latinskoj-amerike-realnost-i-perspektivy-tsifrovo/>. – Дата доступа: 20.04.2021.
2. Макарычева, А. В. Информационное общество в Латинской Америке: перспективы становления / А.В. Макарычева. – Латинская Америка. – 2017. – № 6. – С. 49–61.
3. Бобровников, А. В. Латинская Америка: новые вызовы и пути модернизации / А. В. Бобровников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ilaran.ru/?n=48>. – Дата доступа: 20.04.2021.
4. Ермольева, Э. Г. Влияние информационно-коммуникационных технологий на латиноамериканский рынок труда. Текущие изменения в формах занятости / Э. Г. Ермольева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ras.jes.su/la/s0044748x0014085-2-1>. – Дата доступа: 25.04.2021.
5. Ревина, С. Ю. Перспективы развития цифровой экономики в странах Латинской Америки / С. Ю. Ревина, Д. П. Гальвес Чарри [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://1economic.ru/lib/112086>. – Дата доступа: 23.04.2021.

6. Бурляй, Я. А. Использование латиноамериканских социальных сетей в интересах России / Я. А. Бурляй // Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы: материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6–7 декабря 2019 г. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – М.: МПГУ, 2019. – 472 с.

7. Пять президентов Латинской Америки вошли в двадцатку самых читаемых политиков в «Twitter». 26 июля 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/545461>. – Дата доступа: 25.04.2021.

8. Исследование ООН: Электронное правительство 2018. Применение электронного правительства для формирования устойчивого общества. – Нью-Йорк, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018-Survey/E-Government%20Survey%202018_Russian.pdf. – Дата доступа: 23.04.2021.

9. Исследование ООН: Электронное правительство 2020. Цифровое правительство в десятилетия действий по достижению устойчивого развития. С дополнением по реагированию на COVID-19. – Нью-Йорк, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20-%20Russian.pdf>. – Дата доступа: 23.04.2021.

В статье рассматривается процесс развития интернет-технологий в регионе, выявляются достижения латиноамериканских государств в данной области, а также имеющиеся проблемы на пути формирования информационного общества.

Ключевые слова: информационное общество, Интернет, социальные сети, электронное правительство, электронная торговля, криптовалюты, блокчейн, цифровое неравенство.

In the article, the author describes the development of Internet technologies, identifies the achievements and existing problems of Latin American states on the way of forming an information society.

Keywords: information society, Internet, social networks, e-government, e-commerce, cryptocurrencies, blockchain, digital divide.

УДК 342

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ЧУГУНОВА Т. И.

*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

В настоящее время актуальными и вызывающими несомненный интерес темами научных исследований являются проблемы национальной безопасности. Появление новых вызовов и угроз, активизация тех, что существуют традиционно (терроризм, рост масштабов техногенных катастроф, формирование «сетевого мира», правовой нигилизм и др.) требуют концентрации внимания на обеспечении безопасности личности, общества и государства на всех уровнях, но прежде всего, на национальном.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 (далее –

Концепция), национальную безопасность определяет как состояние защищенности жизненно важных интересов личности (ее конституционных прав, свобод и законных интересов), общества (его материальных и духовных ценностей, системы общественных отношений, охраняемых нормами права) и государства (его независимости, территориальной целостности, суверенитета, конституционного строя) от внутренних и внешних угроз [1, п. 4, п. 46].

Согласно Концепции национальная безопасность – это комплексное и системное явление, включающее отдельные связанные между собой и находящиеся в постоянном взаимодействии элементы, образующие определенную целостность. Структура национальной безопасности состоит из следующих видов безопасности: политической, экономической, научно-технологической, социальной, демографической, информационной, военной и экологической [1, п. 4]. Каждый из названных элементов обладает своей собственной структурой и отдельным содержанием. Важно, что обеспечение одного вида безопасности невозможно без обеспечения иных ее видов.

В качестве цели обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь Концепция определяет достижение и поддержание такого уровня защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, который гарантирует устойчивое развитие Республики Беларусь и реализацию ее национальных интересов [1, п. 47]. Ее реализация невозможна без принятия законодательства, которое обеспечивало бы предотвращение возникновения угроз безопасности и устранение уже имеющихся.

Функционирование правовой системы и ее социальное значение имеют исключительное значение в обеспечении национальной безопасности. Следовательно, вопросы правового регулирования в контексте данной проблемы являются приоритетными. В связи с этим совершенствование правовой системы общества, улучшение нормативной правовой базы, регламентирующей как ее функционирование, так и остальных сфер общественной жизни – это актуальные задачи, стоящие перед субъектами, обеспечивающими все виды национальной безопасности.

Рассматривая виды угроз национальной безопасности в современной Республике Беларусь, авторы такого фундаментального труда, как монография «Основные направления обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы» достаточно подробно проанализировали угрозы в политической, экономической, экологической, информационной, военной сферах. Классифицируя угрозы в гуманитарной сфере, ими выделены подвиды безопасности: демографическая, социальная, духовно-нравственная, этническая, конфессиональная, интеллектуальная. Однако в научном исследовании совершенно не рассмотрены опасности, имеющие место в правовой сфере [2].

При этом ученые правоведы традиционно относят национальную безопасность к объектам именно государственной правовой охраны. Вместе с тем, непосредственно проблемам правовой безопасности в юридической литературе уделяется недостаточно внимания. До настоящего времени практически не исследованы ее содержание, специфические черты и виды, не определено место

в системе национальной безопасности. В этом вопросе отсутствует и терминологическое единство. Некоторые авторы данную безопасность считают правовой (А. Ф. Галузин), другие – юридической (А. А. Тер-Акопов, Ю. Б. Фомин). В современных правовых исследованиях преимущественно используется термин «правовая безопасность», поскольку ученые, в частности А. С. Шабуров, полагают, что «указанные определения не содержат принципиальных отличий держательного характера, дающих основания для разделения юридической и правовой безопасности» [3, с. 28].

В теории права существует два подхода в определении сущности правовой безопасности. Согласно первому – это обеспечение защищенности самой правовой системы. Так, по мнению С. В. Кот, правовая безопасность – это «состояние законодательной защищенности интересов личности, общества и государства, характеризующееся наличием развитой правовой базы и эффективным механизмом надзора за ее функционированием» [4, с. 17].

Второй заключается в том, что «в рамках правовой системы посредством правового регулирования общественных отношений осуществляются меры безопасности в различных сферах: экономической, экологической, военной и т. д.» и правовая безопасность «призвана обеспечивать защищенность национальных интересов, отражаемых в процессе правового регулирования общественных отношений, опосредовать все виды безопасности. Все это определяет роль и значение правовой безопасности в охране национальных интересов и ее ведущее место среди других видов безопасности» [5, с. 11].

Безусловно, неэффективное функционирование правовой системы порождает проблемы в правовом регулировании многих, если не всех, сфер общественной жизни. Опасность здесь видится, в том числе, в низком качестве законодательской деятельности и законодательной техники, несовершенстве законодательства и его пробельности, нестабильности нормативных правовых актов или их отсутствии, противоправное правоприменение.

Полагаем, что можно согласиться с исследователями, считающими, что правовая безопасность должна быть выделена в отдельный вид национальной безопасности, поскольку она предполагает защиту системы права, законодательства, правовой системы в целом от опасностей, угроз и обеспечивает безопасность всех иных видов национальной безопасности (экономической, политической, экологической и др.). Подобную концепцию правовой безопасности в частности развивал в своих работах А. А. Тер-Акопов. Правовую безопасность он определял как «механизм противодействия различным угрозам юридическим средствами». Основанием же ее выделения в самостоятельный вид безопасности, по его мнению, является «воплощенность юридической составляющей в базисные сферы развития общества» [6, с. 11, 13]. Близкую позицию занял и А. Ф. Галузин, рассматривающий правовую безопасность как состояние «защищенности позитивного права и правоприменения от юридико-правовых опасностей в целях юридического обеспечения безопасным законом и его применением видов социальной безопасности» [7, с. 77].

Структурно правовая безопасность может быть разделена на подвиды. Так А. А. Фомин выделял их в зависимости от содержания правовых отраслей,

регулирующих и охраняющих соответствующие сферы общественных отношений и обеспечивающих в них безопасность. По этому основанию правовое обеспечение безопасности можно, по его мнению, разделить на конституционно-правовое, гражданско-правовое, уголовно-правовое, эколого-правовое и т. д. [8, с. 10–11]. Считаем возможным солидаризироваться с такой классификацией, поскольку она позволяет в каждой отрасли выделить те нормы, которые обеспечивают правовую безопасность, и развивать их в целях наиболее эффективного предотвращения возможных угроз.

Концепция, перечисляя в п. 27 основные потенциальные либо реально существующие угрозы национальной безопасности, не называет в качестве таковых несовершенство и противоречивость законодательства, отсутствие необходимых нормативных правовых актов и иные виды негативного воздействия на правовую систему. Вместе с тем, как уже отмечалось, правовая упорядоченность общественных отношений является необходимым условием безопасности личности, общества и государства, условием их стабильного функционирования, динамичного и устойчивого развития.

Таким образом, в условиях происходящих перемен возникает необходимость переосмысления Концепции национальной безопасности Республики Беларусь и подходов к определению ее структуры. На основе изложенного мы считаем необходимым:

1. В качестве неотъемлемого элемента включить в п. 4 Концепции, определяющий структуру национальной безопасности Республики Беларусь, правовую безопасность, как отдельный ее вид.

2. В главе 4 Концепции «Угрозы национальной безопасности» перечислить такие основные угрозы правовой безопасности:

- как отсутствие необходимых нормативных правовых актов;
- низкое качество законотворческой деятельности и законотворческой техники;
- нестабильность нормативных правовых актов;
- чрезмерность правового регулирования и др.

Литература

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 9 ноября 2010 г. № 575: в ред. от 24 января 2014 г. № 49 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Мясникович, М. В. Основные направления обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы / М. В. Мясникович [и др.]. – Мн. : Изд-во «Экономика и право», 2003. – 451 с.

3. Шабуров, А. С. Правовая безопасность в системе национальной безопасности / А. С. Шабуров // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2015. – Т. 15. – № 3. – С. 24–30.

4. Кот, С. В. Деятельность органов прокуратуры по обеспечению конституционной безопасности Российской Федерации: автореф. ... дис. канд. юрид. наук / С. В. Кот. – М., 2004. – 23 с.

5. Дрейшев, Б. В. Правовая безопасность и проблемы ее обеспечения / Б. В. Дрейшев // Правоведение. – 1998. – № 2. – С. 11–19.

6. Тер-Акопов, А. А. Юридическая безопасность человека в Российской Федерации (основные концепции) / А. А. Тер-Акопов // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 11–18.

7. Галузин, А. Ф. О соотношении понятий «квазиправовая юриспруденция», «юридическая и правовая безопасность» / А. Ф. Галузин // Инновации в государстве и праве: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: Изд. Нижегородского госуниверситета, 2007. – 548 с. – Ч. 1.

8. Фомин, А. А. Юридическая безопасность субъектов российского права : вопросы теории и практики : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01 / А. А. Фомин. – Саратов, 2008. – 58 с.

Ключевые слова: концепция, национальная безопасность, структура национальной безопасности, правовая безопасность.

Key words: concept, national security, structure of national security, secure legal footing.

В статье рассматривается структура национальной безопасности Республики Беларусь и место в ней правовой безопасности. Продемонстрировано, что правовая безопасность занимает главенствующее место в системе национальной безопасности, поскольку обеспечивает защищенность всех видов безопасности посредством эффективного правового регулирования общественных отношений.

This article covers the structure of national security of the Republic of Belarus and the place of secure legal footing in it. It was demonstrated that secure legal footing takes the dominant place in the system of national security, since it provides the protection of all the types of security by means of effective legal regulation of social relations.

Научное издание

«СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

*Под общей редакцией
кандидата философских наук, доцента Варич В. Н.*

Основан в 2004 г.

Выпуск XIII

Ответственный за выпуск: Варич В. Н.
Редактор: Митлошук М. А.
Компьютерная вёрстка: Соколюк А. П.
Корректор: Дударук С. А.

Издательство БрГТУ.
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/235 от 24.03.2014 г.,
№ 3/1569 от 16.10.2017 г.
Подписано в печать 05.08.2021 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага «Performer». Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 9,77. Уч. изд. л. 10,5.
Заказ № 835. Тираж экз.
Отпечатано на ризографе Учреждения
образования «Брестский государственный
технический университет».
224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ISBN 978-985-493-502-7



